

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**Центр по изучению проблем народонаселения
Кафедра народонаселения**

**МИГРАЦИЯ
И
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

**Научная серия: Международная миграции
населения: Россия и современный мир**

Выпуск 11

**Москва
МАКС Пресс
2003**

ББК 60.7
М57

*Серия «Международная миграция населения:
Россия и современный мир»*

Выпуск 11

Редакционная коллегия:

В.А. Ионцев (главный редактор),
И.В. Ивахнюк (ответственный секретарь), **Г.Е. Ананьева**,
А.Н. Каменский, **Е.С. Красинец**, **И.А. Малаха**,
А.Г. Магамедова, **В.Н. Петров**, **А.П. Судоплатов**,
Л.Л. Рыбаковский, **Г.В. Кумсков** (Кыргызстан),
А.У. Хомра (Украина)

Миграция и национальная безопасность:

М57 Научная серия: Международная миграция населения:
Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. —
М.: МАКС-Пресс, 2003. — Вып. 11. — 148 с.

ISBN 5–317–00942–1

Одиннадцатый выпуск серии посвящен вопросам влияния миграции на национальную безопасность государства, имея ввиду прежде всего такие её компоненты как демографическая, экономическая, политическая, этническая и др. Особую злободневность проблемы национальной безопасности и миграции приобрели в России и других странах СНГ. Публикуемые в сборнике материалы могут не отображать точку зрения редколлегии. Авторы несут ответственность за их достоверность.

Материалы серии имеют как научный, так и учебный характер и соответственно могут быть использованы в учебном процессе.

С электронной версией настоящего и предыдущих выпусков серии можно ознакомиться на сайте кафедры народонаселения экономического факультета МГУ (www.demostudy.ru).

ББК 60.7

Компьютерный набор, обработка текста и подготовка макета:
Иван Алешковский

ISBN 5–317–00942–1

© В.А. Ионцев и др., 2003

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Предисловие</u> (<i>Владимир Ионцев</i>).....	6
<u>Introduction</u> (<i>Vladimir Iontsev</i>).....	11
<u>Трибуна ученого</u>	15
<i>Леонид Рыбаковский</i> Демографическая безопасность: геополитические аспекты и миграция	15
<i>Ирина Ивахнюк, Рамазан Дауров</i> Незаконная миграция и безопасность России: угрозы, вызовы, риски	30
<i>Грэм П. Херд, Росариа Пуглиси</i> Национальная безопасность и миграционная политика в России времен В. Путина: взгляд извне ...	52
<i>Далхат Эдиев</i> Международная миграция как фактор преодоления депопуляции России	62
<i>Александр Хомра</i> Миграция населения Украины в 1989–2001 гг.: вклад в изменение численности и этнической структуры населения ..	73
<i>Светлана Соболева, Ольга Чудаева</i> Иностранцы мигранты на российском рынке труда.....	90
<u>Молодежная страничка</u>	105
<i>Иван Алешковский</i> Национальная безопасность и трудовая миграция в Германии.....	105
<i>Яна Трухина</i> Самоорганизация миграционной политики в Португалии... 116	
<u>Научная жизнь</u>	121
Международная конференция «Ответ на вызовы «мягких» угроз безопасности в XXI веке» (<i>Ирина Ивахнюк</i>).....	121
Международный семинар «Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия».....	125
Европейская конференция по народонаселению ЕРС-2003 (<i>Ирина Ивахнюк</i>)	126
4-я региональная конференция Совета Европы «Миграционная политика накануне расширения ЕС: вызовы будущему сотрудничеству в восточноевропейском регионе» (<i>Ирина Ивахнюк</i>)	127
Международный семинар «Экономическая миграция в России — правовая защита мигрантов» (<i>Ирина Ивахнюк</i>)	130
<u>Сведения об авторах</u>	132
<u>Notes on the authors</u>	133
<u>Summary of the Articles</u>	134
<u>Информация о серии</u>	137
<u>Information for foreign readers and contributors</u>	143

MOSCOW STATE LOMONOSOV UNIVERSITY

Faculty of Economics
Population Department

**MIGRATION
AND
NATIONAL SECURITY**

Scientific Series: International Migration of Population:
Russia and the Contemporary World

Volume 11

Moscow
MAX Press
2003

CONTENTS

<u>Introduction</u> (<i>Vladimir Iontsev</i>).....	11
<u>Articles</u>	15
<i>Leonid Rybakovskiy</i> Demographic Security: Geopolitical Aspects and Migration.....	15
<i>Irina Ivakhniouk, Ramazan Daurov</i> Irregular Migration and Security in Russia: Threats, Challenges, Risks	30
<i>Graeme P. Herd, Rosaria Puglisi</i> National Security and Migration Policy in Putin's Russia: a Foreign Perspective	52
<i>Dalkhat Ediev</i> International Migration as a Way to Overcome Depopulation Trends in Russia.....	62
<i>Alexander Khomra</i> Migration of Population in Ukraine in 1989–2001: Input to Population Dynamics and Ethnic Structure.....	73
<i>Dalkhat Ediev</i> Foreign Migrants on the Russian Labor Market	90
<u>Young Scientists' Viewpoints</u>	105
<i>Ivan Aleshkovskiy</i> National Security and Labor Migration in Germany.....	105
<i>Yana Troukhina</i> Self-organization of Migration Policy in Portugal.....	116
<u>Scientific Life Reviews</u>	121
International Conference «Managing the Challenges of Soft Security Threats in the 21 st Century» (<i>Irina Ivakhniouk</i>).....	121
Interantional Seminar «Migration and Internal Security. Aspects of Interrelation» (<i>Irina Ivakhniouk</i>)	125
European Population Conference EPC–2003 (<i>Irina Ivakhniouk</i>).....	126
The 4 th Regional Conference of the Council of Europe «Migration Policies on the Eve of the EU Enlargement: What Challenges for Future Co-operation within the East European Region» (<i>Irina Ivakhniouk</i>)	127
International Workshop «Economic Migration in Russia — Legal Protection of Migrant Workers» (<i>Irina Ivakhniouk</i>).....	121
<u>Notes on the Authors</u>	133
<u>Summary of the Articles</u>	134
<u>Information for foreign readers and contributors</u>	143

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде всего хотелось бы несколько слов сказать об основных понятиях и терминах, поскольку само слово «безопасность» сейчас очень широко применяется в различных аспектах развития как России, так и других государств мира, тех или иных его регионов. Если говорить о понятии «безопасность», то надо, в первую очередь, говорить о национальной безопасности, поскольку именно это понятие и вбирает в себя понятие «безопасность государства», о которой с удвоенной силой заговорили во всем мире после террористических актов в США 11 сентября 2001 г.

Согласно Закону Российской Федерации «О национальной безопасности», национальная безопасность — это система развития государства с точки зрения его способности к самовыживанию и развитию в условиях внутренних и внешних угроз. В первую очередь, необходимо выделить такие компоненты развития государства и его национальной безопасности как геополитические, экономические, экологические и демографические. Те прилагательные, которые появились в последнее время, — экономическая безопасность, социальная безопасность, даже экологическая безопасность — это как раз те важные составные части национальной безопасности, которые мы должны учитывать при рассмотрении этого вопроса.

Можно конечно добавить термин и «миграционная безопасность», но в данном случае весьма трудно сформулировать, что же из себя все-таки представляет «миграционная безопасность», если не рассматривать ее как часть так называемой демографической безопасности. Также можно дискутировать и насчет «культурной безопасности» как компоненты миграции населения.

Но одно несомненно: о какой бы компоненте национальной безопасности ни шла речь, миграция в определенной степени влияет на все ее составные части¹.

Хотелось бы сделать еще одно пояснение относительно понятия «международная миграция». Обычно при анализе международной миграции акцент делается лишь на отдельные виды миграции, которые не определяют всю миграцию в целом. В нашем понимании международная миграция — это территориальное передвижение населения через государственную границу. И в зависимости от того, принимается ли такое понимание международной миграции или нет, строится и диапазон той политики, которая должна проводиться в государстве в отношении этого процесса.

В частности, с 1992 года по 1999 год все внимание в России было приковано к вынужденной миграции. При этом чуть ли не вся миграция

¹ Среди работ российских авторов на эту тему, пожалуй, можно выделить две из них: Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты. М., 2003; Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М.: Московский Центр Карнеги, 2000.

представлялась как вынужденная, что принесло большой вред в осуществлении тех миграционных мероприятий, которые проводились на уровне государства и которые явно не способствовали укреплению национальной безопасности России. Но сейчас, начиная с сентября 2001 года, все внимание «вдруг» сконцентрировалось вокруг нелегальной миграции. При этом забывается, что помимо нелегальной миграции продолжают существовать многие другие формы и категории миграции, которые не в меньшей степени влияют на развитие государства, в том числе с точки зрения национальной безопасности.

Необходимо выделить три уровня, влияющие на развитие миграции в стране, — геополитический, экономический и демографический. Именно эти аспекты во многом обуславливают национальную безопасность нашего государства и отдельных его регионов.

Что касается *геополитического* аспекта влияния миграционных процессов на развитие страны, то сложилась в принципе уникальная ситуация, когда в течение исторически короткого периода времени Россия вольно или невольно превратилась в мощный центр притяжения мигрантов. В связи с этим и в зависимости от того, какие меры регулирования миграционных процессов принимались в государстве, зависели и многие аспекты его развития, которые, в конечном счете, влияли и на безопасность. Это сложный вопрос, но хотелось бы отметить, что были и положительные моменты в плане развития страны, которые были связаны с миграцией населения между странами ближнего зарубежья. Однако, к сожалению, из-за того, что все внимание было сконцентрировано вокруг вынужденной миграции, прошедшие 10 лет породили не совсем верное представление и неадекватные меры в отношении миграции, связанной с ближним зарубежьем. Была упущена уникальная возможность использовать положительный потенциал миграции не только для укрепления геополитического статуса государства, но и для его экономического и демографического развития. Об этом было четко сказано Президентом России в своем послании Федеральному собранию в марте 2003 года.

Геополитический аспект взаимосвязи миграции с национальной безопасностью актуален и для стран дальнего зарубежья, в частности, в этническом контексте миграции. Так, при складывающейся демографической ситуации коренное, немецкое, население Германии сократится с 74,6 млн. в 2000 году до 56–58 млн. человек в 2050 году, тогда как численность иностранного населения страны вырастет с 7,4 млн. в 2000 году до 8–16 млн. человек².

При тех тенденциях демографического развития, которые имеют место в Бельгии, Франции и ряде других европейских стран, можно сделать вывод о том, что на смену европейской цивилизации идет азиатская цивилизация. При этом не арабский фактор, на котором часто сейчас акцентируется внимание, а именно азиатский фактор постепенно, ненавяз-

² Modellrechnungen zur Bevölkerungsentwicklung in der Bundesrepublik Deutschland bis zum Jahr 2050. Bonn: Bundesministerium des Innern, 2000.

чиво, но тем не менее неизбежно меняет этническую ситуацию в этих странах.³ Растущая миграция из Китая и других восточно-азиатских государств, для которых Россия представляет собой транзитную территорию, по-новому ставит вопрос о миграционном взаимодействии между Россией и европейскими государствами. От той позиции, которую займет Россия в этом вопросе, зависит, в частности, насколько глубоко и как быстро произойдет в Европе смена цивилизаций, если она действительно произойдет.

Что касается *экономической* подоплеки этого вопроса, то здесь проявляется двойственный характер проблемы. С одной стороны, Россия явно недоиспользует экономические возможности, связанные с миграцией из ближнего зарубежья, и полемика о квотах лишней раз подтверждает, что те квоты, которые мы сами себе установили, далеко невосполнимы. С другой стороны, сама Россия в значительной степени теряет как финансовые, так и человеческие ресурсы в результате эмиграции.

Наконец, *демографический* аспект национальной безопасности. Это действительно огромная проблема для России, поскольку страна переживает демографический кризис, который затрагивает все аспекты национальной безопасности. В частности, хотелось бы обратить внимание на одно заблуждение, которое сложилось в нашей стране, что якобы с помощью миграции Россия, как, например, Германия, сможет решать свои демографические проблемы. С этим нельзя согласиться, поскольку сама демографическая ситуация, складывающаяся в Германии и ряде других западных стран, совершенно отлична от России. Одно дело — депопуляция, которую переживают Германия, Франция и ряд других государств, и совсем другое дело — демографический кризис, который разразился в России за последние 10–12 лет. Никакая замещающая миграция России не поможет, если, конечно, не предположить нечто сверхособенное, когда в Россию будет ежегодно въезжать более 2 млн. человек, что не только практически, но даже теоретически нереально.

В этом смысле особый интерес представляет статья Л. Рыбаковского, одного из самых авторитетных российских ученых, занимающихся изучением миграции населения, которая открывает 11-й выпуск. Единственное, пожалуй, с чем нельзя согласиться в данной статье, так это с отождествлением таких понятий как «депопуляция» и «демографический кризис», а соответственно с тем, какую роль играет миграции в этих явлениях.

Проблемы демографического развития России, включая миграционную ее составляющую, с точки зрения ее безопасности, анализируются в статье наших западных коллег, Г. Хэрда и Р. Пуглиси, известных специалистов по вопросам безопасности. Их статья тем более интересна, что она представляет «взгляд извне» на проблемы безопасности России. Хотелось бы только возразить против одного ошибочного утверждения

³ См., напр., Мир в зеркале международной миграции. Серия «Международная миграция населения и современный мир». Выпуск 10. М.: МАКС Пресс, 2002.

(имеющего место и в отдельных работах российских авторов), а именно: «...“иностранная” иммиграция является относительно новым явлением для России». В отдельные периоды истории России иммиграция (при этом прилагательное «иностранная» искажает само понятие «иммиграция») имела достаточно большие масштабы и играла значительную роль в развитии российского государства⁴.

В настоящее время зачастую вся миграция представляется как нелегальная, а вся нелегальная миграция представляется в сугубо негативном плане, как порождающая различные острые проблемы. Но нельзя забывать, что миграция только тогда негативно влияет на развитие страны в целом и региона, в частности, когда государственный или региональный подход к оценке этой миграции бывает неправильным. В этом случае такое сугубо положительное в целом явление, как миграция, может иметь безусловно негативные последствия, затрагивающие все стороны жизни государства.

Этот последний тезис, в частности, наглядно и убедительно раскрывается в добротной совместной статье известных российских специалистов, И. Ивахнюк и Р. Даурова, которые, пожалуй, наиболее объемно в этом выпуске отразили разные аспекты национальной безопасности и миграции.

Именно с разных сторон к рассмотрению взаимосвязи миграции и национальной безопасности подошли другие авторы данного выпуска, каждый из которых заслуживает много лестных слов, но, думаю, лучше всего за них скажут их очень интересные статьи.

К сожалению, так и не успел опубликоваться в нашей научной серии один из известнейших российских ученых, один из основных авторов становления науки «Миграциология», главный научный сотрудник кафедры народонаселения, профессор, доктор географических наук Борис Сергеевич Хорев, основатель и главный редактор другой научной серии — «Население и кризисы». Борис Сергеевич умер 3 июня 2003 г., не дожив нескольких дней до своего дня рождения. Это большая утрата для всего российского научного сообщества. Но остались его многочисленные ученики и еще более многочисленные научные работы, учебники и учебные пособия, популярные публикации. Среди них особо хочется назвать «Проблемы городов» (1971, 1975), «Территориальная организация общества» (1981), «Проблемы изучения миграции населения» (1978, соавтор — В.Н. Чапек), «Экономическая и социальная география мира» (2000, соавтор — Н.В. Алисов), «Миграциология» (1989, в соавторстве) и многие другие.

Важной частью всех выпусков серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» является раздел «Молодежная страничка», где публикуются статьи совсем молодых исследователей (студентов, аспирантов, стажеров). Редакционная коллегия серии видит

⁴ См. подробнее, например, Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999.

в этом хороший способ содействовать интересу к исследовательской работе среди молодых и дать им возможность представить результаты своих исследований вниманию широкой заинтересованной аудитории. Руководствуясь этим, мы решили издать выпуск, планируемый на 2004 год, как полностью молодежный. Приглашаем авторов до 27 лет из России и других стран участвовать в этом выпуске. Прислать свои статьи и получить информацию об условиях участия в выпуске можно в редколлегии серии по адресу: Москва, 119992, Ленинские горы, МГУ, 2-й учебный корпус, к.442 и 458, кафедра народонаселения экономического факультета. Тел: (7 095) 939 29 28. Факс: (7 095) 939 08 77. e-mail: iontsev@econ.msu.ru и ivakhniouk@econ.msu.ru.

Редакционная коллегия серии выражает благодарность Научному Совету экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, при поддержке которого осуществлена публикация настоящего выпуска.

В.А. Ионцев, главный редактор серии

INTRODUCTION

First of all, I would like to highlight the “terminology issue” as the term *security* is now widely used for characteristics of different aspects of development in Russia and other countries, as well as certain regions. The term *security* is primarily used to indicate *national security* as this concept includes the idea of *security of a state* that has become the crucial point of the security debate after terrorist attacks in the USA on September 11, 2001.

National security is a system of state development from the point of view of its ability to survive and make progress under the circumstances of internal and external threats. Above all, it is necessary to outline geopolitical, economic, ecological and demographic components of the development of a state and its security. The adjectives that have appeared recently — economic security, social security, even ecological security — they are in fact the components of national security that are to be taken into consideration when analyzing this issue.

The term *migration security* can also be added, however, it is difficult to define what migration security is when it is regarded in isolation from so called demographic security. *Cultural security* in the context of migration can also be a subject for discussion.

However, no matter which component of national security is in discussion, migration affects all of them to this or that extent⁵.

One more clarification is needed — about the term *international migration*. Usually the analysis of international migration is focused on its separate types that do not characterize migration in a whole. We understand international migration as a territorial movement across state boundaries, and the range of government policy in migration field strongly depends on whether this understanding of international migration is accepted or not.

For example, since 1992 till 1999 in Russia attention was entirely focused on forced migration. But for all that almost all migration flows were regarded as forced ones. This position has seriously damaged the effectiveness of migration management and hardly contributed strengthening of Russia’s national security. However, after September 2001 the focus of migration activities “suddenly” became concentrated on illegal migration. However, it was forgotten that besides illegal migration there exist other forms and categories of migration which also have an influence on the state development, and on national security in particular.

It is important to distinguish three aspects that determine migration situation in a country: geopolitical, economic and demographic. In many respects they influence national security of contemporary Russia and its regions.

⁵ Two publications of Russian authors on this theme are worth being mentioned: Rybakovskiy, L. *Demographic Security: Population and Geopolitical Aspects*. Moscow, 2003; *Migration and Security in Russia* // Ed. by. G. Vitkovskaya, S. Panarin. Moscow: Carnegie Endowment for International Peace, 2000.

Geopolitical aspect is characterized by a unique situation when during a rather short period of time Russia — voluntarily or not — has become a powerful epicenter attracting migrants. Due to this fact — along with migration management measures — the development of the country (and its regions) in many respects has become strongly influenced by migration trends. In the long run it is correlated to security issues. It is a complicated question, however, it is necessary to note that there were also positive inputs in the development of the country resulting from migration from the former Soviet republics. Unfortunately, the fact that migration management was focused primarily on forced migration is resulting in perverted understanding and unequal measures towards migration movements within the former Soviet space. A favorable opportunity to use positive migration potential both for geopolitical status strengthening and economic and demographic benefit was lost. This thesis was clearly stressed by the President of Russia in his message to the Federal Assembly in March 2003.

Geopolitical aspect of interrelation between migration and national security is also topical for other countries of the world, in ethnic context of migration in particular. Under the current demographic trends in Germany indigenous, German population will decrease to 56–58 million in 2050 from approximately 75 million in 2000, while foreign population will increase to 8–16 million in 2050 from 7,5 in 2000⁶. The demographic situation in Belgium, France and other European countries demonstrates that Asian civilization is coming to take the place of European civilization. And for all that not “Arabic factor” which is often accented now but “Asian factor” gradually and softly — but inevitably — is shifting ethnic situation in European countries⁷. Growing migration from China and other East Asian countries that regard Russia as a transit territory gives new accent to co-operation between Russia and European countries in the field of migration. The position of Russia in this issue will determine how fast and how deep the process of replacement of civilizations in Europe will happen, if happen at all.

As to *economic* basis of this question, it is of dual character. On the one hand, Russia obviously underestimates economic benefits that can result from migration from the other former Soviet states: debates on migration quotas once more demonstrate that the quotas we determine are far from real needs and inflows. On the other hand, Russia suffers substantial financial and human losses as a result of emigration.

At last, *demographic* aspect of national security. It is in fact an enormous problem for Russia as the country is going through a demographic crisis that affects all aspects of national security. I would like to draw attention to one theoretical delusion typical for Russian experts: they say that Rus-

⁶ Modellrechnungen zur Bevölkerungsentwicklung in der Bundesrepublik Deutschland bis zum Jahr 2050. Bonn: Bundesministerium des Innern, 2000.

⁷ See, for example, World in the Mirror of International Migration. Series “International Migration of Population: Russia and the Contemporary World”. Volume 10. Moscow: MAX Press, 2002.

sia — like Germany for example — can supposedly solve its demographic problems by means of migration inflow. We can't agree first of all because demographic situation in Germany and some other western countries is fundamentally different from that in Russia. Depopulation typical for Germany, France and other European countries is one thing, and demographic crisis that intensified in the last 10–12 years in Russia is a totally different thing. No replacement migration will help Russia if nothing extraordinary happens, because 2-million migration inflow is unrealistic not only in practice but also even theoretically.

In this context I would like to attract attention of the readers to the article that is “opening” the present volume — paper of Leonid Rybakovskiy, one of the most distinguished Russian experts in migration studies. The only thing that we can hardly agree in this paper is identification of the terms “depopulation” and “demographic crisis” and correspondingly — the role of migration in these two phenomena.

The trends of Russia's demographic development, including its migration component, in the context of Russia's national security are analyzed in the paper of our western colleagues G. Herd and R. Puglisi who specialize in security issues. Particular value of their paper is related to the fact that it presents “a view from outside” on the Russia's national security threats. However, we can't agree to the statement (that can be met in the works of Russian authors as well) that “...‘foreign’ immigration is a relatively new phenomenon for Russia”. During certain periods of Russian history, immigration has had substantial scale and role in the development of the nation⁸.

Presently, migration as a whole tends to be regarded as illegal migration, and the latter is often presented negatively, i.e. like a phenomenon fraught with a plenty of harmful consequences. However, we should not forget that migration has a negative effect on development of a country (or its region) only in case of unreasonable federal (or regional) evaluation of this migration and its management. In this case such a generally positive phenomenon as migration can carry undoubtedly negative consequences that damage all the aspects of the state's life.

The last thesis is clearly and earnestly worked out by I.Ivakhniouk and R.Daurov in their joint article that perhaps reflects the interrelation between national security and migration in the best way in this volume.

Various aspects of interrelation between migration and national security are analyzed by other authors of the present volume. Each of them can be met with approval and compliments; however, I suppose their valuable contributions are presenting them in the best way.

Regretfully, our series had not enough time to get contribution from our dearest colleague Boris Khorev, one of the most brilliant Russian scholars, one of the founders of “Migratiology”, the Major Researcher at the Department of Population of the Moscow State ‘Lomonosov’ University, Professor,

⁸ For details please refer to: Iontsev, Vladimir International Migration of Population: Theory and History of Studies. Moscow, 1999.

Doctor in Geography, Editor-in Chief of the other scientific series — “Population and Crisis”. Boris Khorev passed away on June 3, 2003, several days before his birthday. It is an irreparable loss for the Russian scientific community. Fortunately, he left a lot of progenies and numerous books, textbooks, manuals, popular publications, etc. We are reminding only some of them: “Problems of Cities” (1971, 1975), “Territorial Organization of the Society” (1981), “Migration Studies” (1978, co-author — V. Tchapek), “World Economic and Social Geography” (2000, co-author — N. Alisov), “Migrationsiology” (1989, in co-authorship).

An important element of all the issues of the series “International Migration of Population: Russia and the Contemporary World” is the “Young Scientists’ Viewpoints” Section where the papers of young researchers (students, post-graduate students, trainees) are published. The Editorial Board considers it to be a good method to promote young people’s interest towards research work and give them a chance to present the results of their studies for wide interested audience. Following these ideas, we decided to publish a “fully young volume” in 2004. We invite authors up to 27 years old from Russia and other countries to make contributions to this volume. You can send your papers and get additional information on the terms of publication from the Editorial Board.

Address:

Department of Population (of. 442 and 458)

Faculty of Economics

Moscow State ‘Lomonosov’ University

Leninskiye Gory, GSP-2

119992 Moscow RUSSIA

Tel: (7 095) 939 29 28; Fax: (7 095) 939 08 77

E-mail: iontsev@econ.msu.ru; ivakhniouk@econ.msu.ru.

The Editorial Board expresses its gratitude to the Scientific Council of the Faculty of Economics of the Moscow State ‘Lomonosov’ University for its support in publication of the present volume.

Vladimir Iontsev, Editor-in-Chief

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И МИГРАЦИЯ ¹

Демографическая безопасность может быть представлена как такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства. Демографическая безопасность — это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса.

Первая, внутренняя сторона безопасности выражается в таких определениях как выживание, обезлюживание, вырождение, вымирание, самосохранение, самодостаточное воспроизводство, демографическое развитие, демографический кризис, депопуляция и т.д. Главная угроза здесь — возможное вымирание, вследствие затяжной и глубокой депопуляции, в определение которой входят лишь характеристики естественного движения населения: рождаемость и смертность. Замещающая миграция, когда естественная убыль компенсируется иммиграцией, ведет не к сохранению популяции, а к ее изменению со всеми этнокультурными и социальными последствиями. В этом случае через определенное время кардинально меняется этнический и генетический облик населения страны. (Рыбаковский, 2003, С. 149–160)

Внешняя сторона демографической безопасности состоит в формировании таких совокупностей людских (переселенческих, мобилизационных, трудовых) ресурсов, которые должны соответствовать всему кругу геополитических интересов государства: заселенности территории, охране ее границ, поддержанию оборонного потенциала, обеспечению экономики собственными трудовыми ресурсами и др. Следовательно, демографический фактор должен быть достаточным для обеспечения национальной безопасности по всем ее направлениям. К сожалению, в результате затяжной депопуляции (уже более 12 лет), охватившей преобладающую часть регионов страны, и обусловленную наряду с чрезвычайно низким уровнем рождаемости также катастрофически высоким уровнем смертности, демографическое развитие страны все более втягивается под пресс не только внутренних, но и перспективно смертель-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (код проекта 02–03–18144).

ных для Российской Федерации внешних угроз. Без преувеличения, можно считать, что самым решающим для сохранения российской государственности в XXI веке становится демографический фактор. Его значимость проявляется по трем направлениям:

- укрепление геополитического статуса российского государства;
- сохранение территориальной целостности страны;
- обеспечение национальной безопасности России.

Первое. Десятилетие самостоятельного развития России к наступлению XXI века поставило перед ней дилемму: либо сохранить многовековой статус великой державы, либо превратиться в третьеразрядную страну, как правило, сателлита другого более сильного государства. Ныне Россия, как преемница Великой державы — Советского Союза, получила в геополитической сфере его статус. Она сохранила место постоянного члена (с правом вето) в Совете Безопасности ООН, является наряду с США самым мощным ядерным государством, обладает пока еще необходимыми арсеналом ракет стратегического назначения, военно-космическими силами, воздушным и морским флотами, современной артиллерией и бронетехникой, средствами информационного воздействия, химической защиты и т.д. Считается, что к началу нового века в России сохранилось 3/5 военного потенциала, которым обладал СССР, свыше половины ядерного арсенала и почти четверть обычных вооружений (Сенчагов, 2002, С. 8). Несмотря на утрату в связи с развалом СССР кооперативных связей, существенным физическим и моральным износом оборудования и технологий, в России продолжает все еще функционировать военно-промышленный комплекс, способный создавать новые и модернизированные образцы современной техники и оружия для всех родов войск.

Следовательно, в геополитическом и военном отношении Россия, хотя и ослабла, но, тем не менее, продолжает оставаться пока второй по уровню оборонного потенциала державой, наличием у нее военных ресурсов, достаточных для обеспечения независимости и суверенитета государства. Состояние, в котором находится в настоящее время Россия, можно выразить, перефразируя слова идейного недруга нашей страны З.Бжезинского: современная Россия еще не настолько слаба, чтобы не считаться с ее национальными интересами, но она уже и не настолько сильна, чтобы их учитывать в полной мере. Ярчайшее подтверждение этой мысли З. Бжезинского — агрессия США в марте 2003 г. против Ирака, предпринятая, несмотря на возражения со стороны России, Китая, Франции, Германии и большинства других стран, отсутствия поддержки Совета безопасности ООН и многомиллионных протестов в мире. Несколькими годами раньше подобное произошло и с Югославией, и Россия, чувствуя свою слабость, а возможно и нежелание сориться с более сильным партнером, уступила свои позиции на Балканах и, по сути, перестала играть там сколько-нибудь заметную роль, будучи самым крупным и самым мощным славянским государством, которое в своей

истории много раз приходило на помощь братским народам. В прошлом такое было невозможно в мире: США вынуждены были, не солоно хлебавши, уйти из Вьетнама, а Советский Союз вывести «ограниченный» контингент войск из Афганистана, поскольку за спиной Вьетнама стоял СССР, а сопротивление в Афганистане, опиралось на помощь США. Ныне, если отбросить иллюзии, мир однополюсный и место в нем России существенно ослабло. И партнерство с мировым лидером — это всего лишь легкий флирт, а не настоящая любовь, которая предполагает равных партнеров, а не рекордсмена-тяжеловеса и неумелого танцора.

Слабость нынешней России — не в военно-стратегической области, а в ее противоположно направленных уровнях экономического и демографического развития. Несмотря на обладание колоссальными природными ресурсами, Россия среди развитых стран мира в производстве продукции ныне занимает достаточно скромное место. В свое время Советский Союз в мировом промышленном производстве был вторым после США, на его долю приходилась примерно пятая часть, большая половина которой, производилась на территории России. Ныне в производстве мирового валового продукта на долю России приходится в почти в 30 раз меньше, чем на долю США. Россия прочно обосновалась между 10-м и 15 местами в мире (UNDP, 2003).

Правда она преуспевает в эксплуатации своих топливно-сырьевых ресурсов, занимая пока первое место по добыче газа, третье — по добыче нефти, четвертое по выработке электроэнергии и производству чугуна, пятое — по добыче угля. Такая направленность российской экономики превращает ее, как это было и до революции, в сырьевой придаток развитых стран, ставит в технологическую зависимость от них и грозит в обозримой перспективе будущим поколениям остаться и без развитой обрабатывающей промышленности, и без аграрного сектора, и без достаточных для формирования бюджета топливно-энергетических ресурсов.

Специфика нынешней экономики в том, что многое из того, что может производиться в России (промышленное оборудование, товары широкого потребления, продукция животноводства, птицеводства, овощеводства и др.) завозится из США, Японии, Западной Европы и ряда развивающихся стран. Вместо возрождения и развития собственной экономики, Россия инвестирует зарубежные компании, способствует созданию во многих странах новых рабочих мест, т.е. по сути, кормит старое зарубежье, обрекая на нищету и безработицу собственные народы. Какова экономика, такова и социальная сфера. Ее деградация в девяностые годы привела к снижению не только уровня и качества жизни, но и качества населения, ухудшению его образования, здоровья и росту смертности, а также духовному опустошению нации, ее разобщению и потере чувства здорового патриотизма.

Нет необходимости доказывать, что с социально-экономическим развитием связана в той или иной мере интенсивность демографических и миграционных процессов. Системный кризис ускорил, наступившую в

начале 1990-х годов в стране депопуляцию. На фоне затяжной и интенсивной естественной убыли (ежегодно теряется 0,6% населения) и уменьшением притока иммигрантов в стране происходит падение численности населения и, как следствие, сокращение людских ресурсов: репродуктивных, трудовых, военнообязанных, образовательных и др.

Более двух столетий назад А. Смит высказал мысль о том, что самым бесспорным свидетельством процветания любой страны служит возрастание численности ее населения. В его времена самым мощным государством была Франция с населением в 22 млн. человек, столько же проживало в остальных европейских государствах. Во времена Наполеона Бонапарта по численности населения с Францией могла сравниться только Россия. Это предопределило и победы Наполеона и его поражение. Но времена изменились. В современном информационно-технологическом мире заметно снизилась роль демографического компонента как производственного фактора и как военно-оборонного потенциала. Тем не менее, значимость количественных и структурных параметров населения и его динамики не могут рассматриваться вне естественно-исторического контекста. Многие страны, к примеру, Бельгия, Швеция имеют высокий уровень экономического развития (находятся в верхнем ряду по душевому производству и потреблению), но их экономическая мощь не велика, т.к. малы объемы производства, трудовые и другие людские ресурсы. Именно это их отличает от США, Японии и других стран «семерки».

Душевые показатели — это индикаторы социального развития, а не экономической мощи государства. Экономическая же мощь зависит от двух компонент: производительности общественного труда, т.е. технологического обеспечения, и численности населения, его экономически активной части. Поэтому, происшедшее в 1992–2002 гг. сокращение численности населения России на 2,5%, переместило ее в начале третьего тысячелетия по величине этого показателя в мировом демографическом пространстве с 6-го на 7 место, пропустив вперед Пакистан. На подходе Бангладеш, Нигерия, Эфиопия, Вьетнам, Республика Конго, Мексика и Иран. К 2050 г. Россия вместе с Японией, Филиппинами, Турцией и Египтом будет занимать 14–17 места.

Сокращение численности населения и изменение места в мировом «табеле о рангах» неминуемо ведет и к падению экономической значимости государства, снижению ее сравнительной военной мощи и как следствие, к ослаблению политического влияния в мире. Уже в настоящее время Россия вынуждена «проглатывать» такие акции со стороны США как: расширение НАТО на восток, прием в него в прошлом партнеров по Варшавскому блоку и даже бывших союзных республик; появление в сопредельных районах соседних государств иностранных военных баз и воинских контингентов; облет границ самолетами-шпионами, фотографирующими российскую территорию на большую глубину; дискриминацию в торговле, поддержку сепаратистов, открытое вмешатель-

ство во внутрироссийские дела (например, требование закрыть иракское посольство и заморозить счета иракского правительства); угрозы отечественным предприятиям военно-промышленного комплекса санкциями и многое другое, наносящее ущерб национальным интересам страны. Где уж тут любовь, то бишь, «стратегическое партнерство», здесь и легким флиртом не пахнет.

Экономическая слабость России, обусловленная падением объемов производства почти вдвое в 1990-е годы, это явление временное, даже если сохранятся на длительный период существующие темпы развития. Уже через 5 лет, при ежегодном увеличении объемов производства на 4,8% (в 2000–2001 гг. темпы роста были 5% и в 2002г. — 4,3%), его уровень возрастет на 27%, а через 10 лет — в 1,6 раза. Даже темпы экономического роста последних лет (6–7%) не могут обеспечить двукратное увеличение ВВП (возможно лишь в 1,6–1,7 раза) и тем более повышение доли России в мировом производстве до того уровня, который был к началу социально-экономических преобразований. Конечно, и при темпах роста в 7% через 20 лет объем внутреннего валового продукта превысит современный уровень почти в 3,8 раза. Такой рост экономической мощи России может дать одновременное увеличение экономически активной, при том занятой части населения, и повышение эффективности труда на основе использования всех его факторов, в первую очередь технологических.

Экономический рост явится базой укрепления оборонной мощи государства. Но этому поступательному процессу уже противостоит ослабление демографического потенциала страны. За 10 лет (1992–2001 гг.) население России сократилось на 3,3%. Согласно последней переписи, явно завывсившей численность постоянного населения страны, сокращение составило 2,2%. По прогнозу Госкомстата РФ (средний вариант, расчеты 2000 г.) к концу 2010 г. численность населения России снизится по сравнению с началом 2002 г. почти на 4,4%. Следовательно, тенденции сокращения и ослабления демографического потенциала устойчивы и долговременны и противоречат экономическому развитию страны. Они многие годы будут фактором, тормозящим укрепление геополитического статуса российского государства.

Второе. Россия — это самая крупная по размерам территории страна в мире. Ей принадлежит 1/8 часть территории земного шара. Площадь России 17,1 млн. кв. км. Затем идут Канада (10 млн.), Китай (9,6 млн.) и США (9,4 млн.). Будучи в значительной мере северной страной (примерно 2/3 территории), Россия, тем не менее, обладает огромными сельскохозяйственными угодьями, среди которых — лучшие в мире черноземы. Это дает возможность стране быть самодостаточной, т.е. формировать баланс продовольствия и сельскохозяйственного сырья за счет собственного производства.

Россия — это лесная страна, что в полной мере обеспечивает ее нужды деловой древесиной, сырьем для производства целлюлозы, кар-

тона, бумаги и т.д. Общий запас древесины превышает 80 млрд. куб. м. В России достаточно нефти, газа, угля, руд черных и цветных металлов, гидроресурсов, минеральных удобрений, строительных материалов и т.д. Страна обладает колоссальными мировыми запасами пресной воды (только в Байкале объем пресной воды составляет 23 тыс. кубических километра, что равно примерно одной пятой мировых запасов)

Считается, что Россия обладает пятой частью (21%) мировых запасов ресурсов, это больше, чем удельный вес ее территории (12,6%), не говоря уже о доле страны в мировом населении (2,4%). На долю России приходится 45% мировых запасов природного газа, 13% — нефти, 23% — угля и т.д. (Осипов и др., 20003, С. 247). Прогнозные запасы ресурсов России оцениваются в 140 трлн. долларов США (Сенчагов, 2003, С. 17). Заметим, что при стоимостном объеме внутреннего валового продукта России в 2002 г. этих ресурсов хватит примерно на 400 лет, а при удвоении ВВП — на два столетия. Россия занимает выгодное географическое положение и в Европе, и в Азии. Она имеет и на западе, и на востоке достаточно выходов в мировой океан: северные акватории (прежде всего, Баренцево море), Балтийское, Черное и Японское моря, Тихий океан. Это — объективное условие развития военного, торгового и рыбодобывающего флота, эксплуатации нефти и других ресурсов прибрежных шельфов.

Поэтому утверждение, что Россия одна из богатейших стран мира, и что многие ее поколения, при соответствующей государственной политике, могут быть обеспечены почти всеми необходимыми природными ресурсами, отнюдь не декларация, а непреложный факт. Это ее плюс. А минус состоит в том, что, вплоть до XXI века большая часть территории страны оставалась мало освоенной и слабо заселенной.

Россия — это государство, возникшее в результате многовекового процесса объединения земель, населенных вначале единым, а затем и другими этносами вокруг Московского княжества с последующим присоединением к нему как новых, так и утраченных ранее территорий. Колонизовались сопредельные с основной частью страны слабозаселенные или вовсе пустующие земли в связи с чем, этот процесс не сопровождался, как в истории освоения новых территорий другими странами, сгоном, уничтожением и угнетением коренного населения (Северная Америка, Индия, Австралия и т.д.). Преумножая и без того огромную территорию, Россия не в состоянии была ее заселить достаточно плотно. Несмотря на сравнительно большие по условиям дореволюционной России масштабы переселений, восточные районы оставались слабо заселенными. В 1897 г. на огромной территории за Уральским хребтом проживало лишь 5,7 млн. человек, что составляло 0,4 человека на кв. км. Накануне революции плотность населения Сибири и Дальнего Востока составляла менее 0,7 человек на кв.км. (Рыбаковский, 1973, С. 11).

Интенсификация освоения восточных и северных районов страны в советские годы, хотя и увеличила плотность их населения, но не изме-

нила кардинально уровень заселенности этих территорий. Поэтому, наряду со сравнительно плотно заселенными центральными областями страны, всегда были и слабо освоенные окраины, сколь бы значимыми в геополитическом отношении они не были для России (см. табл. 1). Плотность и доля восточных районов в населении страны повышалась вплоть до начала 1990-х годов. За этим ростом в каждом восточном регионе — страницы самоотверженного освоения природных ресурсов Дальнего Востока, Восточной и Западной Сибири. Здесь и БАМ, и нефтегазоносные месторождения Тюменского севера, и Ангарские гидростанции, и полиметаллические руды Красноярского края, и Якутские алмазы и многое, многое другое.

В 1990-е годы, спустя более чем полтора столетия с начала освоения Дальнего Востока, не говоря уже о Восточной Сибири, кардинально изменились демографические тенденции в этой части страны. Здесь не только стал снижаться уровень заселенности, но и еще более интенсивно сокращается доля в населении России в целом, т.е. разрушается демографический и трудовой потенциал.

Таблица 1. Динамика показателей плотности населения России в XX веке (человек на кв.км.)

Годы	1939	1959	1979	1989	1999
Россия	6,3	6,9	8,0	более 8,6	менее 8,6
в т. ч. восточные районы	1,3	1,8	2,5	более 2,8	менее 2,8
из них					
Западная Сибирь	8,0	10,2	13,1	15,1	15,2
Восточная Сибирь	1,2	1,6	2,0	более 2,2	менее 2,2
Дальний Восток	0,5	1,1	1,3	1,3	1,2
доля восточных районов (в %)	14,1	17,4	20,3	21,8	21,4

В настоящее время показатели плотности населения восточных районов России примерно в 30 раз ниже среднего уровня заселенности всего азиатского материка. Но и старообжитая часть страны не столь уж плотно населена. Уровень ее заселенности в 2 с лишним раза ниже, чем в остальной Европе. Причина этому не только в динамике населения России в XX веке, но и в том, что огромные массы людей из центральной части страны переселялись в города Средней Азии, на целинные земли Казахстана и др. К началу 1989 г. в Среднеазиатских республиках и Казахстане только русских насчитывалось свыше 9,5 млн. человек.

Сейчас легко обвинять советскую власть в неправильной миграционной политике. Но не надо забывать об идейной стороне политики государства в целом, одним из принципов которой был интернационализм, выразившийся, в том числе, и в подъеме отсталых национальных окраин. Лишь теперь многое осознано, в том числе и то, что в советские вре-

мена не союзные республики кормили Россию, а скорее, наоборот. Да и ныне синдром помощи бывшим союзным республикам не прошел. Если бы ресурсы (людские, финансовые и др.) России направлялись на освоение собственных окраин, то сегодня они не выглядели бы столь плачевно. Но страной в советские годы всегда руководило не российское, а интернациональное политбюро (Микоян, Кунаев, Рашидов, Алиев, Шеварнадзе, Пельше, Сталин, Каганович, Берия, Молотов, Щербицкий, Бодюл, Брежнев, Хрущев и др.), члены которого в большинстве своем не были представителями России, которая, кстати, не имела даже собственного ЦК. Поэтому политика тех лет могла быть только такой. И напрасно сегодня продолжают всех бывших советских людей считать русскими, как и всех нуворишей, появившихся на постсоветском пространстве — новыми русскими.

Интернациональная политика советского государства а области размещения производительных сил во многом объясняет, почему уровень заселенности, в первую очередь приграничных, а вообще восточных регионов России, оказался столь низким. Это в настоящее время, наряду с неспособностью государства защитить собственные территориальные интересы, может привести к непоправимым геополитическим результатам. В истории России достаточно примеров, чтобы подтвердить этот тезис. Первый исторический урок — это цивилизованная потеря Аляски (свыше 1,5 млн. кв.км.), проданной Соединенным штатам в 1867 г. Но на российскую территорию были не только покупатели. Она всегда манила захватчиков. Наличие богатых, слабо заселенных, земель — одна из причин, пусть даже не главная, польской интервенции во время Великой смуты в начале XVII в., нашествия Наполеона на Россию в 1812 г. Это все прелюдии к нападению гитлеровских полчищ на Советский Союз, цель которого состояла в том, чтобы очистить территорию страны от ее жителей. Гитлер, готовя нападение на СССР, разъяснял, что расширение жизненного пространства для немецкого народа может произойти только за счет России (Вторая мировая война, 1997, С. 28). Согласно этой доктрине, после захвата нацистами СССР, предусматривалось в течение нескольких лет уничтожить 46–51 млн. русских и других славянских народов. Но российская, как и другие в то время советские территории, оказались не только лакомым куском для захватчиков, но и одним из факторов, благодаря которым молниеносная победа фашистов обернулась их сокрушительным разгромом.

XXI век — это век глобализма и веры в человеческий разум, что, однако, не исключает из возможных вариантов развития России и мрачных перспектив. Одна из них — потеря российских территорий. Этот вполне возможный сценарий будущего, основывается на учете трех разных, но взаимосвязанных обстоятельств. Первое из них — это ускорение процесса обезлюдивания стратегически важных регионов страны. Как в дореволюционное, так и в советское время с разной интенсивностью, но, тем не менее, последовательно шло освоение и заселение вос-

точной части страны, особенно дальневосточных районов (см. табл. 1). В начале XIX в. Население Дальнего Востока (без Якутии) составляло около одного млн. человек, а к концу столетия — 6.1 млн. Только в 1951–1990 гг. за счет миграции население Дальнего Востока возросло почти на 1,2 млн. человек (1158,5 тыс.). Но уже в девяностые годы только этот регион в результате миграции потерял 686,1 тыс. человек.

К началу 2002 г. население приграничных субъектов РФ, начиная с Читинской области и заканчивая Приморским краем, по сравнению с 1989 г. сократилось на 0,7 млн. человек или почти на 12%. Это же происходит и на северных рубежах России. За тот же период население Мурманской и Архангельской областей сократилось на 12,5%. Темпы сокращения населения тех и других регионов примерно в 5 раз превышают средние по России! Таким образом, с каждым годом падает плотность населения в стратегически важных приграничных районах страны, в заселение которых вложены огромные материальные и людские ресурсы.

Второе обстоятельство имеет для будущего России решающее значение. Оно с определенной условностью может быть представлено как этно-демографическое давление на российские территории. Мягкая, пока в небольших объемах, демографическая экспансия в виде иммиграции из ряда стран со временем, если не направить ее в нужное русло, может превратиться в мощный фактор изменения не только численности, но и этнической структуры населения России. Этот сценарий вполне реален. На востоке страны, на протяжении свыше, чем 4,3 тысяч километров слабо освоенные российские территории граничат с густозаселенными районами Китая, население которых продолжает интенсивно расти. Уже в настоящее время в приграничных с югом Дальнего Востока регионах Китая проживает примерно 110 млн. человек (Прозрачные границы, 2002, С. 181). Там в безлюдных в недалеком прошлом, районах возникли и продолжают расти многолюдные города и другие поселения, интенсивно развивающиеся, в том числе и за счет российских инвестиций.

Рост объемов иммиграции и соответствующее формирование в приграничных районах этнических диаспор из соседних стран может привести к тому же, с чем столкнулась в свое время Мексика. Мексиканский Техас, начав заселяться в первой половине XIX в. колонистами из соседней страны (Мексика под давлением США вынуждена была дать согласие на это), уже в 1845 г. вошел в состав США на правах штата. За Техасом последовали Калифорния, Аризона, Новая Мексика, Луизиана и Флорида. Слабая Мексика не могла противостоять сильным и агрессивным США (Иванов, 1987, С. 13–24). Вероятность подобного сценария для России основана на том, что в Китае пока не отправлен в лету «исторический реестр», согласно которому должен быть возвращен один млн. кв.км. Российской территории (Прозрачные границы, 2002, С. 189).

Российские приграничные регионы, прежде всего Приморье и Приамурье, смогут избежать подобной участи, но только при последова-

тельном проведении такой политики, которая отвечала бы как национальным интересам России, так и национальным интересам Китая. Фундамент этой политики — прочность и крупномасштабность экономических отношений между этими странами, обреченными жить по соседству. Особый блок этой политики должна составлять долголетняя миграционная программа. Ее суть — создание таких предпосылок, которые позволят иммиграцию, прежде всего незаконную, заменить временной трудовой миграцией. Целью привлечения рабочей силы из Китая могла бы стать совместная взаимовыгодная эксплуатация природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, для чего могут быть использованы различные организационно-экономические формы. При такой постановке будет решен и вопрос о том, кто должен заселять Дальний Восток — иммигранты из сопредельных стран или титульные народы России, и вопрос о том, с эксплуатацией каких природных ресурсов Китай может связывать перспективы своего экономического развития.

Демографическая экспансия в будущем возможна не только со стороны стран тихоокеанского региона. Она вероятна и в районе южных границ России. За их пределами формируется мощное сообщество исламских государств, в состав которого рано или поздно втянется часть среднеазиатских и закавказских государств, бывших союзных республик СССР. В странах этого сообщества быстро возрастает население, условия занятости которого, ограничены из-за малоземелья и аграрной направленности экономики. К началу XXI века в Казахстане, Средней Азии, Азербайджане, Афганистане, Ираке, Саудовской Аравии, других арабских странах зоны Персидского залива, Иране, Пакистане и Турции проживало примерно 450 млн. человек, в основном исламского вероисповедания. Согласно прогнозам ООН к 2050 г. численность их населения достигнет одного миллиарда, причем в каждой из трех последних стран число жителей будет превышать российское.

Ожидаемый в первой половине наступившего столетия в ряде стран демографический взрыв (в Узбекистане, Пакистане, Ираке и некоторых других население удвоится), концентрация многомиллионных армий безработных, как правило, лиц неквалифицированного труда, в обстановке исламизации бывших союзных республик и усиления их связей с соседними мусульманскими государствами может существенно изменить геополитическую ситуацию на юге России, вызвать мощную миграционную экспансию, на которую Россия должна будет реагировать в соответствии с международными нормами и обязательствами. Для России эти миграционные процессы не будут только ее внутренним делом. Они становятся уже предметом интереса международного сообщества. Очевидно, что Россия должна направить миграционные процессы в русло ее собственных национальных интересов, т.е. своевременно определить на этом геополитически важном направлении соответствующую внешнюю миграционную политику, не сводимую лишь к заполнению миграционных карт. В миграционной политике, наряду с ужесточением

контроля за въездом и пребыванием в стране иностранных граждан, должны быть упрощены и облегчены процедуры интеграции той их части, которые соответствует российским национальным интересам и желают принять гражданство.

Третье обстоятельство — наличие территориальных претензий к России, начиная от Сахалинской области и заканчивая Калининградским анклавом. Не затухает пятидесятилетний спор с Японией относительно нескольких Южно-Курильских островов. Все Курильские острова достались России, как преемнице Советского Союза, победителя во Второй мировой войне. В свое время Япония ведь тоже полвека удерживала, захваченный ею Южный Сахалин, не говоря уже о временной оккупации и Северного Сахалина. Южные Курилы — это проблема будущих отношений, а ныне — это пограничный спор о части российской территории.

Еще более давняя история территориальных споров с Китаем. В процессе многолетних переговоров были найдены решения многих приграничных вопросов. Полное исключение территориальной проблематики в отношениях между Россией и Китаем, в том числе и по островам в месте впадения Уссури в Амур, во многом будет зависеть от взаимовыгодного экономического сотрудничества двух стран, в первую очередь в эксплуатации природных ресурсов, в том числе и на спорных территориях. Процесс этот должен набрать силу раньше, чем спорные острова в месте впадения Уссури в Амур перестанут быть островами: после обмеления, южная протока вообще зарастет, а она отделяет китайские территории от российских). В современном мире ни Китаю, ни России не нужно второе издание «Даманского», т.е. событий, происшедших в марте 1969 г. в районе этого острова.

Будущее развитие отношений России с Казахстаном, Украиной и Белоруссией во многом будет зависеть от своевременного и обоюдовыгодного превращения в прошлом административных границ в государственные. Пока этого нет — возможны сценарии, подобные тем, которые лихорадили Россию и Украину в 2002 г. по поводу границ на Азовском море. Общая протяженность границ с названными государствами — свыше 1,1 тыс. км. Территории этих стран, непосредственно примыкающие к России, представляют собой в этническом отношении достаточно гомогенное пространство, населенное в значительной мере русскими. Проблема статуса этих территорий, ставших частями суверенных государств, в том, что они всегда считались русскими и заселялись также как и коренные русские регионы. К примеру, на севере Казахстана русская диаспора, достаточно развитая и в дореволюционный период (это значительная часть бывшей Оренбургской губернии), лавинообразно возросла 45–50 лет назад, когда шло освоение целины. Повторим, что демографическое, как впрочем, и экономическое, «донорство» России в советский период стало одной из причин истощения воспроизводственного потенциала ее Европейской части.

Царская империя, превратившись в Советский Союз, была разделена между братскими союзными республиками без учета реальных эт-

нических пропорций на тех или иных территориях. Собственно и передача Казахстану части сибирских пространств и ряда волостей Астраханской губернии с последующим преобразованием автономии в союзную республику, да и дарение Крыма Украине, все это базировалось на презумпции «тысячелетнего» Союза. Поэтому развал единой страны, осуществленный бездумным «волеизъявлением» лидеров трех славянских стран (кстати, вопреки желаниям народов), но без специального урегулирования вопросов о границах и гражданстве, стал катализатором возможных в будущем межгосударственных проблем этнического характера. Любое сколько-нибудь серьезное ухудшение отношений России с бывшими союзными республиками превратит демографический фактор из стабилизатора межгосударственных отношений в его противоположность.

В интересах не только России, но и других стран СНГ, чтобы не превратились в конфликты территориальные недоразумения в процессе крупномасштабной демаркации границ. Чем цивилизованнее станут государства, бывшие союзные республики, тем легче разрешатся эти вопросы. Тем не менее, уровень заселенности этих приграничных субъектов Федерации, допустимые объемы формирования там диаспор из соседних государств не должны находиться вне миграционной политики России.

Несколько иначе обстоит дело с вероятными (при смене политического курса) территориальными претензиями таких стран как Германия и Финляндия. «Шенгенский» вариант связей Калининградского анклава с остальной Россией — один из фрагментов клубка межгосударственных противоречий, существующих относительно будущего этой территории, а интересы к ней проявляет не только Германия, но также Польша, Литва и даже Швеция. Претензии Латвии и Эстонии к российским землям это уже просто исторический казус. Тем не менее, пограничная тема может вернуться на уровень межгосударственных отношений с ними вновь, также как и между Литвой и Россией, если станет камнем преткновения Клайпедский анклав (Прозрачные границы, 2002, С. 82–83).

Пути развития и разрешения реальных и вероятных территориальных споров с сопредельными государствами предсказать невозможно, потому что слишком многое будет зависеть от позиции самой России, степени ее внутренней политической и социально-экономической стабильности и, соответственно, наличия ресурсов и рычагов для адекватного реагирования на возможные угрозы.

Третье. Сохранение территориальной целостности России и статуса Великой державы, требует всемерного поддержания на должном уровне ее национальной безопасности. Суть этого процесса состоит, как сформулировано в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации», в обеспечении безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. В совокупности факторов, от которых зависит достаточное проти-

востояние любым угрозам, исключительно важное, если не решающее место, принадлежит характеру демографического развития страны. Оно — неизменное условие обеспечения людскими ресурсами силовых структур, призванных защитить от внутренних и внешних угроз нормальное функционирование всех сфер жизнедеятельности общества и государства.

Основным направлением в реализации этих задач является подъем и поддержание на таком уровне оборонного потенциала России, который может обеспечить адекватное реагирование на все внешние угрозы военного характера. России нужна современная армия, которая могла бы защитить страну не только в локальных войнах (с этой задачей российская армия плохо или хорошо, но справляется), но и, главным образом, в глобальных столкновениях. В свете сказанного нельзя оспорить двух фактов. Во-первых, оборонная мощь современного государства прямо не зависит от численности призывных контингентов. Время, когда мощь и величие государств определялось количеством подданных и численностью армии давно прошло. Тем не менее, и в настоящее время без сравнительно большой армии невозможно сохранить мощь и величие страны. Во-вторых, российская армия в ее нынешнем состоянии не соответствует геополитическим и оборонным интересам страны и нуждается в реформировании. Но, независимо от того, какая будет армия: полностью профессиональная, вся состоящая из призывников или смешанная в любых пропорциях, в любом случае она комплектуется из населения определенного возраста, причем из тех его групп, которые формируют и трудовые ресурсы, и студенческие контингенты, и кадры других силовых структур.

Ныне потребности армии не обеспечены имеющимися призывными контингентами в большей мере из-за узаконенных отсрочек, медицинской непригодности части молодежи к службе и прямого уклонения от призыва (за деньги или дезертирством) в ту армию, в которой слишком высок процент погибающих и становящихся инвалидами в мирное время. К концу первого десятилетия XXI века комплектование вооруженных сил станет одной из труднейших проблем российского государства. Вследствие обвального падения рождаемости в 1990-е годы вооруженные силы России не будут укомплектованы даже при двойном сокращении их численности. Если в 2002–2006 гг. численность лиц, достигших призывного возраста, ежегодно составит примерно 2,3–2,4 млн. человек, включая и женщин, то, начиная с 2010 г., она снизится до 1,3–1,4 млн. Пополнение армии женщинами вряд ли решит проблемы, тем более что они одновременно составляют и репродуктивные контингенты. Иметь красавиц в армии хорошо, но лучше все же — в родильных домах.

Другим направлением поддержания национальной безопасности является контроль и охрана государственных границ России, устранение их «прозрачности». Россия обладает примерно вдвое меньшим по сравнению с СССР экономическим и демографическим потенциалом и, од-

новременно, почти такой же протяженностью границ. Протяженность границ и морских, и сухопутных составляет 61 тыс. км. (38,8 тыс. морских и 22,1 тыс. — континентальных). Из них более 13,5 тыс. км. не оформлены в соответствии с международным правом. (Проблемы глобальной безопасности, С. 257) Значительная часть сухопутных границ «прозрачна», т.е. практически открыта для перехода из сопредельных стран. Таковы свыше одной тысячи км. сухопутных границ на Кавказе, более 2,5 тыс. км. — с Украиной и Белоруссией и более всего (6846 км.) с Казахстаном. Через многие точки государственной границы в Россию, как потребителю и как стране-транзиту, переправляют наркотики из Центральной Азии и Закавказья, которые сами являются перевалочной базой; завозится и вывозится оружие, взрывчатые вещества; без усилий проникают нелегальные мигранты, часть которых оседает в России, а другая направляется на запад; перемещаются участники трансграничных организованных преступных групп, террористы; идут потоки контрабанды, в первую очередь алкоголь, табачные изделия, и т.д. Только в 2001 г. через границу не было пропущено более 91 тыс. российских и иностранных граждан, свыше 4,6 тыс. задержано с поддельными и чужими документами. В целом же проследовало через различные участки границы более 80 млн. человек (Прозрачные границы, С. 124).

Решение всех перечисленных задач зависит от обеспечения пограничных войск и таможенной службы необходимыми техническими средствами, обустройства новых (более 11 тыс. км.) участков границ: инженерного, зон дислокации войск и служб других силовых структур, инфраструктуры и др. (Прозрачные границы, С. 110). Но все это нуждается в достаточных людских ресурсах. Так для охраны такой же примерно протяженности границ в советское время (1985 г.) в пограничных войсках было 200 тыс. человек (Гордиевский, Эндрю, 2000, С. 612). Людские ресурсы для комплектования пограничных войск черпаются из тех же возрастных контингентов, из которых формируются вооруженные силы, т.е. эти структуры сталкиваются с теми же трудностями.

Еще одним направлением поддержания национальной безопасности является борьба с преступностью и, ставшим в XXI веке крайне опасным явлением — терроризмом, который в ряде случаев связан с подрывной деятельностью иностранных государств или, по крайней мере, их сочувствием террористам (финансовая поддержка, открытие представительств, информационных центров, попустительство созданию баз подготовки боевиков, предоставление политического убежища и др.). Обеспечение профессиональными кадрами системы МВД и ФСБ (в обеих структурах, по-видимому, занято от одного до полутора миллиона человек), этих основных ведомств по борьбе с криминальными группировками и преступностью вообще, как и с террористическими организациями, черпается из общих людских ресурсов. По грубым прикидкам в этих и остальных силовых структурах занято не менее (с кор-

ректоровкой на участие женщин) 7–9% всех мужчин в возрасте от 18 до 60 лет.

Итак, чтобы Россия могла сохранить свой статус Великой державы, обладающей ядерно-космическим щитом, имеющей место постоянного члена в Совете Безопасности ООН; не растерять свои земли, с такой кровью и муками некогда объединенными вокруг Московского княжества; обладать тем природным потенциалом, благодаря которому многие поколения не будут обречены на нищету; обеспечивать национальную безопасность, контролируя ситуацию на границах и внутри страны, необходимо, во-первых, преумножение численности населения, в том числе и за счет стимулируемого и одновременно контролируемого притока мигрантов, а, во-вторых, рациональное с геополитической точки зрения расселение российского населения и иммигрантов по территории государства.

Литература

1. Вторая мировая война (1997). Пер. с немецкого. М.
2. Гордиевский О., Эндрю К. (2000) КГБ — разведовательные операции от Ленина до Горбачева. М.
3. Иванов Р.Ф. (1987) Дипломатия Авраама Линкольна. М.
4. Осипов Г.В., Бородин П.П. (2003) Россия в XXI веке. Социология и политология. Научно-теоретический журнал. №1.
5. Проблемы глобальной безопасности (1995). М.
6. Прозрачные границы (2002). Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. М.
7. Рыбаковский Л.Л. (2003) Прикладная демография. М.
8. Рыбаковский Л.Л. (1973) Региональный анализ миграций. М.
9. Сенчагов В.К. (2002) Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. М.
10. UNDP (2003) Human Development Report 2003. New York: UNDP.

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: УГРОЗЫ, ВЫЗОВЫ, РИСКИ

Террористические акты в США 11 сентября 2001 г., совершенные мусульманскими экстремистами, вызвали волну дискуссий о путях укрепления национальной безопасности, особенно в тех странах, где присутствует значительное число иностранных мигрантов. «Острие» этой дискуссии оказалось направленным против миграции в целом, так что вся многообразная миграция стала рассматриваться через призму незаконной иммиграции, а последняя — сугубо как миграция террористов и уголовников (Ионцев, Ивахнюк, 2002, С. 56). Для того, чтобы это опасное заблуждение не стало устоявшимся мифом, искажающим действительное значение международной миграции в мире, необходим обстоятельный и взвешенный анализ действительных угроз, которые может нести (и несет) миграция для национальной и региональной безопасности стран, принимающих мигрантов.

На самом деле стремление соотнести миграцию с безопасностью — не новое явление. Оно не раз проявлялось в политике, в общественном сознании в периоды масштабных войн, крупных социальных и экономических потрясений, которые приводили к массовым перемещениям населения (Миграция и безопасность в России, 2000, С. 7; Weaver, 1995, С. 46–47).

На Западе анализ миграции в контексте национальной безопасности стал устойчивой темой политических дискуссий и научной литературы в 1970-х гг., когда экономический кризис и сужение рынков труда заставило по-новому взглянуть на мигрантов из Азии и Африки, которые появились там вследствие предшествовавшей политики «открытых дверей». За 10–15 лет они уже образовали довольно значительную часть населения развитых стран, возникли иностранные диаспоры и землячества (благодаря чему новые мигранты продолжали прибывать даже тогда, когда миграционная политика стала жестко ограничительной).

Именно тогда обострилась конкуренция на рынке труда, и мигрантов стали обвинять в том, что они занимают те рабочие места, которые могли бы занять местные кадры. Это привело к обострению в обществе этнического фактора, т.е. стал вольно или невольно подогреваться вопрос о культурных и религиозных различиях между мигрантами и местным населением. Все чаще с мигрантами связывали рост преступности, распространение некоторых заболеваний. В конечном счете миграция стала восприниматься как угроза безопасности, а это, в свою очередь, выразилось в новой иммиграционной (и не только иммиграционной) политике, имеющей карательно-ограничительный характер.

В 1970-х гг. Запад столкнулся с практически неуправляемым процессом незаконной миграции, *которая фактически из всех форм миграции в наибольшей степени связана с проблемами безопасности*, и воздействие ее на принимающие страны труднопредсказуемо.

Сейчас вопрос о соотношении миграции с национальной безопасностью, вновь встал, в частности, в Европе с особой остротой, и связано это с тем, что в миграционный обмен с нею вступили государства бывшего Советского Союза, которые часто выступают как источники или трансляторы криминальных транснациональных угроз. Именно поэтому проблемам миграции, прежде всего незаконной миграции в странах Восточной Европы, в России и других государствах СНГ посвящено множество конференций, международных семинаров, круглых столов и т.д., где делаются попытки оценить и осознать, что же происходит на этой огромной территории в плане незаконной миграции, а также выработать практические шаги, которые могли бы отвести эту опасность для Европы.

В самой России к незаконной миграции в последние два-три года относятся более чем внимательно. Видимо, не будет преувеличением сказать, что из всех проблем международной миграции в современной России проблемы, связанные с незаконной миграцией, являются самыми обсуждаемыми в обществе, на правительственном уровне, в средствах массовой информации и т.д. Тот факт, что управление миграционными процессами было передано в 2002 г. в ведение Министерства внутренних дел Российской Федерации, свидетельствует о том, что к тому времени объем нерешенных проблем миграции и, что наиболее важно, растущая незаконная, неконтролируемая миграция достигли масштаба угроз национальной безопасности страны.

Отсутствие реального представления о масштабе явления

Количественная оценка незаконной миграции является первой и, пожалуй, наиболее сложной задачей анализа этого явления и соответственно — противодействия ему. Масштаб незаконной миграции оценивается обычно, исходя из сочетания данных различных государственных органов — пограничных (данные о числе лиц, не пропущенных через государственную границу), миграционных (данные о числе лиц, незаконно пребывающих в стране), консульских служб (данные о числе отказов в выдаче виз), министерства внутренних дел (данные о числе лиц, задержанных за незаконное пребывание в стране и о числе депортированных), а также экспертных оценок.

В России оценки общей численности незаконных мигрантов варьируют от 1,5 до 15 миллионов¹. Десятикратная разница в оценках свидетельствует о скорее эмоциональном, чем профессиональном подходе к проблеме незаконной миграции со стороны тех, от кого зависит и ее

¹ Оценки экспертов, журналистов, политических деятелей представлены, например, в: Витковская, 2002; МОМ, 2001; МОМ, 2002; Красинец и др., 2000; «Газета», 12 марта 2003; «Время МН» 12 декабря 2002; Шуйкин, 1999.

концептуальная проработка, и разработка конкретных мер противодействия, и формирование общественного мнения в отношении незаконных мигрантов. Не повторяя многочисленных оценок численности незаконных мигрантов в России, укажем лишь на один факт. Когда в течение одной недели в декабре 2002 г. Б. Грызлов, бывший тогда руководителем Министерства внутренних дел РФ, ответственного за осуществление миграционной политики в стране, упомянул, что в России находятся 1,5 миллионов незаконных мигрантов², а А. Черненко, глава Федеральной миграционной службы, действующей в рамках того же Министерства, заявил, что число незаконных мигрантов в России превышает 6 миллионов³, стало ясно, что у служб, призванных заниматься борьбой с незаконной миграцией, отсутствует сколько-нибудь четкое представление о масштабах явления, что уже само по себе таит высокую вероятность неудачи этой борьбы.

Представляется, что основной причиной такой неопределенности оценок является отсутствие скоординированности разных ведомств, которые пользуются принципиально различными методами сбора данных, не обмениваются информацией, а иногда жертвуют точностью данных во имя ведомственных интересов (МОМ, 2001, С. 37).

Примем как наиболее вероятную оценку масштаба численности незаконных мигрантов на территории России в 5–6 миллионов человек, из которых 70–80% — это «нелегалы» из стран ближнего зарубежья.

При этом есть основания предполагать, что наметившаяся тенденция ужесточения миграционной политики может спровоцировать дальнейший рост незаконной миграции. Так, 25-кратное увеличение налога на работодателей за найм иностранных работников, принятое в 2002 г., может лишь способствовать тому, что еще многие трудовые мигранты окажутся в незаконном статусе.

«Нелегалы» из ближнего зарубежья

Подавляющее большинство нелегальных мигрантов, находящихся на территории России в настоящее время, – это жители стран ближнего зарубежья, которые прибывают из государств бывшего СССР в поисках работы в Россию, где экономическое положение относительно более устойчиво, а на рынке труда с его огромным теневым сектором можно найти возможности для незаконной занятости. Многие мигранты предпочли бы законное трудоустройство, однако, российское миграционное законодательство не создает к этому стимулов.

По существу, это *трудовая* миграция, а ее нелегальная форма предопределена тем, что легальное поле миграции искусственно сужено российским законодательством. Более того, среди этих «нелегалов» (в

² Агентство новостей ИТАР-ТАСС, 12 декабря 2002 г.

³ Из доклада, представленного А. Черненко на Парламентских слушаниях в Государственной Думе о Концепции государственного регулирования миграционных процессов в России 9 декабря 2002 г.

кавычках потому, что они фактически «вынужденные нелегалы») значительная часть живет в России в течение нескольких лет и *не может* легализовать свое положение из-за чрезмерно усложненных процедур с регистрацией, получением гражданства, разрешения на работу и т.д.

Представляют ли собой эти люди угрозу национальной безопасности России? В известном смысле — да, поскольку они не поддаются государственному учету, исключены из системы официального трудоустройства, налогообложения и — что важно — социальной защиты государства, а значит, часто находят средства к жизни в теневом секторе экономики (строительстве, торговле, в подпольных цехах, в сфере криминальных услуг и т.д.) По оценкам экспертов, производство в теневом секторе российской экономики оценивается в четверть ВВП, а теньевая занятость — в 15–30% от общего числа работающих (Радаев, 1999, С. 10).

Присутствие этих мигрантов часто провоцирует обострение в обществе конфликтов на этнической почве, несет с собой распространение «экзотических» инфекционных заболеваний, и т.д. Негативные последствия нелегальной миграции хорошо известны, изучены и, как правило, типичны для всех стран, которые сталкиваются с этим явлением. Пожалуй, для России «степень негативности» этих последствий даже выше, в частности, потому, что нелегальные мигранты дезорганизуют еще не сформировавшийся национальный рынок труда, расширяют «ниши» теньевой занятости и тем самым препятствуют процессу естественной трансформации страны к рыночной экономике.

Кроме того, поскольку незаконные мигранты не имеют каких-либо трудовых или социальных гарантий, для того, чтобы выжить, они вынуждены использовать механизмы этнической солидарности. Часто это приводит к формированию закрытых этнических образований, которые действуют в сообществе с организованными преступными группировками. В результате в обществе нарастают враждебные настроения в отношении мигрантов, возникают ультраправые партии, происходят погромы.

У российских властей те очевидные негативные проблемы, которые встают в связи с незаконной миграцией (да и миграцией вообще), вызывают «естественную» реакцию отторжения: запретить, не пускать, выслать. Именно поэтому в деятельности тех органов, от которых зависит регулирование миграционных процессов, доминирует жесткая позиция, направленная прежде всего на усиление миграционного контроля и разработку механизмов депортации мигрантов. Альтернативные меры — то есть направленные на легализацию мигрантов и расширение легитимного поля миграции — остаются практически вне поля зрения правительственных служб, ответственных за разработку и осуществление миграционной политики. К сожалению, эта позиция распространяется не только на незаконную, но на всю миграцию, и в результате развитие миграционной стратегии России (в том виде, в котором она существует в настоящее время) имеет тенденцию к превращению ее в жестко антимиграционную.

В то же время на нынешнем этапе своего экономического и демографического развития Россия находится в таком положении, которое заставляет несколько иначе взглянуть на то, что в Россию устремляются мигранты (как законные, так и незаконные).

Россия уже сейчас испытывает потребность в рабочих руках. Экономическая статистика свидетельствует, что в 2000 г. 6% предприятий России испытывали дефицит рабочей силы, а в 2002 г. — уже 30% (Зайончковская, 2002). Особенно ощущается дефицит рабочих рук на Урале, в тех районах, где расположены крупные заводы, которые сейчас поднимаются. Перспективы демографического развития страны еще более усугубят эту проблему: после 2006 г. начнется устойчивое абсолютное сокращение численности трудоспособных возрастов. Долгосрочный демографический прогноз совсем неутешителен: к 2050 г. численность населения России будет составлять, по-видимому, не более 90 млн. чел. (т.е. на 40% меньше, чем сейчас), доля населения в трудоспособном возрасте упадет с 60% до 47%, в то же время доля населения старше 60 лет возрастет более чем вдвое: с 20% до 43% (Население России 2001, С. 182–193) Эти цифры однозначно свидетельствуют: России не обойтись без мигрантов! Если будет спрос на труд, за предложением дело не станет. Вопрос заключается в том, в какой форме — легальной или нелегальной — появится на рынке труда России дополнительная рабочая сила.

Сегодняшние цифры показывают, что если в России легально работают примерно 300 тыс. чел. иностранной рабочей силы, то число нелегально занятых в десять, а то и в двадцать раз больше. Конечно, в этом кроется большая опасность для России. Она связана прежде всего с тем, что массовый приток нелегальных трудовых мигрантов происходит тогда, когда национальный рынок труда еще не сформировался. Это ведет к росту теневого сектора занятости, разрушительной для местных рынков труда конкуренции между местными и иностранными рабочими, не говоря уже о прямых потерях бюджета в результате выпадения незаконных мигрантов из сферы налогообложения. В этом контексте нелегальная миграция представляет собой реальную угрозу экономической безопасности России.

В то же время у этой проблемы есть невидимые на первый взгляд аспекты, связанные с национальной безопасностью, с безопасностью государства. Парадоксально, но факт: присутствием на своей территории незаконных мигрантов из сопредельных стран Россия «расплачивается» за безопасность на своих границах, поскольку благодаря заработкам в России поддерживается относительная социальная стабильность в соседних странах, переживающих гораздо более глубокий экономический и социальный кризис (Армения, Азербайджан, государства Центральной Азии). Видимо, не случайно наблюдается ослабление там этнической напряженности и антироссийских настроений: эти страны становятся вновь зависимыми от России, правда, в совершенно ином аспекте, чем прежде.

Очевидно, однако, что нерегистрируемые трудовые мигранты из государств бывшего СССР — это не единственная группа незаконных мигрантов в России. Их дополняют транзитные мигранты из азиатских и африканских стран, которые используют постсоветское пространство как транзитный евразийский «коридор», открывающий путь в Западную Европу. Более того, весьма часто Россия рассматривается как «промежуточная станция» незаконными мигрантами из других стран СНГ, которые стремятся в конечном счете попасть на Запад; здесь они зарабатывают деньги для дальнейшего транзита и приобретают некую психологическую адаптацию к пребыванию в незаконном статусе, находясь в более или менее благоприятных обстоятельствах (общий язык, схожие трудовые традиции и требования и т.д.).

Евразийский транзит

Проблема, вызывающая серьезное беспокойство как в регионе бывшего СССР, так и в странах расширяющего Европейского Союза в плане угроз региональной безопасности, — это превращение России в евразийский транзитный «коридор», используемый мигрантами из азиатских и африканских стран, стремящимися попасть в Европу. За последние 10 лет Россия, а также и другие страны СНГ оказались буквально пронизанными многочисленными явными и скрытыми транзитными путями.

Привлекательность этого региона в качестве транзитного пути и «промежуточной станции» для транзитных (в большинстве своем незаконных) мигрантов определяется целым рядом причин: относительно «прозрачными» границами внутри постсоветского пространства (в сочетании с соглашениями о безвизовом въезде, заключенными рядом государств СНГ с третьими странами⁴, это обеспечивает довольно удобный и относительно дешевый сухопутный маршрут для транзитных мигрантов из Азии в Россию и далее на Запад); слабая институциональная база управления миграционными процессами в странах СНГ; неэффективное законодательство, регулирующее въезд, пребывание и трудоустройство иностранцев на территории России; несформированность национальных рынков труда со значительной долей неформального сектора, где незаконные мигранты, как правило, получают возможность заработка; высокий уровень коррупции в среде государственных служб, которые призваны регулировать и контролировать миграционные процессы.

Другими важными факторами являются географические (территориальное расположение России на пути из Азии в Европу) и экономические: промежуточное положение России и других государств СНГ меж-

⁴ Например, соглашения о безвизовом въезде между Китаем и Киргизией, между Киргизией и Казахстаном и между Казахстаном и Россией обеспечивают существование относительно удобного и дешевого сухопутного маршрута для транзитных мигрантов, направляющихся из Китая в Россию и далее — на Запад. (Садовская, 2002, С. 51).

ду развитыми и развивающимися странами делает их «естественным» каналом для мигрантов из развивающихся стран (МОМ, 2002, С. 36).

Проведенное МОМ широкомасштабное исследование незаконной миграции в регионе, охватывающем бывшие республики СССР, показывает, что примерно треть лиц, задерживаемых на границах или на территории бывших советских республик, составляют китайцы, остальные — преимущественно афганцы и мигранты из Южной и Юго-Восточной Азии (главным образом из Вьетнама, Индии, Пакистана, Бангладеш и Шри Ланки). Афганцы представляют собой наиболее многочисленную группу транзитных мигрантов в России, Украине и Беларуси. Они въезжают через Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан; китайцы — через Россию, Казахстан и Кыргызстан. Незаконные мигранты въезжают в Евразийское миграционное пространство через государства Центральной Азии и российский Дальний Восток, а покидают его через Беларусь, Украину, Молдову и северо-западный регион России или Калининградскую область. Таким образом, Россия оказалась между двумя концами потока незаконной миграции — прибывающим и выбывающим, — а ее территория используется незаконными мигрантами как удобный транзитный район. Большинство мигрантов перемещается группами, а для тех, кто прибывает по воздуху, главным пунктом прибытия являются московские международные аэропорты. Хотя в зависимости от ужесточения контроля на различных пунктах пересечения границы потоки мигрантов часто меняются, основными маршрутами остаются следующие (МОМ, 2002, С. 42):

- Грузия / Армения / Азербайджан — Москва — Санкт-Петербург — Эстония / Латвия — Польша;
- Афганистан — Туркменистан — Гурьев (Казахстан) — Волгоград (Россия) — Украина / Беларусь — Польша — Германия;
- Арытау (Казахстан) — Астрахань (Россия) — Краснодар (Россия) — Ставрополь (Россия) — Украина / Беларусь — Польша — Германия;
- Афганистан — Таджикистан — Бишкек (Кыргызстан) — Алматы (Казахстан) — Актюбинск (Казахстан) — Уральск (Казахстан) — Саратов (Россия) — Самара (Россия) — Санкт-Петербург — Скандинавия;
- Афганистан — Таджикистан — Бишкек (Кыргызстан) — Павлодар (Казахстан) — Россия;
- Центральная Азия — Россия — Украина — Молдова — Румыния — Венгрия — страны Европейского Союза;
- Ближний Восток / Юго-Восточная Азия — Турция — Украина / Беларусь — Польша — Германия.

В большинстве своем незаконные мигранты прибывают в страны СНГ легально, имея визу (в основном в целях туризма, по личным обстоятельствам, в целях транзита, бизнеса, учебы и работы), выданную на основании приглашения от туристического агентства, фирмы или даже государственного учреждения. Нелегальный въезд может осуществлять-

ся либо посредством пересечения границы за пределами пограничных постов (как самостоятельно, так и с помощью местных жителей или профессиональных посредников, занимающихся незаконным ввозом людей), либо посредством прохода через эти посты с поддельными или недействительными документами, без документов вовсе или с помощью взяток. Эксперты отмечают рост в Москве рынка поддельных паспортов с легальными российскими визами.

Транзитные мигранты стремятся остаться на некоторое время в России или других странах СНГ с тем, чтобы подготовить свое дальнейшее передвижение, приобрести поддельные документы, дожидаться других членов группы.

Согласно данным российского Министерства внутренних дел, в настоящее время в России «застряли» более 300 тысяч транзитных мигрантов из Афганистана, Китая, Анголы, Пакистана, Индии, Шри Ланки, Турции, Эфиопии и других стран. Помимо этого, существует также поток транзитных мигрантов, которые нелегально проникают через границы Российской Федерации с тем, чтобы добраться до стран ЕС.

К сожалению, до сих пор российским официальным структурам не удается наладить должный контроль за въездом и пребыванием транзитных мигрантов в стране. После въезда по туристической или транзитной визе (или пересекая границу незаконным путем) они обычно ускользают от внимания служб, призванных контролировать миграцию. Инициативы, высказанные странами СНГ в 2000 г.⁵ и нацеленные на развитие пограничного сотрудничества, усиление миграционного контроля, организацию региональных миграционных информационно-аналитических центров и объединенной миграционной базы данных, несут в себе хороший потенциал для улучшения ситуации в этой области. Введение миграционных карт в России в 2003 г. может также стать важным инструментом упорядочения контроля за въездом, пребыванием и выездом иностранных граждан.

Однако пока дело обстоит так, что транзитному мигранту гораздо легче въехать на пост-советскую территорию, чем выехать из нее. Западные границы СНГ в России, Беларуси и Украине контролируются значительно более основательно, чем его восточные рубежи. Получается, что, предотвращая незаконный выезд тех мигрантов, которые нарушили сроки своего пребывания или использовали поддельные документы, российские пограничники по сути превращают свою страну в

⁵ 25 января 2000 г. девять стран-участниц Соглашения СНГ о сотрудничестве в борьбе с нелегальной миграцией, подписанного 6 марта 1998 г. (страны СНГ, кроме Грузии, Туркменистана и Узбекистана) утвердили «Положение об общей базе данных о незаконных мигрантах и лицах, въезд которым в государства-участники Соглашения закрыт в соответствии с их действующим законодательством, и порядке обмена информацией о незаконной миграции». В рамках этого Положения по инициативе России в качестве координирующего органа создана Совместная комиссия государств-участников Соглашения.

«отстойник» для незаконных мигрантов. В результате «транзит» растягивается на годы, транзитные мигранты превращаются в нелегальных и чаще всего оказываются в социально опасной криминальной среде.

Здесь мы подходим к исключительно важному моменту: как правило, незаконные транзитные мигранты не самостоятельны. Они управляются хорошо организованными криминальными структурами, специализирующимися на незаконном ввозе людей. В мире в целом незаконная миграция перестала быть стихийным процессом. Это хорошо организованный и исключительно прибыльный бизнес с низкой степенью риска. Оценки экспертов сходятся в том, что общий ежегодный доход от незаконного перемещения мигрантов в мире составляет 5–7 миллиардов долларов (Красинец и др., 2000).

Бизнес на незаконном ввозе мигрантов и торговле ими

После того, как постсоветское пространство оказалось открытым для потоков международной миграции, оно стало сферой пристального интереса глобальной криминальной сети, специализирующейся на незаконном ввозе людей.

На внутренних и внешних границах бывшего СССР возникли многочисленные каналы нелегальной переправки мигрантов. (Например, 90% незаконных мигрантов в Россию попадают через Казахстан, с которым Россия имеет практически открытую границу протяженностью почти 7600 км.)

Международная криминальная сеть, специализирующаяся на контрабанде мигрантов и торговле ими, контролирует большую часть легальных и полулегальных агентств по трудоустройству за рубежом, брачных агентств, визовых брокеров и прочих посреднических организаций, вовлеченных тем или иным образом в «бизнес на международной миграции». Имея прочные контакты в странах происхождения мигрантов, в странах транзита и назначения, эти организации обеспечивают широкий комплекс услуг, связанных с законным или незаконным пересечением границы.

Это означает, что в борьбе с нелегальной миграцией государству противостоят не сами мигранты, а глобальная структурная сеть, в которую входят криминальные группировки, которые действуют на территории России. Они хорошо оснащены технически (об этом говорит, например, высокое качество поддельных паспортов, печатей, документов, приглашений, виз и т.д.) и отличаются гибкостью, что позволяет им легко реагировать на изменение обстановки в пунктах пропуска через границу и вносить коррективы в работу всех взаимодействующих звеньев. Кроме того, чаще всего их деятельность диверсифицирована: каналы нелегальной переправки мигрантов часто совпадают с каналами наркотрафика.

Из понимания этого факта следуют, по крайней мере, два вывода: (1) усилия спецслужб по борьбе с незаконной миграцией должны быть сконцентрированы не на самих незаконных мигрантах, а на тех, кто ими

управляет; (2) эти действия должны быть объединенными и согласованными усилиями всех стран, которых касаются негативные последствия незаконной миграции, на международном и региональном уровнях.

В течение последних пяти лет число задержанных на российских границах возросло почти в десять раз. Среди задержанных есть граждане тридцати государств, с которыми Россия не имеет общей границы. В течение только 1999–2000 гг. российской пограничной службой совместно с правоохранительными органами задержано более 5 тысяч незаконных мигрантов и пресечена деятельность более 400 организованных преступных группировок, занимающихся переправкой незаконных мигрантов (МОМ, 2001, С. 3).

Эта деятельность российских правоохранительных служб в первую очередь направлена на защиту интересов России и ее национальной безопасности. Но одновременно она обеспечивает интересы тех стран, которые являются странами назначения для этих транзитных мигрантов. Логично было бы предположить, что совместные интересы требуют совместных усилий (в рамках информационного обмена, взаимовыгодных международных соглашений по пресечению незаконной миграции и т.д.). Если европейские страны заинтересованы в борьбе с незаконной миграцией «на дальних подступах», — то они должны стать инициаторами совместных международных программ и соглашений в этой области, совместных научных исследований по наиболее актуальным аспектам международной миграции (например, изучение перспектив пограничного сотрудничества по пресечению незаконной миграции; «вклад» незаконных трудовых мигрантов из государств СНГ в различные отрасли экономики стран-кандидатов в ЕС; незаконный бизнес на торговле людьми в странах СНГ).

Вообще не будем забывать, что незаконная миграция, как и международная миграция в целом, — это наднациональное явление. И если усилия по регулированию миграционных процессов не будут объединенными, международными, в таком случае *наднациональный* характер миграции будет неизбежно вступать в противоречие в *национальной* концепцией управления ею, что уже сейчас (случай России — тому подтверждение) переходит в так называемый кризис управления, т.е. потерю контроля над передвижением населения. Результатом как раз и является рост незаконной миграции.

Вызовы китайской миграции

Китайская миграция требует особого разговора в контексте тех вызовов международному сообществу, которые связаны с миграцией и возможностями управления ею. Причина этого — исключительно высокий демографический и миграционный потенциал Китая и происходящий в настоящее время рост численности китайских мигрантов и китайских землячеств во многих странах мира. Вызывает удивление, что западный мир, проявляя озабоченность потенциальными угрозами, связанными с

мусульманской или арабской миграцией, в то же время «не замечает» миграции китайцев, которая может иметь действительно кардинальные последствия для глобальной политической ситуации в перспективе⁶.

Нижеследующий краткий анализ китайской миграции в Россию представляет собой пример общей миграционной стратегии Китая. В последние годы китайская миграция в Россию превзошла рамки конкретной миграционной проблемы российского Дальневосточного региона; медленно, но верно она превращается в проблему масштаба Евразийского миграционного пространства в целом. В значительной своей части китайская миграция в Россию имеет транзитный характер и нацелена на страны ЕС, и в этом контексте она несет в себе определенный демографический, экономический и политический потенциал⁷.

Известно, что Китай располагает огромными трудовыми ресурсами. В результате сложившейся возрастной структуры населения в течение ближайших десятилетий доля населения в возрастной группе 16–65 лет, т.е. трудоспособного населения, будет превышать 70%. Это означает, что Китай располагает огромными трудовыми ресурсами. Правительство Китая оказалось не способным эффективно использовать их в последние десятилетия. Едва ли ему удастся обеспечить занятость населения и в последующие годы. Таким образом, вполне естественно предположить, что определенная часть китайских граждан будет стремиться найти работу и заработок за рубежом.

После того, как в Китае была принята стратегия открытости, более 10 миллионов китайских граждан ежегодно становятся международными мигрантами (China Statistical Yearbook, 2001), причем их число увеличивается более чем на 30% в год.

Для России китайская миграция уже сейчас имеет особую актуальность. Китайские мигранты являются второй по численности группой иностранцев в стране после украинцев.

Что касается Китая, то Россия для него — не просто ближайший сосед с протяженной общей границей. Геополитическое положение России определяет ее важную роль в стратегии Пекина, особенно после того, как весной 2000 г. на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей была провозглашена новая долгосрочная внешнеэкономическая стратегия, получившая название «Идти вовне» (Гельбрас, 2002, С. 23). Одна из целей этой стратегии — обеспечение прорыва Китая на мировые рынки, в том числе на международный рынок труда, и привлечение сырьевых и финансовых ресурсов других стран для целей экономического развития Китая. В реализации этой стратегии большое место

⁶ Наиболее отчетливо об этом писал В.А. Ионцев: см. Введение // Мир в зеркале международной миграции. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 10. М., 2002. С. 5).

⁷ Угроза, которая исходит от Азиатской цивилизации в плане возможного замещения ею Европейской цивилизации аргументировано проанализирована Марекком Окольским в: Окольский, 2002, С. 175–195.

отводится максимальному использованию растущей китайской миграции и деятельности китайских землячеств во всем мире.

В этом контексте Россия представляется, во-первых, как плацдарм для экономической деятельности сотен тысяч китайских мигрантов, во-вторых, как источник сырьевых ресурсов (лесоматериалов, продукции черной и цветной металлургии и т.д.), необходимых китайской промышленности, в-третьих, как «перевалочный пункт» на пути китайских мигрантов в западные страны.

Общая численность китайских мигрантов, более или менее постоянно проживающих в России, составляет пока примерно полмиллиона человек (Гельбрас, 2001) — это наиболее обоснованная оценка из множества имеющихся. Однако, эта цифра будет неизбежно возрастать, и тем быстрее, чем скорее будет Россия выходить из экономического кризиса. Кроме того, в России присутствуют многочисленные китайские «туристы», которые въезжают с деловыми и частными целями, а также незаконные мигранты.

Наиболее важным фактором растущей китайской миграции в Россию является разница демографических потенциалов по обе стороны российско-китайской границы. Численность населения в примыкающих к российскому Дальнему Востоку провинциях КНР — Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляолин — превышает 110 миллионов человек и плотность населения составляет 130 человек на 1 кв. км. В четырех приграничных субъектах Российской Федерации — Еврейской автономной области, Амурской области, Приморском и Хабаровском краях — плотность в среднем составляет всего 4 человека на 1 кв. км., т.е. в 30 раз меньше, а численность населения — менее 6 миллионов человек. При этом за последнее десятилетие из названных областей выехало в центральные районы России более 1 миллиона человек (т.е. каждый шестой житель), что ведет к «обезлюдиванию» Дальневосточного региона. Уже одно это обстоятельство неизбежно стимулирует «перелив» населения китайского северо-востока через российскую границу.

Открытие в начале 1990-х гг. российской границы для китайских «туристов»⁸ привело к масштабной (слабо контролируемой) миграции на российский Дальний Восток. Это непродуманное соглашение привело к тому, что многие граждане КНР въехали в Россию, а еще многие получили шанс использовать Россию как транзитную территорию на пути в Западную Европу. Даже после отказа от политики «открытой границы» в 1994 г. закрыть шлюз китайской миграции не удалось, она лишь перешла в значительной своей части в нелегальную форму. По некоторым прогнозам, к середине XXI века число китайцев России достигнет 8–10 млн. чел., и они станут второй по численности этнической группой в России после русских (Верлин, 2002).

⁸ Межправительственное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой об упрощенном перемещении туристов, путешествующих по групповой визе, между двумя странами было подписано 19 августа 1992 г.

Постепенное заселение российского Дальнего Востока китайцами молчаливо поощряется китайским руководством, которое не отказывается от концепции «утраченных земель», согласно которой более полутора миллионов квадратных километров китайских земель были «отторгнуты» царской Россией. Достаточно посмотреть на школьные географические карты Китая, где значительная часть территории российского Дальнего Востока включена в состав КНР.

Ситуация усугубляется тем фактом, что впервые в истории взаимоотношений России и Китая второй оказался *экономически сильнее*: все графики экономического, финансового, демографического развития Китая устремлены вверх с начала 1990-х гг. Превращение Китая в ведущую мировую экономическую державу может резко изменить соотношение сил на евразийском пространстве, а также повлиять на политическую карту мира.

Недостаточная озабоченность российских центральных властей проблемой китайской миграции на Дальнем Востоке, как и перспективами экономического развития региона привела к тому, что обширная континентальная часть России стала и *самым слабым звеном в системе ее национальной безопасности*.

Проблема заключается не в том, как воспрепятствовать китайской миграции, а в том, как контролировать этот процесс и регулировать его в соответствии с потребностями российской экономики. В настоящее время незаконные китайские мигранты (в частности, в Дальневосточном регионе и в Южной Сибири) в осуществлении своего теневого бизнеса часто действуют заодно с местными преступными группировками, нанося ущерб экономическим интересам регионов. Заключенный в 2001 г. российско-китайский Договор о добрососедстве предусматривает необходимость пресечения незаконной миграции, в том числе нелегальный транзит. Однако реальные меры, направленные на это пресечение, не разработаны, как и двусторонние меры обеспечения легитимного поля миграции.

Незаконная миграция и аспекты безопасности

Суммируя вышеизложенный анализ ситуации в области незаконной миграции в России, выделим четыре основных типа угроз, которые она несет национальной (и региональной) безопасности: *политической, экономической, криминальный и социальный*.

Политический аспект имеет внутреннюю и внешнюю направленность. Внешняя составляющая связана с развитием приемлемых для России отношений с другими странами мира, которые могут осложниться вследствие нежелательного развития отношений в миграционной сфере. Здесь достаточно упомянуть проблему российского экклава – Калининградской области, обострившуюся в связи со вступлением стран Прибалтики в Европейский Союз. Возможность безвизового сообщения

между Россией и ее географически изолированной частью поставлена в зависимость от отрегулированности миграционных процессов в России и заключения соглашений о реадмиссии, поскольку границы Калининградской области не считаются странами ЕС надежной защитой от незаконной миграции.

Несомненно, подобная проблема весьма остро встанет во взаимоотношениях с другими странами дальнего зарубежья, например, с Китаем. Суть коллизии заключается в том, что Россия испытывает сильнейшее демографическое давление со стороны Китая, а руководство этой страны расценивает занятость своих граждан за рубежом как важный ресурс. В связи с этим проблема незаконной китайской миграции в Россию может стать поводом для ухудшения отношений между двумя странами.

Более того, в этом контексте политический аспект угрозы национальной безопасности может приобрести характер угрозы территориальной безопасности России. Со временем китайская «демографическая экспансия» может обернуться отторжением от России территорий компактного проживания многочисленной китайской диаспоры (Миграция и безопасность в России, 2002, С. 190). В случае же с Калининградской областью затруднение передвижений населения «островной» области в «континентальную» Россию может дать дополнительные стимулы сепаратистским движениям (как и зарубежным движениям за реституцию) и грозить потерей этой территории для России в будущем.

Не менее остро стоит проблема незаконной миграции и реадмиссии во взаимоотношениях со странами СНГ. Дело в том, что для большинства стран ближнего зарубежья возможность отходничества в Россию является важнейшей статьей национального дохода. Так, примерно каждая третья семья в Армении или Азербайджане имеет своего «представителя»-работника в России (Владимирова, 2002). По некоторым сведениям, в России сейчас находится до 4,5 млн. выходцев из Закавказья (т.е. от четверти до трети совокупного населения всех стран региона). По расчетам российских экономистов, только азербайджанцы переправляют на родину от 1,5 до 2,5 млрд. долл. США, что превышает бюджет республики (1,4 млрд. долл.) При этом, например, вся совокупная помощь республикам Закавказья со стороны США за 1990-е гг. равнялась 1 млрд. долл. (Севостьянов, 1998, С. 5). На возможности беспрепятственного въезда в Российскую Федерацию во многом базируется заинтересованность этих стран в таком региональном союзе, как СНГ. Достаточно напомнить о введении виз для пересечения границы с Грузией в результате охлаждения российско-грузинских отношений. Другой пример — вполне законная депортация группы незаконных таджикских мигрантов в конце 2002 г. из Подмосковья, которая привела к возникновению напряженности в отношениях между Россией и Таджикистаном (Гранина, 2002а, С. 3).

Политические аспекты проблемы нелегальной иммиграции имеют и внутреннюю составляющую. Дело в том, что в результате миграцион-

ных процессов уменьшается внутренняя целостность общества, его интегрированность. Это особенно четко проявляется тогда, когда мигранты представляют иную, отличную от коренного населения, культуру, религию, стиль жизни, а процессы интеграции их по тем или иным причинам затруднены. Напомним, что в 1996–1999 гг. во Франции стала весьма популярной инициатива *sans-papier*, то есть «бездокументники». Тогда консервативное правительство приняло новые визовые правила, по которым даже представители третьего-четвертого поколения иммиграции должны были регулярно обновлять свои визы. В результате иммигранты перешли к актам гражданского неповиновения, что активизировало во Франции левое движение (Киреев, 2002, С. 7).

Примеры такого рода говорят о том, что политика по отношению к мигрантам должна иметь гибкий характер. Разумной жесткости здесь должно сопутствовать стремление к интеграции переселенцев, пусть даже и незаконных. В противном случае мы рискуем получить прежде всего в крупных городах инациональные общины, живущие по своим, а не по общероссийским законам. Отторжение приезжих принимающим сообществом столь же неверно и опасно, как и политика «открытых дверей» для всех желающих въехать в Россию. К сожалению, правоохранные органы нередко способствуют обособлению общин приезжих, в том числе и на почве нелегальных миграционных процессов. Так, в настоящее время милиция стремится осуществлять депортацию незаконных мигрантов за счет местных этнических общин, что отнюдь не способствует интеграции национальных диаспор в российское общество (Шведов, 2003, С. 2).

Экономические угрозы со стороны незаконной миграции, тесно связанные с криминальным ее аспектом, определяются в русле следующих понятий. «Полуправовая экономика — это экономическая деятельность, по своим целям соответствующая законодательству, но периодически выходящая за его пределы по характеру применяемых средств. Это «серые рынки» [...]. Прежде всего они связаны с разными способами уклонения от налогов, включая использование «черного нала», бартерные обмены, работу без патента и лицензии, трудовой наем без оформления» (Радаев, 1999, С. 6). «Нелегальная, криминальная экономика — это экономическая деятельность, запрещенная законом и по своей сути нарушающая закон: наркобизнес, незаконное производство оружия и незаконная торговля им, крупная контрабанда, проституция, торговля людьми, рэкет и применение силы» (там же). Речь идет в первую очередь о неуплате налогов и вывозе из страны капитала.

О масштабах экономических потерь России в результате незаконной миграции можно судить как по оценкам экспертов, так и по конкретным данным финансовой статистики. По оценке Федеральной миграционной службы МВД РФ, только неуплата налогов в сфере полуправовой экономики, обслуживаемой незаконными мигрантами,

лишает Россию ежегодно 8 млрд. долл.⁹ Почти 50% наличной валюты в российских банках истребуется по документам иностранцев. В 2002 г. эта сумма составила 7 млрд. долл. США. Со 170 официально зарегистрированных рынков в Москве в казну в 2001 г. поступило 468 млн. руб., а это всего лишь 0,2% их товарооборота. В нефтедобывающей промышленности Западной Сибири трудятся более 200 тыс. граждан Украины, но из них налоги платят менее 200 чел. Китайские землячества в России стали обладать солидным самостоятельным экономическим потенциалом: по объему привлеченных валютных средств иностранных граждан в России Банк Китая, ведущий операции в Москве, превзошел Сбербанк России, на долю которого приходится 13,8% этой категории банковских клиентов. Только в Москве насчитывается примерно тысяча зарегистрированных частных китайских компаний, причем 90-95% этих компаний не имеют официального таможенного оформления (МОН, 2001, С. 3).

К сожалению, существующая государственная политика фактически поощряет вывоз нелегитимно заработанных средств. К примеру, Совет Федерации в феврале 2003 г. одобрил изменение режима вывоза наличной валюты из Российской Федерации, уравнив при этом граждан страны и нерезидентов. Теперь сумму до 3.000 долл. США можно вывозить без заполнения декларации, а сумма в 3.000–10.000 долл. требует лишь декларирования.

Криминальный аспект незаконной миграции связан как с распространением традиционных видов преступлений, так и с коррупцией в органах государственной власти, в первую очередь, тех из них, которые тесно общаются с мигрантами (милиция, миграционные службы, паспортные столы и т.д.). Поскольку незаконные мигранты практически не имеют возможности зарабатывать себе на жизнь законными способами, то они чаще всего оказываются в сфере преступной занятости: продажа наркотиков, оружия, проституция, азартные игры, контрабанда. Кроме того, они часто оказываются вовлеченными в традиционные виды преступлений, которые являются для них формой заработка – грабежи и разбой. До 40% всех совершаемых в Москве преступлений – дело рук приезжих, при этом мигранты из стран ближнего и дальнего зарубежья оказываются участниками каждого десятого раскрытого преступления в городе. По данным Министерства внутренних дел РФ, темпы роста числа преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, в целом по России почти вдвое превышают темпы прироста числа всех раскрытых преступлений (Нелегальная миграция..., 2003, С. 35).

В розыске по СНГ находятся 96 тыс. уголовников, которые, по данным этих стран, пребывают в России. По сведениям ГУБОПа МВД

⁹ Эта цифра приведена руководителем Федеральной миграционной службы МВД РФ А. Черненко в докладе на Парламентских слушаниях о Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации в Государственной Думе РФ 9 декабря 2002 г.

РФ, из порядка 1 тыс. известных им воров в законе из стран Закавказья 800 авторитетов постоянно проживают в России.

Становится известно все больше примеров нелегальной предпринимательской деятельности. В августе-сентябре 2002 г. из Москвы на родину было отправлено 212 граждан Вьетнама и Китая. Все они занимались нелегальной торговлей на рынке «Салют-3» или работали в подпольных цехах по пошиву «фирменной» одежды (Устюгов, 2002, С. 3). В июне 2003 г. в Подмосковье был выявлен цех по производству обуви, где работали 35 армян-обувщиков. Произведенная ими обувь продавалась на московских рынках под видом известных европейских марок.

А вот пример уже не полулегальной, а чисто криминальной экономики: именно нелегалы, как показывают исследования, поставляют в Россию значительную часть проституток, хотя этот промысел признан нашим законодательством незаконным. Часто это сфера двойной занятости женщин-иностранок, работающих в сфере торговли. Женщины-проститутки или имеют неудачный опыт легального трудоустройства в России, или приезжают сюда с намерением заработать на жизнь проституцией (МОН, 2001, С. 7). Следует отметить, что проституция в России и странах СНГ стала достаточно развитой отраслью криминальной деятельности, причем эти страны выступают и как потребители, и как поставщики «живого товара» на соответствующие международные рынки. Так, по некоторым данным, в Украине вербовщик получает от 200 до 5000 долл. за каждую завербованную женщину (Ильичев, 2003, С. 2).

На почве борьбы с незаконной миграцией возникает также полукриминальный или криминальный бизнес (вымогательства и грабежи), закамуфлированный под «патриотическое» движение с лозунгом «Долой иностранцев из России!». Вскрытых случаев такого рода бизнеса — множество в средствах массовой информации и оперативных сводках МВД (см., например, Дятлов, 2002, С. 161).

На обслуживании незаконной миграции процветает целая отрасль теневой деятельности, которую смело можно отнести не к полулегальной, а к числу криминальной экономике. Только в Москве работают сотни фирм, оформляющих поддельные регистрации, медицинские книжки и разрешение на трудоустройство. Цена этой «услуги» колеблется в пределах 400–1700 руб., причем доход одной такой фирмы в день может составлять более 10 тыс. долл. (Гранина, 2002б, С. 3). Активно идет торговля поддельными миграционными картами (Гусев, 2003, С. 11). Несомненно, расцвет подобного рода бизнеса связан с неповоротливостью российских миграционных служб и общим отношением попустительства к коррупции в стране.

Если сама по себе теневая и даже криминальная экономика несет стране серьезные угрозы, но не является причиной деградации российской государственной машины, к этому обязательно ведет коррупция в правоохранительных органах, занимающихся проблемой незаконных мигрантов. По данным проведенных опросов, 77% незаконных трудовых

мигрантов сталкивались с произволом милиции, причем выявлены случаи, когда из помещенных в следственный изолятор «нелегалов» формировались бригады бесплатных строителей для сотрудников милиции. Допустимость произвола по отношению к мигрантами разлагает правоохранительные органы (МОМ, 2001, С. 7). Отмечены случаи самоуправства правоохранительных органов. Так, некоторые вполне законные трудовые мигранты жаловались, что у них работники милиции изъяли и уничтожили свидетельства о регистрации (Гранина, 2002а, С. 3). Пресс-атташе посольства Азербайджана в России Ф. Агамалиев свидетельствовал, что сразу же после террористического акта на Дубровке в 2002 г. омоновцы на Черкизовском рынке обложили кавказских торговцев «данью» в 1,5 тыс. руб., грозясь, что в случае неуплаты они будут депортированы из Москвы (там же). Понятно, что если незаконные мигранты становятся источником дохода для сотрудников МВД, то едва ли можно говорить об эффективном регулировании миграционных процессов этим ведомством.

В то же время, на наш взгляд, незаконная миграция лишь косвенно связана с такой угрозой российскому обществу, как международный терроризм. Дело в том, что профессиональная подготовка к террористическому акту предполагает легализацию в стране (как это было с исполнителями террористических актов в США 9 сентября 2001 г.). Однако в отдельных случаях усиление контроля за незаконными мигрантами дает положительные результаты и для борьбы с терроризмом.

В целом же незаконная миграция непосредственно связана с ростом криминализации всех сфер жизни общества: она способствует коррупции среди государственных должностных лиц, стимулирует рост теневой экономики и криминального бизнеса, в частности, связанного с организованной переправкой незаконных мигрантов и торговли «живым товаром».

Социальные аспекты вызовов безопасности российского государства со стороны незаконной миграции менее очевидны, но при этом не менее серьезны. С одной стороны, незаконные мигранты мало пользуются социальной инфраструктурой, включая медицинское обслуживание, т.к. для этого необходимы регистрация, медицинская страховка и т.д. С другой стороны, посредством масштабной незаконной миграции формируются особые рынки труда — наиболее дискриминированные, неформальные и теневые, которые заняты преимущественно мигрантами. И даже если мигранты не увеличивают конкуренцию на национальном рынке труда, т.к. занимают, как правило, те ниши, которые не привлекают коренное население, тем не менее, они несомненно способствуют ухудшению социальных стандартов в сфере трудовой занятости, поскольку сбивают цены на рабочую силу. На локальных же рынках труда, особенно в тех регионах, где концентрация мигрантов особенно высока, конкуренция между местными и иностранными рабочими вызывает очевидную социальную напряженность. При этом, как

отмечают исследователи, не используется трудовой потенциал «нелегалов» в должной мере, т.к. по специальности работают не более 15% из них (преимущественно продавцы и строители) (МОН, 2001, С. 6).

Заключение

За последние 3–4 года в России сложилась определенная стратегия борьбы с незаконной миграцией. Основной упор в ней делается на административно-правовые методы: упорядочение пребывания в стране иностранцев путем введения иммиграционных карт и усиления иммиграционного контроля; ужесточение штрафных санкций за незаконное использование иностранной рабочей силы; усиление национального законодательства в плане борьбы с контрабандной переправкой мигрантов и торговлей людьми; расширение международного сотрудничества в рамках СНГ в противодействии незаконной миграции.

В то же время остаются явно «недооцененными» такие меры, оправдавшие себя в мировой практике борьбы с незаконной миграцией, как заключение соглашений о реадмиссии, проведение информационных компаний о возможностях законного въезда на заработки или на постоянное место жительства, проведение программ легализации незаконных мигрантов. Давно назрела потребность в миграционной амнистии. Сотни тысяч людей, годами живущих в России незаконно или «полузаконно», могли бы получить официальный статус или гражданство России. Эта мера могла бы иметь сильный демонстрационный эффект и привлечь в Россию дополнительный приток мигрантов. Демографическая ситуация в России предполагает, что в стране необходимо развивать переселенческие программы, используя, в первую очередь, потенциал незаконной миграции. Благо, в российской истории такой опыт существует.

Однако пока действующая в России нормативно-правовая база регулирования миграции сама в известной мере подталкивает мигрантов (не напрямую, а опосредованным образом) к нарушениям закона. Ужесточение процедур получения гражданства, регистрации, разрешения на работу, статуса беженца неизбежно ведет к тому, что все большее число лиц оказываются вне легального поля миграции, вне закона.

В основу государственной концепции миграционной политики заложено традиционно узкое понимание национальной безопасности, при котором всякое лицо, пересекающее границу, в первую очередь, рассматривается как потенциальный носитель угроз. При таком подходе чем меньше мигрантов, тем лучше. Но такой ли подход отвечает интересам России?

Миграция — даже незаконная миграция — ни в коей мере не может считаться только источником угроз безопасности. В ней кроется вызов, на который должен быть найден разумный ответ, причем не один ответ, а целая *система* ответов, учитывающая многообразие тех сфер общественной жизни, которых миграция касается.

Государству и обществу важно избегать односторонних эмоциональных подходов к миграции. Едва ли возвращение к советской практике «граница на замке» укрепит национальную безопасность России — хотя бы потому, что лишит ее необходимого ей трудового потенциала мигрантов. Но и распахнутые настежь ворота — это неоправданный риск. Нужна взвешенная долгосрочная миграционная политика, сформированная в контексте национальной концепции безопасности и учитывающая все ее аспекты — политические, экономические, демографические, этнокультурные, социальные.

Литература

1. В движении добровольном и вынужденном: постсоветские миграции в Евразии // Под ред. А.Р. Вяткина, Н.П. Космарской, С.А. Панарина (1999). М.: «Наталис».
2. Верлин Е. (2002) Черный нал и желтая опасность. Если Россия потеряет Дальний Восток, то виноваты будут китайцы // «Эксперт», № 11, 18 марта 2002.
3. Витковская Г.С. (2002) Незаконная миграция в России: ситуация и политика противодействия // В кн.: Нелегальная иммиграция. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 9. М.: МАКС Пресс. С. 11–34.
4. Владимирова Е. (2002) Как регулировать миграционные потоки из Средней Азии в Россию? // «Труд», 4 августа 2002.
5. Гельбрас В.Г. (2001) Китайская реальность России. М.: Издательский дом «Муравей».
6. Гельбрас В. (2002) Китайская миграция и китайские землячества в России // В кн.: Мир в зеркале международной миграции. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 10. М.: МАКС Пресс. С. 20–37.
7. Гранина Н. (2002а) Депортацию отработывают на таджиках // «Известия», 30 ноября 2002.
8. Гранина Н. (2002б) За нелегалов посадят коммерсантов // «Известия», 14 декабря 2002
9. Гусев А. (2003) В Москве торгуют поддельными миграционными картами // «Известия», 3 февраля 2003.
10. Дятлов В.И. (1999) Кавказцы в Иркутске: конфликтогенная диаспора // В кн.: Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. М.: Московский Центр Карнеги.
11. Дятлов В.И. (2000) Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.
12. Зайончковская Ж. (2002) Трудовая иммиграция из стран СНГ в Россию. Доклад, представленный на Конференции МОМ / МОТ «Рынки труда и трудовая миграция в России: спрос, предложение и реакция со стороны принимающего общества». Москва, 29 ноября 2003.

13. Ивахнюк И.В. (2003) Нелегальная миграция в контексте национальной безопасности России // В сб.: Ломоносовские чтения–2003. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС.
14. Ильичев Г. (2003) Жертвы работорговли рабами себя не считают // «Известия», 8 февраля 2003.
15. Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. (2002) Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992–2001 гг.) // В сб.: Мир в зеркале международной миграции. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 10. М.: МАКС Пресс. С. 38–89.
16. Киреев О. (2002) Никто не нелегален // «Новая газета», 5–8 сентября 2002.
17. Красинец Е.С., Кубишин Е.С., Тюрюканова Е.В. (2000) Нелегальная миграция в Россию. М.: Asamedia.
18. Красинец Е.С. (2002) Незаконная иммиграция и латентная занятость в приграничных территориях Российской Федерации // В кн.: Нелегальная иммиграция. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 9. М.: МАКС Пресс. С. 35–49.
19. Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Парина (2000). М.: Московский Центр Карнеги, «Интердиалект+».
20. Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия (2003). Сборник материалов IX Международного семинара по актуальным проблемам миграции, 23–24 июня 2003 г., Москва. М.: Управление координации экономической политики и контроля за ее реализацией Правительства Москвы.
21. МОМ (2001) Незаконная миграция в России: открытие дискуссии. Открытый форум МОМ. Московская исследовательская программа по миграции. Июль–август 2001.
22. МОМ (2002) Тенденции в области миграции в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Обзор за 2001–2003 годы. Женева.
23. Нелегальная миграция из России в страны Евросоюза (2003). Сборник статей. Ростов-на-Дону: Центр изучения проблем этнических меньшинств, беженцев и вынужденных переселенцев.
24. Окольский М. Наступающие цивилизации, уходящие цивилизации на закате XX века. Взгляд с точки зрения демографии. // В сб.: Мир в зеркале международной миграции. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 10. М.: МАКС Пресс. С. 175–195.
25. Радаев В. (1999) Теневая экономика в России: изменение контуров // «Pro et Contra», т. 4, № 1, М.
26. Садовская Е.Ю. (2002) Предупреждение незаконной миграции в Республике Казахстан // В: Нелегальная иммиграция. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 9. М., МАКС Пресс. С. 50–64.

27. Севостьянов И. (1998) Кавказская пленница? Нет нужды доказывать, что Закавказье давно в фокусе внимания нашего отечества // «Независимая газета», 5 июня 1998.
28. Устюгов Б. (2002) Московских нелегалов депортируют на родину // «Известия», 17 сентября 2002.
29. Федоров Л. (2002) Почему Москву обживают мигранты? // «Московская правда», 20 сентября 2002.
30. Шведов А. (2003) Табор уводят в небо // «Известия», 7 марта 2003.
31. Шуйкин М. (1999) Россия становится раем для нелегальных иммигрантов // «Независимая газета», 5 февраля 1999.
32. Demeny, Paul (2002) Prospects for International Migration: Globalization and its Discontents // In: “Journal of Population Research”, 2002, vol. 19, No. 1.
33. China Statistical Yearbook, 2001 (Zhongguo tungji nianjian 2001). Beijing.
34. Iontsev, Vladimir and Ivakhniouk, Irina (2003) Russia and the Enlargement of the European Union // In: Migration in the New Europe: East–West Revisited. New York, Palgrave-Macmillan.
35. Ivakhniouk, Irina (2003) Illegal Migration: Russia // “European Security”, Issue 12 / 4, Winter 2003 Special issue: Managing the Challenges of Soft Security Threats in the 21st Century.
36. Weaver O. (1995) Securitization and Desecuritization // In: On Security / Ed. by R.D. Lipschutz. New York.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ ВРЕМЕН
В.ПУТИНА: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ**

Миграция и национальная безопасность в России

9–16 октября 2002 г. состоялась первая национальная перепись России в ее постсоветской истории. Официально опубликованные предварительные итоги переписи подтвердили те тенденции, которые уже были предугаданы многими российскими демографами. Население России убывает быстрыми темпами: по оценке, на 700–750 тысяч чел. ежегодно. На фоне постоянно сокращающихся уже в течение более чем двух десятилетий показателей рождаемости, действие долговременных факторов, среди которых не последнюю роль играет неудовлетворительное состояние здравоохранения, привело к росту показателей смертности (Becker & Bloom, 1998, С. 1913; Переведенцев, 1999, С. 17–36). В том случае, если эти тенденции не будут преодолены или компенсированы массовой иммиграцией, к 2050 г. население России может сократиться на 50 миллионов (Новые известия, 30 сентября 2000, С. 1).

Учитывая масштаб убыли населения, едва ли покажется странным, что российская политическая и научная элита проявляет озабоченность этим вопросом, указывая на его растущую стратегическую значимость для национальной безопасности и давая обозревателям повод предсказывать «острый демографический кризис» и «демографическую катастрофу». Дискуссия в обществе о причинах демографической убыли населения и ее последствиях для безопасности страны изобилует апокалиптическими и противоречивыми высказываниями. Особенно серьезно демографический кризис стал рассматриваться в контексте национальной безопасности во время президентства Владимира Путина, т.е. после 2000 г. Националисты сокрушаются по поводу того, что «русский народ оказался в глубоком кризисе, и последствия этого для выживания нации и исторической роли государства непредсказуемы» (Илюхин, 1999, С. 37)¹. Озабоченность высказывается также в официальных сферах власти. Риски, связанные с допуляцией, оцениваются столь серьезно, что в последней концепции национальной безопасности, принятой в январе 2000 г., специальный параграф посвящен демографической ситуации в стране: «Последствиями глубокого социального кризиса являются сокращение показателей рождаемости и продолжительности жизни в стране, искажение демографической и социальной

¹ Поскольку оригинальный текст статьи был представлен авторами на английском языке, возможны искажения цитат из русскоязычных источников, возникшие при двойном переводе. (Прим. переводчика)

структуры общества, истощение трудовых ресурсов как основы развития отраслей производства, ослабление семьи как основы общества и падение духовного, морального и творческого потенциала населения» (Концепция национальной безопасности России, 2000). Президент Путин в своем первом обращении к Федеральному Собранию Российской Федерации особо подчеркнул, какую угрозу несет в себе демографическая убыль самому существованию российского государства:

«С каждым годом нас, жителей России, становится все меньше и меньше. Уже в течение нескольких лет население страны сокращается в среднем на 750 тысяч человек ежегодно. Если доверять долгосрочным прогнозам, (...) через 15 лет в России станет на 22 миллиона жителей меньше, чем сейчас. А если эта тенденция сохранится и впредь, само выживание России как государства, как нации, будет поставлено под вопрос. Перед нами стоит угроза исчезновения как нации. Нынешняя демографическая ситуация является одной из наиболее острых проблем» (*Российская газета*, 11 июля 2000, С. 1,3).

Специалистами изучаются вопросы, непосредственно связанные с сокращением численности населения, такие как изменение тенденций внутренней миграции, имеющее своим последствием депопуляцию российского Севера и Дальнего Востока, миграция населения из сельских районов в города, различия в уровнях рождаемости среди различных религиозных и этнических групп, последствия распространения ВИЧ/СПИД. В то же время в гораздо меньшей степени изучена взаимосвязь между демографическим кризисом (с учетом миграционной составляющей) и национальной безопасностью (Krebs & Levy, 2001). В настоящей статье мы предполагаем рассмотреть вопросы экономической и социальной безопасности и воздействие миграции на эти важнейшие элементы национальной безопасности.

Воздействие миграции на экономическую и социальную безопасность

Экономическая безопасность подразумевает не только «возможность государств поддерживать самостоятельную способность к мобилизации» и «роль экономики в обеспечении способности государства к военной мобилизации», но и обеспечение безопасности снабжения и преодоление угроз экономической зависимости, которые могут быть следствием политических игр (Buzan et al, 1998, С. 116, 98). В. Путин ясно дал понять, что демографический кризис является угрозой экономической безопасности России, и, как мы увидим, эта угроза связана тем, насколько российская рабочая сила окажется способной повысить свою эффективность и производительность, насколько планирующие органы проявят свою способность разработать четкую, последовательную политику, которая обеспечила бы поддержание заданных темпов экономического роста в условиях сокращения численности трудовых ресурсов и сбалансированность реинвестиций в российскую экономику с расхода-

ми на пенсионное обеспечение и здравоохранение (особенно расходов, связанных с преодолением распространения ВИЧ / СПИД). Кажущееся наиболее очевидным решение — массовая иммиграция, — обеспечивая экономическую безопасность и стабилизацию и устойчивость российской экономики, одновременно подрывает социальную безопасность.

Понятие социальной безопасности непосредственно связано с идентичностью и самоопределением общностей и возникновением угроз, которые, с точки зрения общностей, могут угрожать этой идентичности. Угрозы идентичности общностей могут порождаться миграцией и страхом оказаться «порабощенными и ослабленными»². Горизонтальное соперничество, т.е. страх того, что может быть разрушена культурная или лингвистическая идентичность, и вертикальное соперничество, т.е. изолированность или интеграция, также могут рассматриваться как угрозы социальной идентичности (Buzan et al. 1998, С. 121). В условиях России мы наблюдаем, как естественная убыль населения в сочетании с тенденциями внутренней миграции (передвижение населения с российского Дальнего Востока в европейскую часть страны), которые приобретают особое значение на фоне массовой китайской иммиграции, обостряет понимание того, что социальная безопасность русского народа и коренных народностей Дальнего Востока в этом периферийном регионе оказывается под угрозой.

Последние оценки показывают, что общая численность «этнических русских» на пространстве бывшего СССР устойчиво снижается: с 145 миллионов чел. в 1989 г. до 136 миллионов в 1998 г. и дальнейшее сокращение, по меньшей мере, на 2 миллиона за 1999-2000 гг. (*Независимая газета*, 19 июля 2001 г., С. 5). По мере сокращения потенциала репатриации, растущее значение в качестве источника прироста населения приобретает иммиграция из стран «дальнего зарубежья». Однако поскольку «иностранная» иммиграция является относительно новым явлением для России, рядовым жителям и официальным властям довольно трудно приспособиться к нему. За последнее десятилетие Россия приобрела привлекательность в качестве удобного маршрута для транзитных мигрантов направляющихся на Запад. Очевидно, что число нелегальных иммигрантов в России велико, однако, официальные оценки, которые разнятся от 700 тысяч до 15 миллионов, похоже не в состоянии выявить реальный масштаб явления (Heleniak, 2002).

Все возрастающее число хорошо аргументированных расистских нападок на лиц с Кавказа и из государств Центральной Азии, а также тот упор, который делается официальными властями на нелегальные аспекты иммиграции, свидетельствуют о растущей озабоченности российского общества проблемами миграции (Moscow Helsinki Group, 2002; Roman, 2002, С. 1–27). Непоследовательность миграционной политики, все

² В работе Б. Бузана и др. (Buzan et al, 1998, С. 121) приводятся примеры китайской миграции в Тибет, российской миграции в Эстонию.

больше склоняющейся к дискриминационному подходу к иммиграции, является в равной степени результатом как растущего социального напряжения в обществе, так и насаждения культурологических стереотипов местными и национальными властями, стремящимися собрать политический урожай на ниве шовинизма.

К 2050 г. доля иммигрантов в численности рабочей силы увеличится, по крайней мере, до 20%, а по прогнозам некоторых социологов, численность китайцев, живущих на территории Российской Федерации, составит 7–10 миллионов. Например, Жанна Зайончковская, заведующая лабораторией миграции населения Института народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии наук, утверждает, что к тому времени китайцы станут в России второй по численности этнической группой после русских. Только благодаря своей многочисленности китайцы превратятся в неотъемлемый элемент российской рабочей силы, способный оживить российский сектор услуг, строительство, муниципальный транспорт и сельское хозяйство (*Известия*, Москва, 23 июня 2001).

Впрочем, исходя из нынешней численности китайского населения, проживающего на российском Дальнем Востоке, эти оценки кажутся чересчур преувеличенными. Наиболее достоверной является оценка, определяющая, что в регионе находятся не более 300 тысяч китайских мигрантов, причем примерно 90% из них — это временные мигранты-челноки (Карлусов, Кудин, 2002, С. 76–87; Алексеев, 2001, С. 95–114). Проблема китайской миграции неизбежно принимает политический оттенок, поскольку на фоне де-европеизации российского Дальнего Востока, т.е. массового оттока «этнических русских» в западные регионы страны, экономическая роль китайских мигрантов все больше встраивается в контекст политической и социальной безопасности как федеральными, так и региональными властями.

Миграционная политика в ответ на естественную убыль населения

Российские политики активно обсуждают те угрозы, которые создает сокращение численности населения России ее национальной безопасности. Интересно, что во время президентского правления Владимира Путина понимание национальной безопасности не сводится к традиционному военно-политическому контексту, но рассматривается более широко, включая в себя политические, экономические и социальные аспекты, связанные с убылью населения. Она воспринимается даже как угроза существованию государства. Как отметил Путин, «перед нами встает угроза исчезновения как нации». В таком случае, какие регулирующие меры могут быть противопоставлены нарастающей убыли населения и могут ли они смягчить те угрозы, которые сокращение численности населения несет в себе политическим, экономическим и военным аспектам общественной жизни?

Несмотря на провозглашаемые декларации, реальные предпринятые шаги незначительны. Усилиями специально созданной рабочей группы в 2001 г. была разработана Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. Несмотря на долгосрочный характер концепции, она сконцентрирована преимущественно на повышении темпов естественного прироста населения путем улучшения показателей рождаемости, предоставления семьям возможности иметь детей и улучшения состояния здоровья населения. Однако ряд демографов, как например, Анатолий Вишневский, выражает сомнение в том, что сокращение численности населения может быть замедлено естественным повышением рождаемости в обозримом будущем (Вишневский, 1998, С. 111).

Стимулирование естественного прироста населения представляет собой одно (пусть частичное и ограниченное) из возможных направлений государственной политики; другим направлением является поощрение иммиграции в Россию. Здесь мы сталкиваемся с открытым столкновением мнений о том, как иммиграционная политика должна соотноситься с интересами национальной безопасности, в смысле социальной стабильности и политической безопасности. Дискуссия по проблемам миграции и эффективности мер, призванных регулировать миграционные потоки, обнаруживает глубокую обеспокоенность российского общественного и политического мнения. В то время как само существование России, ее культурная идентичность могут быть поставлены на карту в результате демографической убыли, отношение к политике стимулирования иммиграции оказывается чувствительной и противоречивой проблемой, которая скорее разъединяет, чем консолидирует российское общество. Несмотря на возникновение устойчивого консенсуса по вопросу о том, что миграция является важным условием демографического и экономического развития России, правительство, тем не менее, предпринимает противоречащие этому меры. Различные министерства, на которые возложено регулирование миграционных процессов, предлагают такие концепции в области миграционной политики, которые оказываются противоречивыми и взаимоисключающими. Так, очевидным является противоречие между обещанием открыть российские границы для иностранцев, которые могли бы компенсировать дефицит рабочей силы, и практическим применением рестриктивной миграционной политики. Обозреватель *Новых известий* точно замечает:

«... Министр (внутренних дел) высказывает странные идеи о том, как спасти (демографическую ситуацию в стране); по его логике, Россия должна быть огорожена железным занавесом от всех людей, которые хотели бы приехать на определенный срок с целью получить российское гражданство. Другими словами, лучше мы медленно и тихо выйдем сами по себе, чем допустим иностранцев. Наши скинхеды, нацисты и другие люди с фашистскими идеями могут расслабиться: Министерство внутренних дел само подхватило их лозунг «Россия для русских» (*Новые известия*, 25 апреля 2002, С. 1, 5).

В конце 1990-х гг. произошло изменение структуры миграционных потоков от репатриации российской диаспоры, оставшейся в государствах СНГ, в сторону притока экономических мигрантов и беженцев как из стран СНГ, так и из государств так называемого «дальнего зарубежья». За период 1989–1995 гг. в общей сложности более 2,8 миллионов русских вернулись в Россию. Если включить в это число беженцев из стран «ближнего зарубежья», население России возросло за счет миграции на 3,7 миллионов чел. (Рыбаковский, 1996, С. 31). В течение 1990-х гг. приток мигрантов играл исключительно важную роль в выравнивании демографической убыли в России, однако, по мере стабилизации экономических и политических условий во многих государствах СНГ и Балтии приток мигрантов сократился. Если в период 1995–1999 гг. миграция компенсировала сокращение численности населения России на 45%, то в 2000 г. — лишь на 25% (Спицын, 2002, С. 25). Оценки Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики показывают, что для того, чтобы поддерживать численность населения страны на уровне 140 миллионов, требуется приток мигрантов от 700 тысяч до 1 миллиона ежегодно. Однако в 2001 г. в Россию въехали лишь 380 тысяч человек (*Коммерсант*, 25 июля 2001 г., С. 2).

Эти несоответствия отражают рост негативного восприятия, которое нарастает в отношении российских граждан к мигрантам. При обсуждении проблем миграции общественное внимание фокусируется на тех категориях приезжих, которых считают «благоприятными для переселения». Вроде бы многие соглашались с тем, что Россия должна создать более благоприятные условия для привлечения «соотечественников», проживающих в странах СНГ, однако, само понятие «соотечественник» ставится «на конкурсную основу», поскольку статус «соотечественника» ассоциируется с правом на российское гражданство и получение финансовой помощи (Рыбаковский, 1996, С. 31–42).

Сдвиг в сторону селективной концепции миграции усилился с принятием Закона о гражданстве 2002 г., отменой ранее существовавших советских паспортов и ужесточением условий предоставления российского гражданства.³ Новый Закон о гражданстве, в частности, в число необходимых условий для получения российского гражданства включает пятилетний период непрерывного проживания в России, наличие законного источника дохода, отказ от прежнего гражданства, обещание подчиняться российским законам и знание русского языка. В отличие от предыдущего Закона о гражданстве 1991 г., новый закон не предусматривает предоставление гражданства по признанию. В соответствии прежним законом, все граждане Советского Союза, которые являлись постоянными жителями Российской Федерации на день вступления закона в силу, автоматически признавались гражданами, если они в

³ Текст Закона о гражданстве был опубликован в *Собрании законодательства Российской Федерации*, № 22, 3 июня 2002 г., С. 5480–5496.

течение одного года не заявили о своем нежелании получить этот статус (*Коммерсант*, 22 апреля 2002 г., С. 2).

Когда Закон о гражданстве обсуждался в Думе, он вызвал массу противоречивых суждений и был окончательно принят на фоне широкой критики со стороны националистических и консервативных фракций. Оппоненты закона заявляли, что он провозглашает конец Советского Союза и новое отношение к соотечественникам в странах СНГ лишь как к рабочей силе, поскольку он декларирует, что Россия готова принимать только людей с профессией и квалификацией (*Правда.ру*, 8 июня 2002 г.). Другие обозреватели одобряли принятие иммиграционного режима, основывающегося на этническом признаке, поскольку он «не будет ставить этнического русского из Казахстана на одну ступеньку с выходцем из Буркина-Фасо» (*Время МН*, 3 октября 2002, С. 6). Закон обвиняли также в смешивании двух противоречащих друг другу подходов. С одной стороны, российские власти стремились к такой трактовке предоставления гражданства, которая была бы доступна для людей, в которых страна нуждается как в рабочей силе, для пополнения человеческих ресурсов и капитала. В другой стороны, будучи активным членом международного сообщества, Россия должна была показать, что она ценит статус своего гражданства столь же высоко, как любая другая европейская страна, и не разбрасывает его, как конфетти (*Известия*, 20 апреля 2002г., С. 1–2). Несмотря на заверения президента Путина о том, что новый закон превратит Россию в «открытое общество», тем не менее, мало кто сомневается в его рестриктивном характере (*Правда.ру*, 6 июня 2002 г.).

Закон о гражданстве знаменует собой сдвиг в сторону видения миграции как угрозы стабильности страны. Очевидно, что после 2001 г. миграционная политика пережила период радикальных преобразований, что отразилось в межведомственной реструктуризации: ликвидации Министерства национальной и миграционной политики и передаче ее компетенции Министерству внутренних дел. Хотя некоторые обозреватели говорят, что еще слишком рано судить, как скажутся эти изменения на миграционной политике, другие высказывают опасения, что налицо переход к репрессивному подходу в отношении миграции.

После того, как в рамках МВД была учреждена Федеральная миграционная служба, министр внутренних дел Борис Грызлов пообещал «изменение миграционной политики на 180 градусов» на основании понимания того, что приток мигрантов не может рассматриваться как панацея от демографической убыли российского населения. Особо подчеркивая необходимость усиления контроля над нелегальной иммиграцией, Б. Грызлов рассказал о намеченных планах принятия «антидепинговых» мер в отношении иммигрантов из-за рубежа, в частности, введения системы квот на привлечение иностранной рабочей силы и увеличения налога на работодателей за использование труда рабочих-мигрантов. Все эти меры, в первую очередь, нацелены на защиту 7 миллионов российских безработных (*Время МН*, 25 апреля 2002 г., С. 3). Впрочем, многие

эксперты оспаривают мнение о том, что иммигранты отнимают рабочие места, которые могли бы занять российские безработные. Так, Жанна Зайончковская утверждает, что иммигранты не составляют конкуренцию российским безработным; лишь 15–20% иностранцев, прибывающих в Россию, пытаются там остаться и найти работу; те, кто работают, занимают те рабочие места, от которых отказываются российские граждане: мигранты с Кавказа преимущественно занимаются асфальтированием дорог в Москве, а молдаване и украинцы работают водителями городских автобусов и троллейбусов. Более того, число новых рабочих мест в России в целом превышает количество безработных. Таким образом, увеличение налога на работодателей, нанимающих иностранных рабочих, с 140 рублей до 3900 рублей лишь подтолкнет рабочих-мигрантов к нелегальным формам занятости (*Время новостей*, 25 апреля 2002, с.1). В октябре 2002 г. было объявлено о введении квот на привлечение иностранной рабочей силы с января 2003 г., при этом максимальное число привлекаемых иностранцев было ограничено 500–700 тысячами человек (*Интерфакс*, 1 октября 2002).

Заключения и рекомендации в области политики

Российские политики и ученые признают, что население России неуклонно сокращается. Они утверждают, что это сокращение представляет собой «угрозу национальной безопасности» и что эту угрозу нужно рассматривать не только в контексте военной угрозы территориальной целостности Российской Федерации, но также угроз невоенного характера — суверенитету государства, экономической независимости и социальной стабильности. Демографическая убыль и те вызовы безопасности, которые с ней связаны, вызывают ответную политическую реакцию из центра.

Инициативы в области политики, в частности, миграционной политики, нацелены на то, чтобы поставить под контроль нынешнее сокращение численности населения и перераспределение населения по территории страны. Однако осуществление мер миграционной политики нельзя назвать последовательным и эффективным. Разработка миграционной политики, демографической концепции (и политики) и изменение политики в области гражданства по отдельности можно признать полезными, однако, будучи соединенными вместе, они оказываются не просто противоречивыми, но применение каждой из них сводит на нет возможные позитивные последствия других. То, как осуществляется и будет осуществляться политика в этой области, во многом определит относительную эффективность (сильные и слабые стороны, ограниченность) федеральной власти при В. Путине во время первого и (что предполагается весьма вероятным) второго срока его президентства (2000–2008 гг.). Действительно, при том, что политика в области гражданства в целом является противоречивой, выбор приоритетов при ее осуществлении может служить барометром того, интересы каких групп в российской правящей элите доминируют.

К настоящему времени реакция государства на демографическую убыль в России носит скорее риторический, нежели практический и последовательный характер. Измененный Закон о гражданстве ставит ограничения в отношении притока мигрантов на российский рынок труда, несмотря на то, что необходимость такого притока признана необходимым условием ускорения экономического роста. В ответ на возникновение социальной напряженности на этнической и религиозной почве в стране государство начало проводить ограничительную миграционную политику, которая противоречит национальным интересам России. В настоящее время государство испытывает недостаток политической воли для того, чтобы задействовать необходимые экономические ресурсы для преодоления демографической убыли, а интересы региональных элит и могущественных групп чиновников стремятся подчинить себе миграционную и демографическую политику с целью расширения своей власти.

За время второго срока президентского правления В. Путина должна появиться последовательная политика в области народонаселения. Эта политика должна разрешить дилеммы, связанные с сочетанием задач обеспечения экономического роста и поддержания политической стабильности и социальной безопасности. Президенту Путину следует последовательно формулировать демографическую политику с тем, чтобы она соответствовала национальным интересам России и противостояла возможным стратегическим угрозам. Только таким образом может быть достигнут консенсус между политиками и экспертами о необходимости вложений в поддержание естественного прироста населения и о более открытой иммиграционной политике. Такой консенсус даст возможность властям преодолеть существующую тревогу в обществе, специфические интересы региональных элит, которые пытаются противостоять иммиграции, и чиновников, которые стремятся не столько проводить политику, сколько подчинить себе процесс. Кратковременное снижение популярности В. Путина и некоторая политическая нестабильность, которую может спровоцировать осуществление такой политики, будут легко компенсированы долгосрочными выгодами в виде укрепления устойчивости Российской Федерации.

Перевод с английского — И.В. Ивахнюк

Литература

1. Вишнеvский А. (1998) Демографический потенциал России // Вопросы экономики, № 5. С. 103–122.
2. Илюхин В.И. (1999) Нация – Государство – Безопасность, М.: ЦентрКнига.
3. Карсулов В., Кудин А. (2002) Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ // Проблемы Дальнего Востока, № 5. С. 76–87.
4. Концепция национальной безопасности России, принята Указом Президента РФ № 24, 10 января 2000 г. (опубликована в Российской газете 18 января 2000 г.).
5. Рыбаковский Л.Л. (1996) Миграционный потенциал русского населения в странах нового зарубежья // Социологические исследования, № 11. С. 31–42.
6. Спицын А. (2002) Влияние миграции на демографические процессы и социально-экономическую обстановку в стране — на примере Оренбургской области // Экономист, №3. С. 64–65.
7. Тульский М. (2001) Ислам в неисламском мире // Независимая газета, 29 сентября 2001.
8. Alexseev, Mikhail A. (2001) Socioeconomic and Security Implications of Chinese Migration in the Russian Far East // Post-Soviet Geography and Economics 42, no. 2. P. 95–114.
9. Becker, C. and Bloom, D. (1998) The Demographic Crisis in the Former Soviet Union: Introduction // World Development, Vol. 26, no. 11. P. 1913–1919.
10. Buzan, Barry, Waever Ole and de Wilde, Japp (1998) Security: a New Framework for Analysis. Boulder CO, Lynne Rienner.
11. Heleniak, Timothy (2002) Russia Beckons but Diaspora Weary // Migration Information Source, October 1. available at www.migrationinformation.org
12. Krebs, Ronald R. and Jack S. Levy (2001) Demographic Change and the Sources of International Conflict // In: Demography and National Security / Ed. by Myron Weiner and Sharon Stanton Russell. New York: Berghahn Books. P. 62–108.
13. Moscow Helsinki Group (2002) Nationalism, Xenophobia and Intolerance in Contemporary Russia; available at <http://www.fsmonitor.com/stories/xenophobia.pdf>
14. Roman, Meredith L. (2002) Making Caucasians Black: Moscow Since the Fall of Communism and the Radicalization of Non-Russians // Journal of Communist Studies and Transition Politics, Vol. 18, No. 2, June. P. 1–27.
15. Zaionchkovskaya, Zhana (2001) Russian Policy in the Sphere of Migration: the Domestic Context . Report presented at the seminar ‘The Demographic Situation and Migration Policy in Russia’, held by the Moscow Migration Research Programme, September 26, 2001 and reported in IOM Open Forum, Information Series, n. 2, September October 2001. P. 5–7.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕПОПУЛЯЦИИ РОССИИ

В работе проводится анализ величины и распределения во времени миграционных потоков, привлечение которых в Россию способно решить проблему депопуляции России. С использованием методов математического моделирования оценены оптимальные миграционные потоки для сценария полной компенсации демографических потерь конца XX — начала XXI вв. и для двух сценариев частичной компенсации отмеченных потерь. Результаты расчетов указывают на то, что преодоление депопуляции России к середине века возможно лишь ценой больших иммиграционных потоков на протяжении всей первой половины XXI века. Причем, перенос начала активной иммиграционной политики на поздние сроки приводит к резкому росту издержек по привлечению и устроению мигрантов.

Введение

В связи с продолжающейся депопуляцией, вопросы демографической безопасности России приобретают все большую актуальность. Сокращение численности населения России вызвано, прежде всего, чрезвычайно низкой рождаемостью. Поскольку сокращение рождаемости вызвано изменением уклада жизни населения, его демографического поведения, имеются серьезные основания ожидать, что рождаемость населения России может в обозримой перспективе остаться на низком уровне. Так, известные прогнозы численности населения России как в краткосрочном, так и в среднесрочном периодах опираются на предположения о низкой рождаемости населения России (U. S. Bureau of the Census 2000; United Nations, 2001; Ediev, 2001; Центр демографии и экологии человека, 2001). Между тем, долгосрочные последствия неблагоприятной демографической динамики могут оказаться катастрофическими и практически необратимыми. В частности, отсутствие серьезных улучшений в воспроизводстве населения России в первой половине XXI века чревато двукратным сокращением его численности к концу века (Ediev, 2001). Это связано с тем, что к середине века — при относительно небольшом сокращении численности — население России серьезно постареет и потеряет свой демографический потенциал (см. рис. 1).

В контексте анализа путей преодоления депопуляции России, представляет интерес возможная роль миграции как заместителя демографических потерь, вызванных отрицательным естественным приростом населения. Ранее (Ediev, 2001) было показано, что даже увеличение иммиграции до уровня 0,5% населения России в 2010–2050 гг. не способно предотвратить депопуляцию в долгосрочной перспективе. В то же время представляется, что только сочетание регулируемой иммиграции

со стимуляцией рождаемости представляет собой реальный путь стабилизации и, быть может, роста численности населения России.

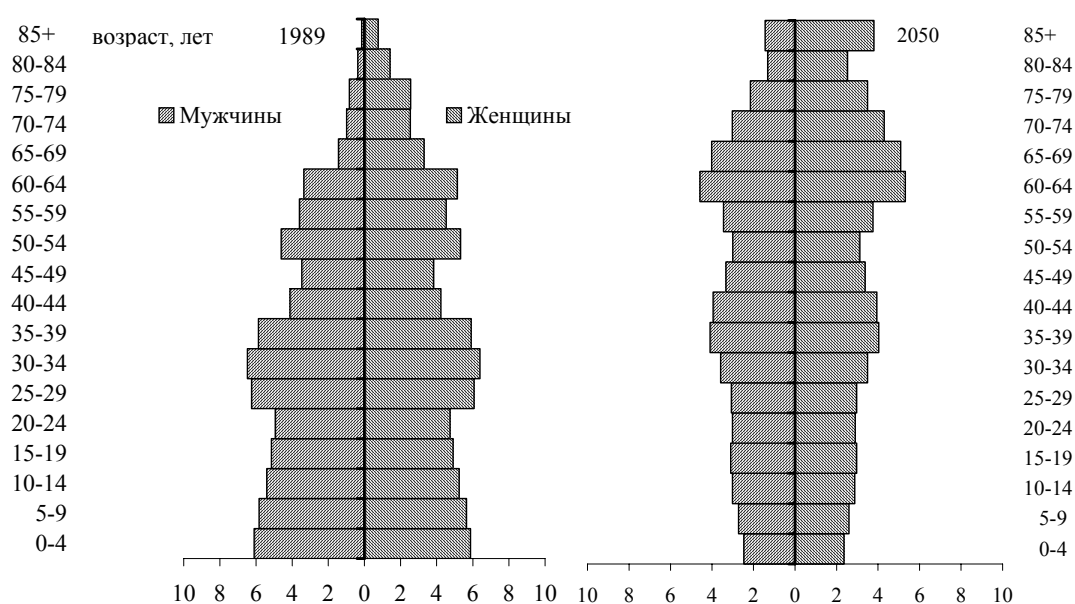

Рис. 1. Возрастно-половая структура населения России в 1989 и 2050 гг. согласно оценке и прогнозу бюро Цензов США.

Анализ различных сценариев повышения рождаемости (Ediev, 2001) показал, что принципиальное значение имеет распределение во времени мер демографической политики. Оказывается, что при позднем росте рождаемости долгосрочный демографический эффект значительно меньше из-за старения населения. Эффект времени важен не только для мер по стимулированию рождаемости, но и для регулирования миграции в страну. В отличие от роста рождаемости, увеличение миграционного притока в Россию чревато изменением социально-культурного уклада общества, нарастанием межнациональной и межрасовой напряженности, что имеет прямой выход на национальную безопасность России. Поэтому уровень иммиграции в страну должен быть достаточно низким, чтобы поток мигрантов успевал адаптироваться к российской социально-культурной среде. Общественные издержки по ассимилированию миграционного потока будут существенно определяться его величиной и распределением во времени. Отсюда возникает задача определения оптимального временного распределения миграционного притока в Россию. В настоящей работе эта задача решается с использованием методов математического моделирования. Успешному решению поставленной задачи способствовало использование модели демографического потенциала [Эдиев 2003]. За основу в расчетах принят прогноз населения России до 2050 года, проведенный Бюро цензов США [U. S. Bureau of the Census 2000]. Исследуются оптимальные корректировки к этому прогнозу, достигаемые за счет миграционного прироста. Рассмотрено несколько сценариев относительно величины демографического потенциала Фишера в 2050 году: выход на уровень 1989 года, на уровень 2000 года (90% от 1989 года) и на уровень 75% от 1989 года. Для сравнения, отсут-

ствии корректировок к сценарию Бюро цензов соответствует выходу потенциала к 2050 году на уровень 53% от 1989 года. Для каждого из сценариев рассчитаны оптимальные миграционные потоки, обеспечивающие заданный уровень демографического потенциала населения к 2050 году. Оптимальное распределение миграционных потоков, а так же общественные издержки, связанные с ростом иммиграции, зависят от того, в каком году начинается регулируемый дополнительный приток мигрантов. В работе были проведены расчеты для всех возможных значений начала активной миграционной политики, начиная с 1989 по 2049 годы.

Модели и допущения

Прежде, чем перейти к полученным результатам, рассмотрим использованные в работе модели и допущения. Предполагается, что активная миграционная политика проявляется в дополнительном (по отношению к прогнозу Бюро цензов США) притоке иммигрантов в страну. Этот дополнительный приток сопряжен с общественными издержками, связанными как с привлечением иммигрантов, так и их адаптацией.

Принято упрощающее предположение, что показатели воспроизводства иммигрантов и их потомков повторяют характеристики населения России. В частности, исходя из этого предположения принято, что суммарный демографический потенциал Фишера мигрантов и их потомков меняется так же, как и потенциал населения в целом.

Следующие предположения касаются расчета величины общественных издержек по адаптации миграционного притока. Предполагается, что эти издержки (измеряемые в условных единицах) увеличиваются нелинейно, по мере увеличения доли дополнительного миграционного притока в демографическом потенциале населения. Функция издержек выбрана с тем, чтобы исключить миграционный приток свыше некоторого порогового уровня:

$$Z_t = \frac{m_t}{\bar{m} - m_t}, \quad (1)$$

где Z_t — издержки по привлечению дополнительного притока мигрантов в году t (условные единицы); m_t — доля мигрантов в демографическом потенциале «коренного» населения (т.е. согласно прогнозу Бюро цензов) в году t ; и \bar{m} — максимальный пороговый уровень доли мигрантов в потенциале населения, положенный равным 5% (при приближении к этому уровню, общественные издержки неограниченно возрастают).

Величина суммарных издержек за весь период проведения активной миграционной политики рассчитывается с учетом эффекта дисконтирования (Hirshleifer, 1958; Бромвич, 1996):

$$Z = \sum_t \frac{Z_t}{k^t}, \quad (2)$$

где индекс t пробегает все возможные значения от 1989 до 2049 года; k — коэффициент дисконтирования, положенный равным 1.02, что соответ-

ствуется темпу дисконтирования 2%. Такой выбор продиктован оптимистичной посылкой о возможном росте ВВП на 2% ежегодно.

В результате сделанных предположений, задача поиска оптимальной стратегии иммиграционной политики сводится к решению следующей задачи нелинейного математического программирования:

$$Z = \sum_t \frac{1}{k^t} \frac{m_t}{\bar{m} - m_t} \rightarrow \min$$

$$\begin{cases} \sum_t {}_{2050}R_t \cdot V_t^0 \cdot m_t = M_{2050} \\ m_t \geq 0 \end{cases} \quad (3)$$

где показатели ${}_{2050}R_t$ равны коэффициенту прироста потенциала Фишера с начала года t по начало 2050 года (рассчитывается на основе прогноза Бюро цензов США); V_t^0 — демографический потенциал населения России, рассчитанный согласно прогнозу Бюро цензов США; M_{2050} — целевое значение для величины прироста демографического потенциала к 2050 году за счет дополнительной иммиграции.

Для перехода при анализе результатов от потенциалов Фишера к численности иммигрантов, использовалось допущение о том, что удельный демографический потенциал мигрантов выше потенциала населения на 15% (Эдиев, 2001).

Основные результаты и выводы

Расчеты по модели (3) показали, во-первых, что величина и распределение во времени усилий по привлечению мигрантов существенно зависят от того, когда начинается реализация активной миграционной политики. Также от этого значительно зависит динамика численности населения в первой половине XXI века. В таблице 1 приведены выборочные результаты расчетов по всем сценариям. Рассмотрим упомянутые выше сценарии по отдельности.

В первом сценарии полагается, что к 2050 году потенциал Фишера населения России достигнет уровня 1989 года, т.е. демографические потери, вызванные пореформенным кризисом рождаемости и смертности, будут преодолены. На рисунке 2 представлена динамика численности населения для этого сценария. Приведены результаты расчетов по нескольким вариантам — исходный, согласно прогнозу Бюро цензов, вариант оптимальной миграционной политики (по расчетам, она должна была начаться в 1989 году), варианты начала активной политики в 2004 и 2010 году, а так же вариант наиболее позднего начала миграционной политики (по расчетам, целевое значение демографического потенциала рассматриваемого сценария не может быть достигнуто, если активная миграционная политика начнется позже 2031 года).

Видно, что — несмотря на сходный уровень численности населения в 2050 году — различные варианты миграционной политики существенно разнятся в динамике численности населения на протяжении

анализируемого периода. Так, в рамках оптимальной политики население России возрастало бы плавно, без депопуляции. Прирост численности к 2050 году объясняется легко — из-за старения возрастной структуры удельный потенциал населения будет сокращаться, что при заданном значении демографического потенциала означает большую численность (за счет старших возрастных групп). Наиболее позднее начало миграционной политики (2031 год) сопряжено со значительной депопуляцией к 2031 году, после чего только ценой беспрецедентно высокой иммиграции, доходящей до 4% от численности населения, удастся выйти на целевое значение потенциала в 2050 году (см. рис. 3). Разумеется, столь высокие уровни иммиграции сопряжены с огромными общественными издержками. Численное выражение этих издержек в зависимости от времени начала активной миграционной политики отражено на рисунке 4. Из этого рисунка так же видно, что вплоть до 2015–2020 гг. имеется своего рода временное окно, когда реализация активной демографической политики сопряжена с относительно малыми издержками, а после этого срока издержки быстро возрастают.

На рисунках 5–10 отражены результаты расчетов по двум другим сценариям — когда потенциал к 2050 году выходит на уровень 2000 года (это составляет около 90% от уровня 1989 года) и на уровень 75% от 1989 года соответственно. Менее требовательные условия на потенциал в 2050 году приводят к тому, что оптимальное начало активной миграционной политики смещается на более поздний срок. Однако, только в третьем (наименее требовательный) сценарии оказывается, что оптимальные сроки активной политики все еще не упущены — согласно расчетам, это 2005–2049 гг. Примечательно, что во всех трех сценариях происходит увеличение численности населения России, связанное, как это было отмечено выше, с изменением возрастной структуры населения России. В то же время все проанализированные сценарии — даже при оптимальном распределении во времени иммиграционных потоков — сопряжены с очень большой иммиграцией, — до 1% в год (это в несколько раз превышает существующий уровень миграционного прироста). Временное окно, в пределах которого можно откладывать начало активной иммиграционной политики, различно для исследованных сценариев. Как было отмечено, для сценария полной компенсации демографических потерь конца XX — начала XXI вв. это окно длится вплоть до 2015–2020 гг. Для сценария компенсации потерь после 2000 года это «окно» длится до 2020–2025 гг., а для третьего сценария — до 2030–2035 гг. Таким образом, подводя итог, можно утверждать, что

- преодоление депопуляции России мерами миграционной политики сопряжено с высокой иммиграцией в страну (на уровне порядка 1% от численности населения, т.е. более миллиона, в год);
- смещение активной иммиграционной политики на более поздние сроки приводит к росту издержек в силу необходимости привлекать все возрастающие миграционные потоки для достижения одних и тех же целей;

- для каждого из сценариев имеется некоторое временное окно (оканчивающееся между 2015 и 2035 гг. в зависимости от сценария), в пределах которого можно относительно безболезненно смещать начало активной иммиграционной политики;
- варианты более ранней иммиграционной политики предпочтительней не только по величине издержек по привлечению дополнительных миграционных потоков, но еще и потому, что эти варианты приводят к большей численности населения на протяжении всей первой половины века.

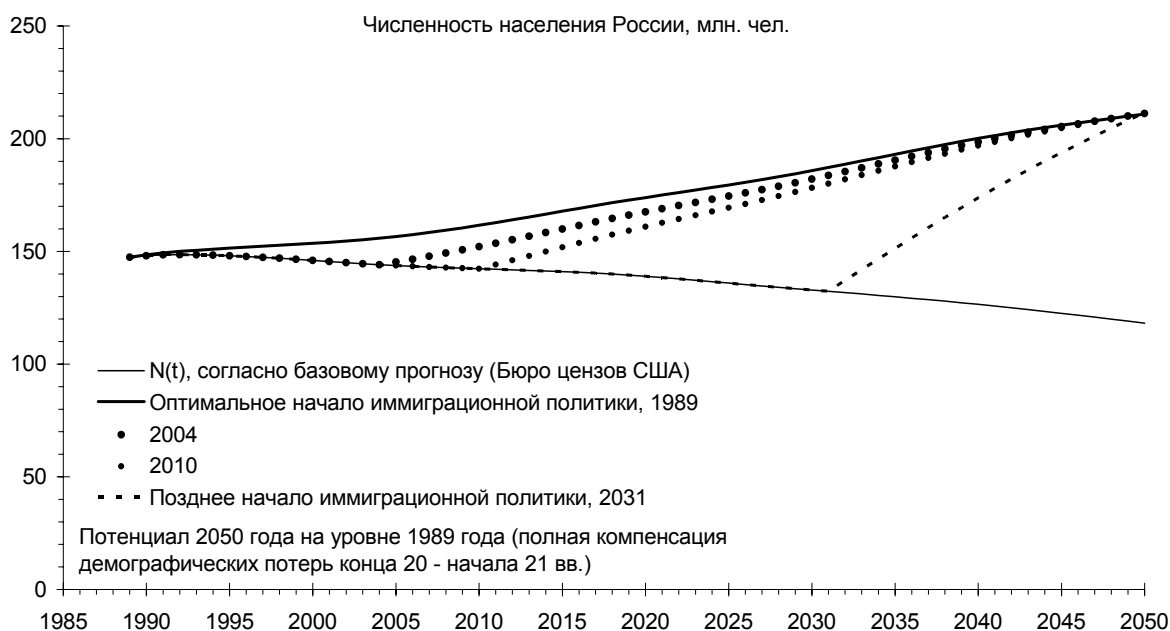

Рис. 2. Динамика численности населения России для сценария восстановления уровня демографического потенциала 1989 года к 2050 год

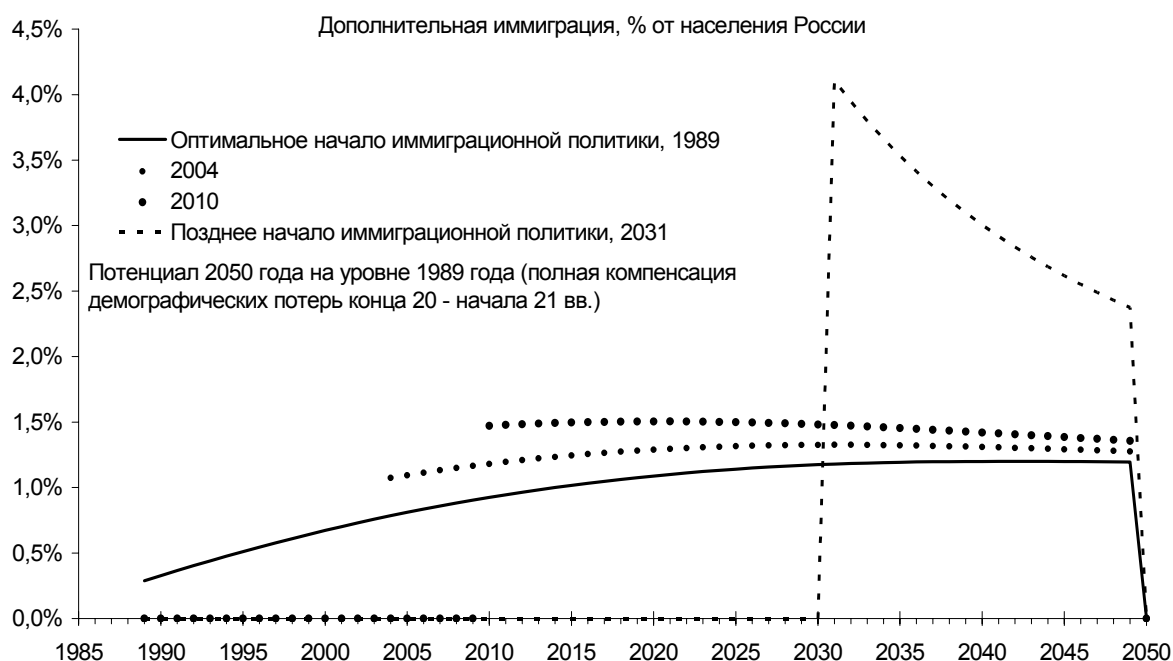

Рис. 3. Необходимый дополнительный миграционный прирост населения России для сценария восстановления уровня демографического потенциала 1989 года к 2050 год

**Таблица 1. Результаты расчетов по различным сценариям компенсации демографических потерь
за счет дополнительной иммиграции**

Сценарий	Вариант политики	Начало активной миграционной политики	Численность населения 2005 г., млн. чел.	Численность населения 2010 г., млн. чел.	Численность населения 2025 г., млн. чел.	Численность населения 2050 г., млн. чел.	Среднегодовая дополнительная иммиграция, млн. чел.	Среднегодовая дополнительная иммиграция, % от населения России	Издержки, усл. ед.
Потенциал 2050 года на уровне 1989 года (полная компенсация демографических потерь конца XX — начала XXI вв.)	Оптимальное начало	1989	156,605	161,608	179,478	210,928	1,720	0,96%	88
	Начало в 2004 г.	2004	145,285	152,110	174,514	211,167	2,259	1,27%	100
	Начало в 2010 г.	2010	143,737	142,328	169,376	211,297	2,581	1,46%	105
	Наиболее позднее начало	2031	143,737	142,328	135,952	211,496	5,208	3,09%	933
Потенциал 2050 года на уровне 2000 года (компенсация демографических потерь начала XXI в.)	Оптимальное начало	1992	148,961	151,899	164,601	190,596	1,395	0,83%	65
	Начало в 2004 г.	2004	144,612	148,251	162,691	190,678	1,751	1,04%	67
	Начало в 2010 г.	2010	143,737	142,328	159,580	190,757	2,003	1,20%	69
	Наиболее позднее начало	2035	143,737	142,328	135,952	190,849	5,083	3,23%	559
Потенциал 2050 года на уровне 75% от 1989 года	Оптимальное начало	2005	143,737	142,949	146,330	162,281	1,070	0,70%	34
	Начало в 2004 г.	2004	-	-	-	-	-	-	-
	Начало в 2010 г.	2010	143,737	142,328	146,003	162,288	1,202	0,79%	34
	Наиболее позднее начало	2041	143,737	142,328	135,952	162,311	5,048	3,56%	386
Без поправок к прогнозу Бюро цензов		-	143,737	142,328	135,952	118,233	0,000	0,00%	0,00

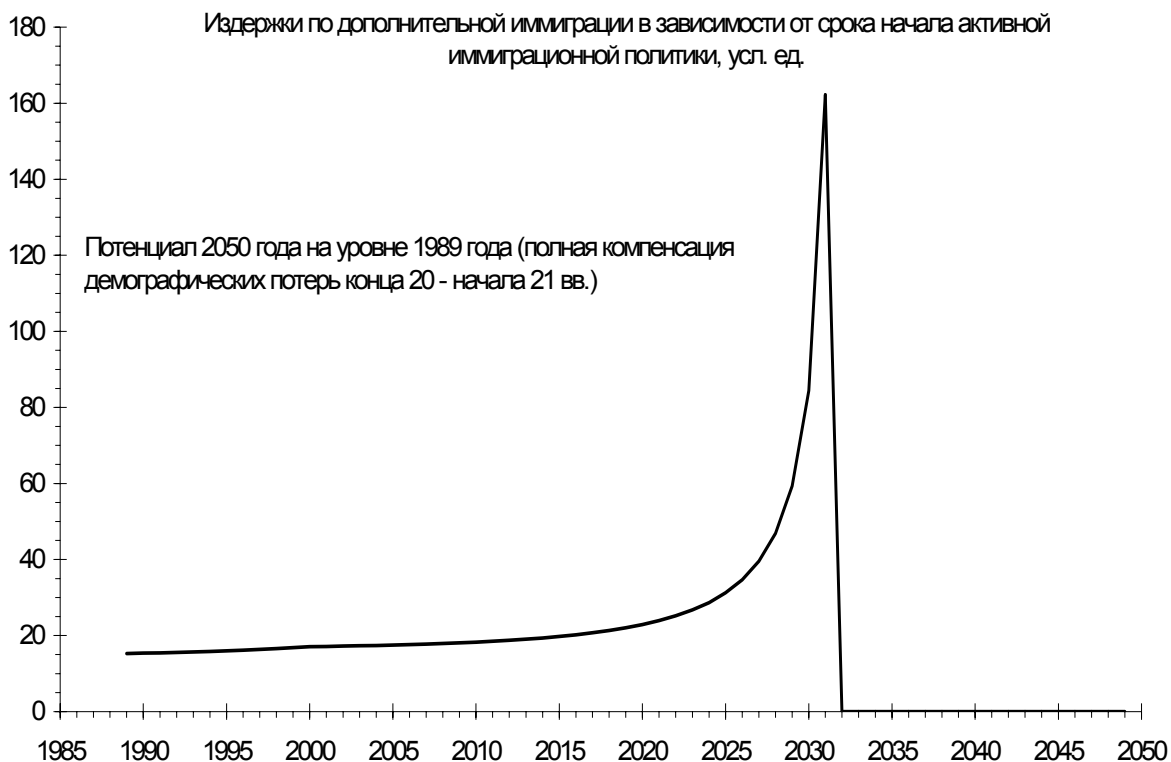

Рис. 4. Зависимость величины издержек по реализации сценария восстановления уровня демографического потенциала 1989 года к 2050 году от времени начала активной миграционной политики

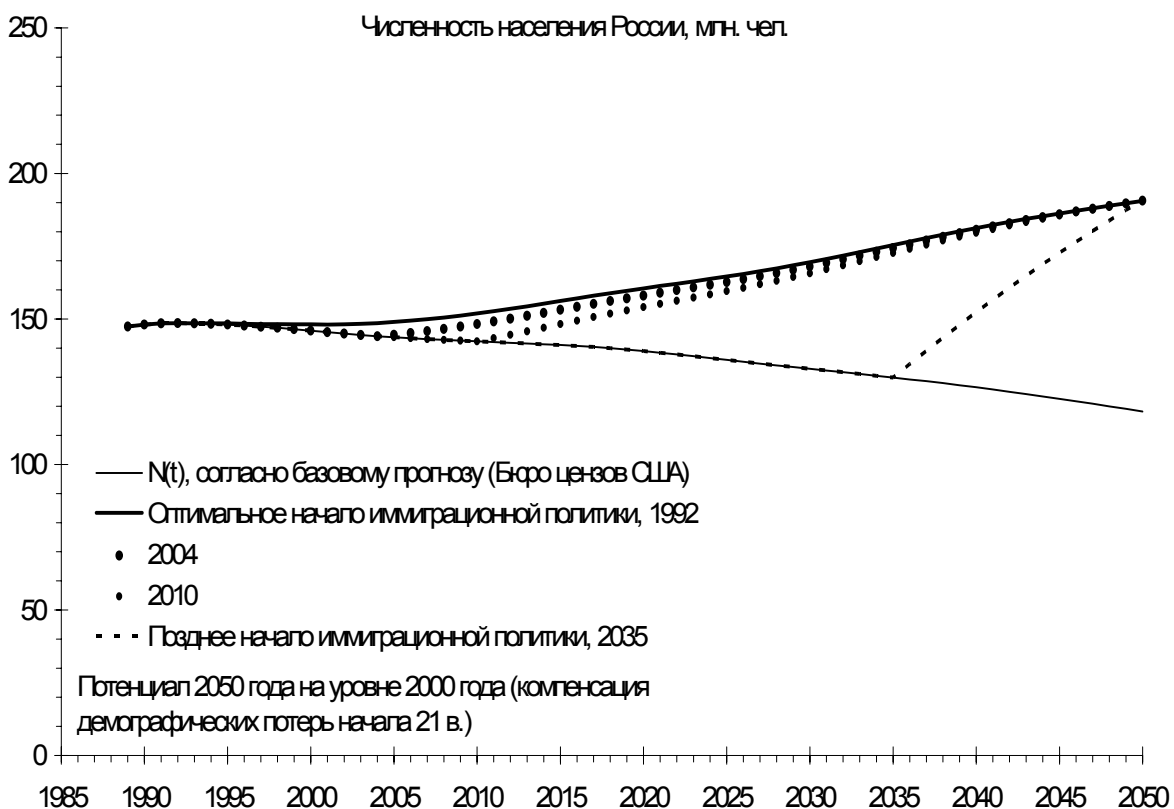

Рис. 5. Динамика численности населения России для сценария восстановления уровня демографического потенциала 2000 года к 2050 году

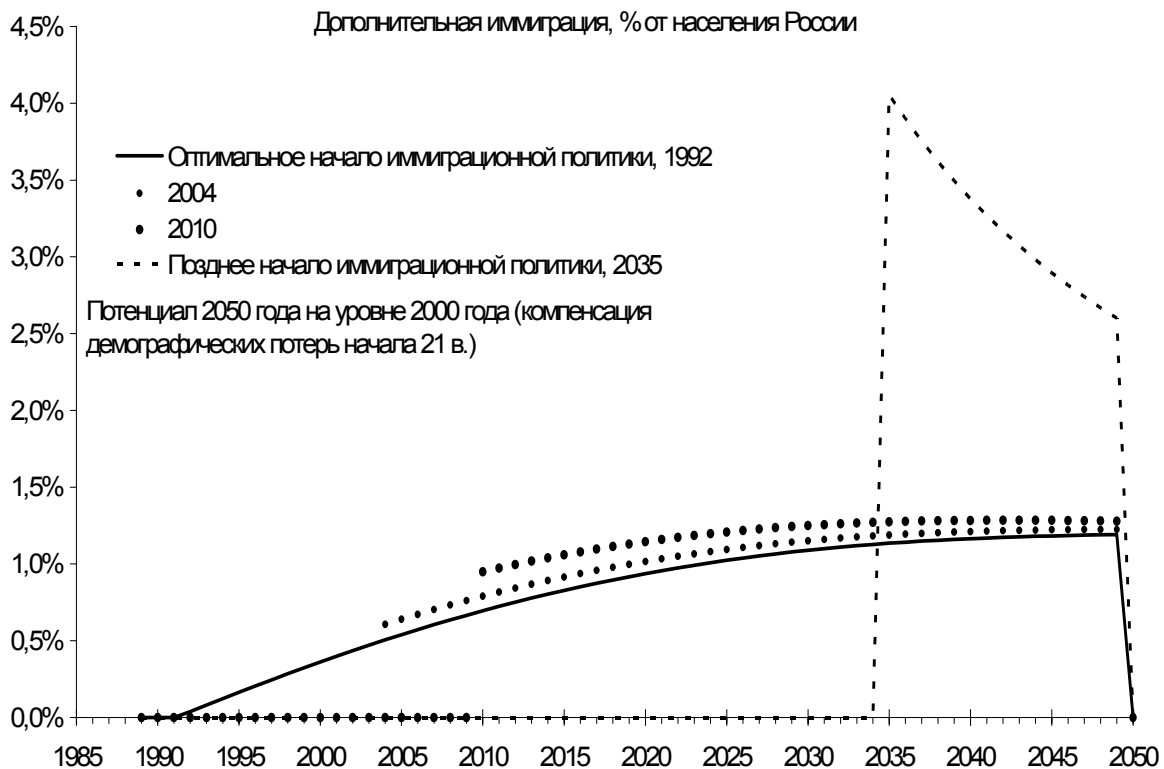

Рис. 6. Необходимый дополнительный миграционный прирост населения России для сценария восстановления уровня демографического потенциала 2000 года к 2050 году

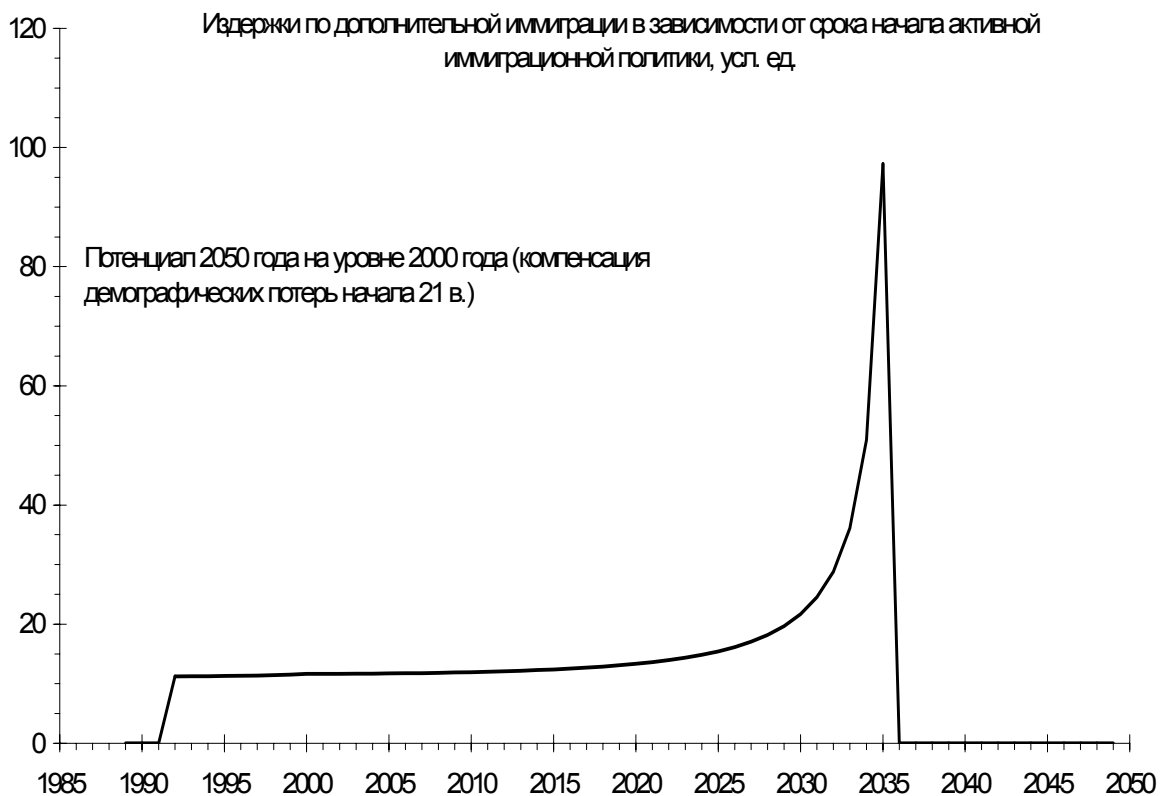

Рис. 7. Зависимость величины издержек по реализации сценария восстановления уровня демографического потенциала 2000 года к 2050 году от времени начала активной миграционной политики

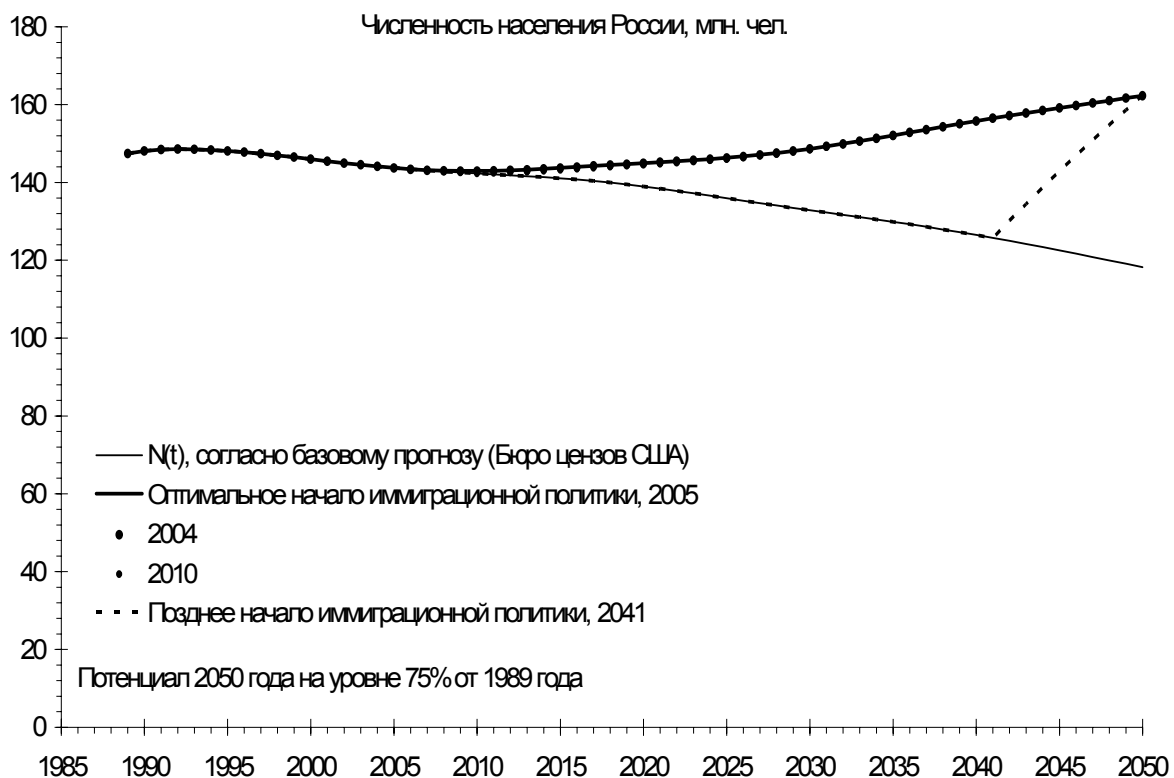

Рис. 8. Динамика численности населения России для сценария установления демографического потенциала 2050 года на уровне 75% от уровня 1989 года

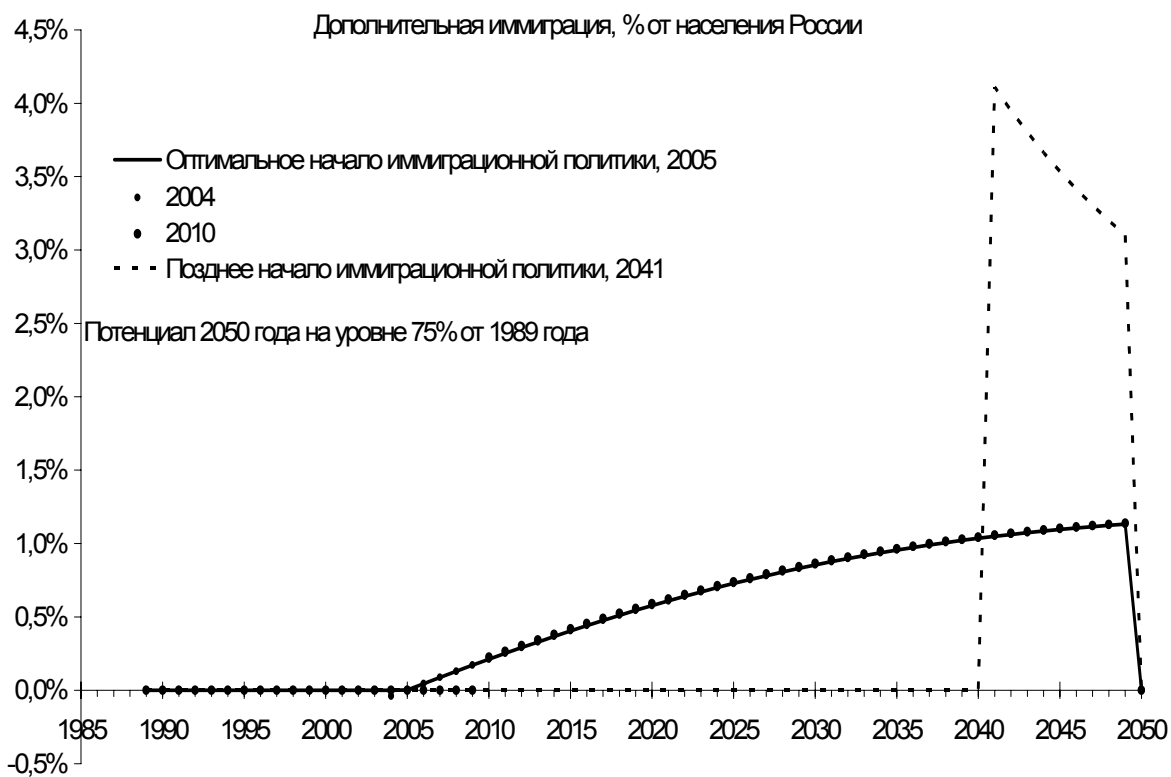

Рис. 9. Необходимый дополнительный миграционный прирост населения России для сценария установления демографического потенциала 2050 года на уровне 75% от уровня 1989 года

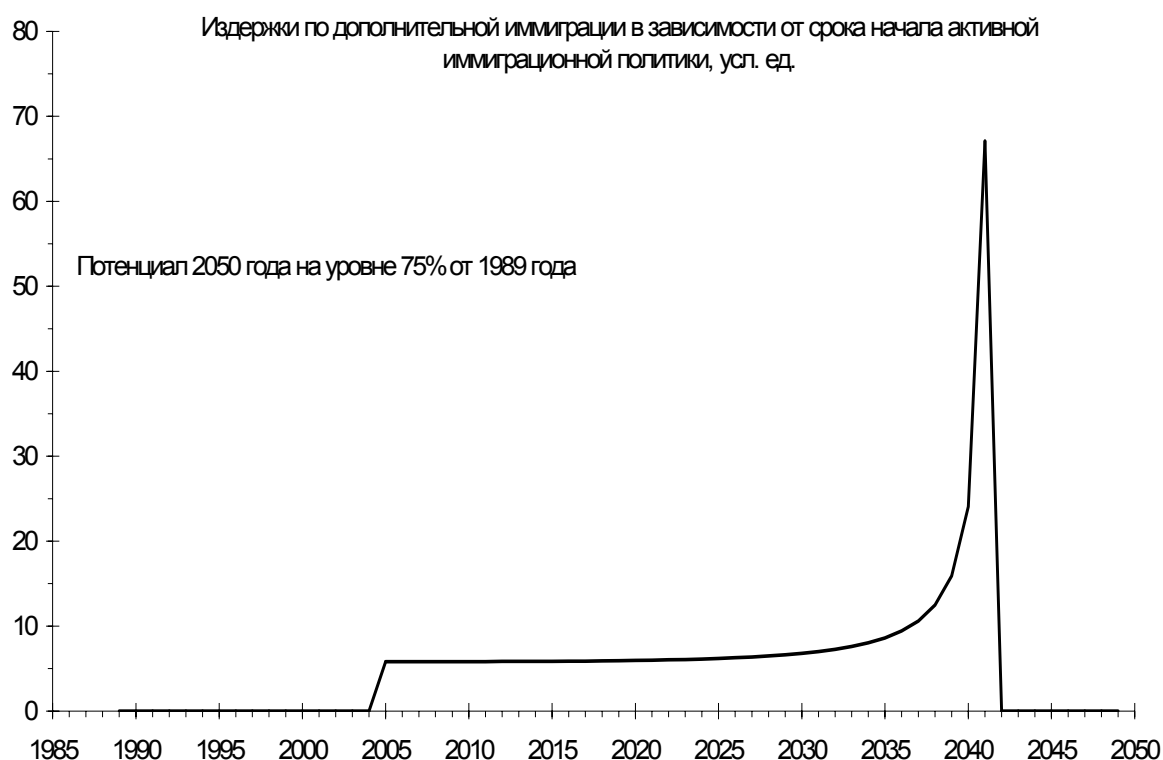

Рис. 10. Зависимость величины издержек по реализации сценария установления демографического потенциала 2050 года на уровне 75% от уровня 1989 года от времени начала активной миграционной политики

Литература

1. Бромвич М. (1996) Анализ экономической эффективности капиталовложений. М.: ИНФРА-М.
2. Эдиев Д.М. (2001) Реконструкция показателей иммиграции в США с использованием модели демографического потенциала // Электронный журнал "Исследовано в России", 140е, стр. 1619-1635, 2001 г. <http://zhurnal.apc.relarn.ru/articles/2001/140e.pdf>
3. Центр демографии и экологии человека (2001) Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, ЦДЭЧ.
4. Ediev D.M. (2001) Application of the demographic potential concept to understanding the Russian population history and prospects: 1897–2100 // Demographic Research. 2001. Vol.4, Article 9. P. 289–336. <http://www.demographic-research.org/volumes/vol4/9/4-9.pdf>.
5. United Nations (2001) World Population Prospects. The 2000 Revision. Vol. I, II. N.Y.: UN, 2001.
6. U.S. Bureau of the Census (2000) International Data Base (IDB). <http://www.census.gov/ipc/www/idbnew.html>. Data updated 5/10/2000.
7. Hirshleifer F.S. (1958) On the theory of optimal investment decision // Journal of Political Economy, 1958, 66 (4). P. 329–352.

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ В 1989–2001 гг.:

ВКЛАД В ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ

И ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

В постконфронтационный период представление о содержании безопасности существенно изменилось; на смену доминанте глобальной угрозы пришла масса потенциальных угроз меньшего масштаба, однако при этом очень серьезных, затрагивающих своими последствиями интересы многих стран. К таким угрозам в первую очередь относится демографический кризис, охвативший практически всю Восточную Европу. Без рассмотрения демографического развития под углом зрения безопасности его познание уже не может быть исчерпывающим. В структуре угроз национальной безопасности Украины роль угроз демографической и миграционной безопасности недооценивается. В Законе Украины «Об основах национальной безопасности Украины» (№ 964-IV от 19 июня 2003 г.) ни в статье 7 «Угрозы национальным интересам и национальной безопасности Украины», ни в статье 8 «Основные направления государственной политики по вопросам национальной безопасности» демографическая и миграционная сфера не выделяется. В перечне угроз национальной безопасности в военной сфере и сфере безопасности государственной границы Украины присутствует нелегальная миграция, в социальной и гуманитарной сферах — обострение демографического кризиса, в научно-технической сфере — отток ученых, специалистов, квалифицированной рабочей силы за пределы Украины. Среди направлений государственной политики по вопросам национальной безопасности упоминается лишь сохранение и укрепление демографического и трудоворесурсного потенциала, преодоление кризисных демографических процессов. Недооценка значимости миграционной безопасности в системе национальной безопасности Украины обусловлена неразработанностью теоретических и методических вопросов миграционной безопасности и отсутствием достоверных и полных данных о миграционной ситуации и тенденциях ее изменения в Украине. Непризнание миграции населения демографическим процессом не позволяет выделить в составе демографической безопасности миграционную безопасность как составляющую. Исследование взаимосвязи миграции и демографической безопасности априори обладает меньшим эвристическим потенциалом, чем исследование собственно миграционной безопасности. Материалы переписи населения Украины 2001 г. в единстве с данными текущего учета (по сравнению со старой советской программой разработки данных о миграции населения введенная в Украине с 1995 г. новая программа разработки данных содержит существенно большее количество показателей) позволяет в определенной мере компенсировать снижение точности

данных вследствие неполноты учета из-за уменьшения требований к прописке (ее замены регистрацией) и объективных неточностей переписных данных о миграции населения.

Основным источником данных о населении в Украине, как и в большинстве стран, в которых не ведется регистр населения, выступает перепись населения. Как и любой другой учет, перепись населения не может не иметь ошибок. В предыдущих переписях населения СССР после того, как результаты переписи населения 1937 г. были объявлены заниженными, а организаторы наказаны, стремления к тому, чтобы не пропустить ни одного индивида было доминирующим. Опасности переписать одного и того же индивида дважды уделялось значительно меньше внимания (Андреев, 2003, С. 8). Вероятность завышения численности населения была достаточно высокой. Многими обращается внимание на неполноту охвата населения переписью¹. Существует большая вероятность, что нехватка населения Украины, как и других постсоветских стран последними переписями является большим, чем во время существования СССР. Недаром в России, где за счет приписок при переписи населения 2002 г. завышение численности населения оценивается в 3 млн. чел. (Тульський, 2003), рекомендуется обязательность участия населения в переписи и ответственность за неучастие включить в Федеральный закон «О Всероссийской переписи населения» (Вопросы статистики, 2003, С. 7). В средствах массовой информации данная проблема заостряется: «озвучены страшные данные переписи населения: с 58 млн. нас уцелело 48. Но никто не знает, сколько настоящей неправды содержится в переписных отчетах» (Колесник, 2002). В условиях глубокого всестороннего кризиса даже на завершающих его этапах при переходе к экономическому оживлению протестный потенциал населения (следствие поляризации за доходами) не может не находить своего проявления в нежелании переписываться при проведении переписи населения². Считается, со ссылкой на всех без исключения международных экспертов, что статистика естественного движения населения (рождения и смерти) является достоверной (Либанова, 2001, С. 2, 5). Все же, на наш взгляд, достаточно большое количество умерших в Украине не регистрируется, а тем самым не попадает в статистическую отчетность; это обуславливает занижение характеристик смертности.

В советской статистике в отличие от американской статистики, в которой считается, что результаты переписи содержат ошибки в той же мере, что и данные других источников информации о населении, данные переписей населения рассматривались как наиболее точные вследствие

¹ Социологи знают сотни случаев, когда отдельные семьи интервьюеры «забыли посетить» (Вернигора, С. 23).

² К наиболее тяжелым социальным последствиям поляризации населения по доходам Н.М. Римашевская относит повышение протестного поведения, которое проявляется не только на выборах, но даже при проведении переписи (Римашевская, 2002, С. 13).

глубокой методологической проработки, проведения многочисленных организационных мероприятий, которые обеспечивали полноту охвата населения и сведения к минимуму возможных ошибок (Литвин, 1988, С. 50). Поскольку в Украине на первых этапах становления (не на пустом месте) отечественной статистики имело место незначительное ухудшение данных текущего учета населения, это утверждение сохраняет свою силу даже при определенном неохвате населения переписью. Правда, попытки недооценки значимости материалов переписей, а значит и самих переписей, имели место. В «революционных» 1920-х годах отмечалось, что переписи в их старом значении потерпели крушение. Переписи старого типа не могут больше быть основным видом статистики и они больше не нужны. Однако в порядке развития, уточнение и упорядочение многообразной системы текущей статистики, которая и является основной формой статистики на современном этапе советской действительности, отдельные переписи могут быть нужны от времени до времени в конкретной форме и на конкретных участках. Они ставят себе не многочисленные, но ярко очерчены проблемы в тех областях, в которых текущей статистике сразу проникнуть сложно или где статистические исследования проводятся впервые, или где, наконец, нужна надежная база для выборочных работ. Это воображаемое сужение целей переписи, сведение их к роли вспомогательного орудия — реальный процесс, который уже имеет место. Его необходимо осознать всем статистикам, если они не хотят больше терпеть разочарований и крушений, его необходимо зафиксировать как современное понимание переписей, как роль их в условиях советской действительности (Вестник статистики, 1929, С. 8). По сравнению с данными о рождениях и смертях данные о миграционных перемещениях с текущего учета также являются менее достоверными. Поэтому рассчитанное балансовым методом сальдо миграции населения за межпереписной период является априори более точным по сравнению с сальдо миграции с текущего учета миграции населения.

Несовпадение величины и структур сальдо миграции с текущего учета и рассчитанного балансовым методом вызвано многими причинами. Одной из них является несоответствие задекларированных целей выезда за границу (не на постоянное место проживания, а других).

Однако сомнения в достоверности результатов переписи населения 2001 г. высказываются прежде всего относительно национального состава населения и распределения населения по родному языку. Первыми вопросами, на которые до сих пор нет ответа, стали: «Куда делись русские?» и «Почему так незначительно выросло число украинцев, даже допустить, что русских насильно записывали украинцами?» (Капустин, 2003, С. 59). В этом плане сомнению подвергается сохранившийся высокий удельный вес русских в Крыму. Указывается, в частности, что во время переписи было много сигналов, когда переписчики проводили агитацию за то, чтобы люди декларировали себя русскими, чтобы род-

ной язык называли русским³; в нормальных условиях для титульной нации показатель тех, кто декларирует ее язык как родной, должен был бы достигать ста процентов (Левицкий, 2000); должное преобладание украинцев в Крыму выводится по логике вещей из того, что более 50 лет Крым номинально состоял в составе Украины (Алядинова, 2003).

Формулировка вопроса о национальности в переписи населения 2001 г. — «Ваше этническое происхождение (укажите национальность (народность) или этническую группу. Национальность (для иностранцев указать также гражданство)» — практически была идентичной с формулировкой в переписи населения 1989 г. Увеличение численности украинцев могло быть следствием наблюдавшегося отождествления многими переписываемыми национальности и гражданства.

Сомнению подвергаются и данные об этнической структуре населения в предыдущих переписях населения. В частности, указывается, что за оценками, основанными на полученных в результате многочисленных социологических обследований данных об этнической структуре репрезентативных совокупностей жителей Украины, а также сведений о динамике численности этнических групп населения Украины в пределах 1959–1989 гг. около 10% лиц, которые во время переписи населения 1989 г. назвали себя русскими, в действительности являются украинцами; еще около 0,5% русских — евреями (Позняк, С. 123). Для О.И. Шабля не было сомнений («понятно»), что численность русских в Украине в послевоенных переписях была завышенной, а украинцев — заниженной. Им предполагается, что реальная доля украинцев в населении Украины составляет около четырех пятых (Шаблей, С. 250). В основе таких оценок лежит не что иное, как выделение этнической принадлежности не по самоидентификации, а по происхождению. Отнесение человека к той или иной национальности должно решаться с позиций действительного его происхождения. Другое дело — выбор гражданства, места проживания в соответствии с принятыми ООН законами о правах человека (Штойко, С. 126). В последнее время такого рода попытки стали более частыми. Так, например, утверждается, что ощутимая доля индивидов, будучи в действительности этническими украинцами, в официальных документах относил себя (самоидентифицировала) к русским (Саенко, Ткачук, Привалов, 1997, С. 53–54).

Перепись населения Украины 2001 г. представила данные о численности и этнической структуре населения Украины. Дискуссии об их полноте и достоверности еще будут продолжаться. Однако очень высокий профессиональный уровень занимающихся вопросами населения

³ И это при том, что персональные данные, содержащие сведения о расе или этническом происхождении, в соответствии с директивой о защите данных Европейского Союза относятся к чувствительным. В отдельных странах Европейского Союза, в частности, в Бельгии, к чувствительным данным относятся данные о языке. Чувствительные данные рассматриваются во всех странах Европейского Союза как строго конфиденциальные (Григорьев, Кузнецова, 2000, С. 10–11).

специалистов Государственного комитета статистики Украины, накопленный опыт проведения переписей населения, консультирование крупных специалистов из-за рубежа, последовательная, базирующаяся на научных принципах, национальная политика Украины, отсутствие притеснений по этнической принадлежности, не дают оснований для сомнений в достоверности этих данных. Однако при всех обстоятельствах данную перепись в отличие от проведенных в других, ставших на путь демократических преобразований странах, в частности, Польши⁴, лучшей из проведенных на территории Украины назвать нельзя.

Численность населения Украины за годы межпереписного периода (1989–2001 гг.) уменьшилась за счет миграции на 448,4 тыс. чел. Положительным сальдо миграции было в АР Крым (с городом Севастополем) (75,3 тыс. чел.), Киевской области (с городом Киевом) (54,8 тыс. чел.), Полтавской области (30,8 тыс. чел.), а также в Сумской и Тернопольской областях (в этих областях небольшое за объемом). В составе областей с уменьшением населения за счет миграции на долю Львовской области приходилось 19,09%, Луганской — 11,64%, Житомирской области — 11,48%. Большими чем 5% значения данного показателя были в Днепропетровской, Закарпатской и Сумской областях.

Относительное сальдо миграции населения за годы последнего межпереписного периода в Украине было равным 0,69‰. На общем фоне очень интенсивно за счет миграции уменьшалось население Житомирской, Львовской, Закарпатской, Черновицкой и Луганской областей; в них отрицательное относительное сальдо миграции было большим двух промилле. Среди основных административно-территориальных образований с приростом населения за счет миграции достаточно большими значениями относительного сальдо миграции характеризовались Автономная Республика Крым (с городом Севастополем) (2,4‰) и Полтавская область (1,41‰). Близкими к средним по Украине были значения относительного сальдо миграции в Харьковской и Запорожской областях.

В динамике по стране в целом четко прослеживается тенденция к снижению относительного сальдо миграции. Данная тенденция по стране в целом достигалась за счет такой в регионах юга и юго-востока (Автономной Республики Крым (с городом Севастополем), Херсонской, Одесской, Запорожской, Донецкой, Днепропетровской областях). Несколько менее четко данная тенденция была выражена в динамике относительного сальдо миграции населения Николаевской, Харьковской, Киевской (с городом Киевом) областей. Обратная тенденция (к увеличению коэффициента сальдо миграции населения) наблюдалась в областях центра и севера (Сумской, Полтавской, Черниговской, Черкасской, Винницкой, Житомирской, Хмельницкой, Тернопольской, Волынской). К этой группе областей примыкали (с менее четко выраженной такой же тен-

⁴ Мнения о Национальной Всеобщей переписи населения и жилищ 2002 г. как о лучшей в истории польской статистики вполне справедливы (Волков, 2003, С. 71).

денцией) Кировоградская и Ровенская области. В карпатских областях (Закарпатской, Львовской, Ивано-Франковской, Черновицкой), а также в Луганской области в динамике относительного сальдо миграции тенденции не проявляются (табл.1).

Таблица 1. Относительное сальдо миграции населения основных административно-территориальных единиц Украины, рассчитанное балансовым методом, за годы послевоенных межпереписных периодов, %

Основные административно-территориальные единицы	1959-1969	1970-1978	1979-1988	1989-2001
Украина	1,09	0,25	0,07	-0,69
Автономная Республика Крым (с городом Севастополем).	26,04	9,87	6,04	2,40
Винницкая область	-8,28	-7,49	-5,61	-0,82
Волинская область	-5,07	-4,1	-2,59	-0,23
Днепропетровская область	8,94	3,57	2,14	-1,07
Донецкая область	1,95	0,65	0,04	-0,36
Житомирская область	-10,17	-7,9	-5,94	-3,72
Закарпатская область	-3,08	-1,9	-1,87	-2,63
Запорожская область	7,61	4,28	2,07	-0,74
Ивано-Франковская область	-1,05	-2,05	-0,87	-1,58
Киевская область (с городом Киевом)	10,05	10,48	5,08	0,95
Кировоградская область	-3,8	-4,14	-1,34	-0,12
Луганская область	-0,72	-3,81	-0,92	-2,05
Львовская область	0,54	-1,15	0,01	-3,39
Николаевская область	2,05	2,87	1,76	-0,23
Одесская область	6,27	1,31	0,82	-0,95
Полтавская область	-1,61	0,37	0,52	1,41
Ровненская область	-4,05	-2,84	-3,85	-1,31
Сумская область	-7,31	-5	-2,32	0,27
Тернопольская область	-4,29	-4,16	-2,91	0,16
Харьковская область	3,45	4,21	2,26	-0,66
Херсонская область	8,91	6,16	0,02	-1,37
Хмельницкая область	-8,67	-7,93	-3,61	-0,62
Черкасская область	-4,7	-2,06	-1,22	-0,28
Черновицкая область	-3,35	-1,42	-1,32	-2,10
Черниговская область	-6,13	-5,68	-4,36	-1,16

Доля миграции населения в общем приросте населения Украины была незначительной: в 1959–1969 гг. — 10,1%, в 1970–1978 гг. — 4,4%, в 1979–1988 гг. — 2%. Уменьшение численности населения Украины за 1989-2001 гг. (на 3211,1 тыс. чел.) произошло в основном за счет естественного уменьшения (превышение умерших над родившимися). На долю миграции в общем уменьшении населения страны приходилось только 14%. С областей с естественной и миграционной убылью населения за годы последнего межпереписного периода небольшой (меньше 10%) долей миграционного уменьшения в общем уменьшении населения характеризовались Кировоградская, Черкасская, Донецка, Николаевская, Харьковская. В Львовской области значение данного показателя было равным 96,9%, в Житомирской — 47,7%, в Херсонской области —

43,3%. В Закарпатской и Ровненской областях отрицательное сальдо миграции населения было меньшим его естественного прироста (в Ивано-Франковской и Черновицкой областях — большим). В регионах с положительным значением сальдо миграции (Автономная Республика Крым (с городом Севастополем), Киевской (с городом Киевом), Полтавской, Тернопольской и Сумской областях) оно нигде не было большим естественной убыли населения.

Определение сальдо миграции городского и сельского населения за годы межпереписного периода усложняется не только возможными неточностями численности населения поселений (их частей), преобразованных с сельских в городские и наоборот, но и тем, что за 1989 г. и 1990 г. органами государственной статистики такие расчеты не осуществлялись. В общем уменьшении городского населения Украины за годы последнего межпереписного периода (1989–2001 гг.) на долю естественного уменьшения приходилось 63%, миграционного уменьшения — 33,9%, уменьшение за счет административно-территориальных преобразований — 3,1%. Численность городского населения за счет миграции уменьшилась во всех основных административно-территориальных единицах за исключением Киевской (с городом Киевом) области, Автономной Республики Крым (с городом Севастополем), Полтавской области. Особенно интенсивно за счет миграции уменьшалось городское население Черновицкой и Львовской областей. Высокими (больше 4%) были также отрицательные значения относительного сальдо миграции населения Закарпатской, Ивано-Франковской и Житомирской областей. В сельской местности Украины сальдо миграции населения в 1989–2001 гг., наоборот, было положительным. Как и по Украине в целом положительное сальдо миграции сельского населения и отрицательное сальдо миграции городского населения наблюдалось в подавляющем большинстве областей; практически во всех из них отрицательное сальдо миграции городского населения было большим положительного сальдо миграции сельского населения. В Львовской, Житомирской, Закарпатской, Кировоградской, Ровненской, Черниговской и Николаевской областях отрицательное сальдо миграции имело место и в городской, и в сельской местности. За счет миграции выросло как городское, так и сельское население Киевской (с городом Киевом) области, Автономной Республики Крым (с городом Севастополем), Полтавской области. Наиболее интенсивно за счет миграции за годы межпереписного периода увеличивалось сельское население юго-восточных регионов (Автономной Республики Крым (с городом Севастополем), Днепропетровской, Запорожской, Харьковской, Кировоградской, Полтавской, Луганской областей). Высокие значения отрицательного относительного сальдо миграции сельского населения отмечались на севере и западе страны (Житомирская, Черниговская, Закарпатская, Ровенская области (см. табл. 2).

Таблица 2. Интенсивность миграционного и естественного движения городского и сельского населения основных административно-территориальных единиц Украины в 1989–2001 гг., ‰

Основные административно-территориальные единицы	относительное сальдо миграции		коэффициент естественного прироста	
	городского	сельского	городского	сельского
	населения		населения	
Украина	-1,6	1,0	-2,9	-7,0
Автономная Республика Крым (с Севастополем)	1,0	1,1	-1,0	-11,5
Винницкая область	0,5	4,3	-4,1	-1,7
Волинская область	0,2	3,0	-3,1	-12,7
Днепропетровская область	-0,1	0,9	-3,3	-15,1
Донецкая область	-0,2	-0,2	-2,9	-5,1
Житомирская область	-0,5	0,8	-6,9	-7,8
Закарпатская область	-0,6	0,7	3,9	-5,9
Запорожская область	-0,7	-1,7	-2,9	-16,8
Ивано-Франковская область	-1,5	1,0	3,1	-2,7
Киевская область (с Киевом)	-1,5	0,2	2,3	-10,6
Кировоградская область	-1,5	-1,1	4,4	-0,4
Луганская область	-1,8	0,7	-3,6	-5,2
Львовская область	-1,8	3,6	-5,3	-10,4
Николаевская область	-2,2	3,7	-3,7	-8,8
Одесская область	-2,2	4,4	-4,5	-9,2
Полтавская область	-2,2	1,9	-1,2	-12,4
Ровненская область	-2,3	-3,1	-3,5	-11,1
Сумская область	-2,7	2,2	-6,5	-9,9
Тернопольская область	-2,8	0,8	-2,8	-2,6
Харьковская область	-3,2	1,1	0,3	-10,6
Херсонская область	-4,1	-3,3	0,0	-9,0
Хмельницкая область	-4,1	0,2	3,4	-0,4
Черкасская область	-4,2	-1,7	2,8	3,4
Черновицкая область	-5,5	-0,4	1,6	-2,6
Черниговская область	-6,0	0,6	1,2	-0,3

Расчет сальдо миграции населения за межпереписной период 1989–2001 гг. в национальном разрезе является ориентировочным. Неточности его обусловлены большим удельным весом рожденных и умерших, у которых в 1995–2001 гг. национальность не указана. Доля тех, у кого не указана национальность рожденных и умерших, с 1995 г. характеризовалась четко выраженной тенденцией к росту (см. рис. 1). В составе рожденных в 2001 г. она была равной 85,8%, в составе умерших — 52%. Значительной была вариация данных показателей в разрезе основных административно-территориальных образований Украины.

Наши расчеты сальдо миграции украинцев и россиян базировались на гипотезе, что в 1996–2001 гг. их доли в составе тех, у кого не была указана национальность, были такими же, как и в 1995 г. Данная гипотеза обусловила то, что численность родившихся и умерших украинцев и

россиян с большой вероятностью является несколько заниженной, а численность других национальностей — завышенной. Этим самым была предпринята попытка учесть более интенсивный приток других национальностей в Украину.

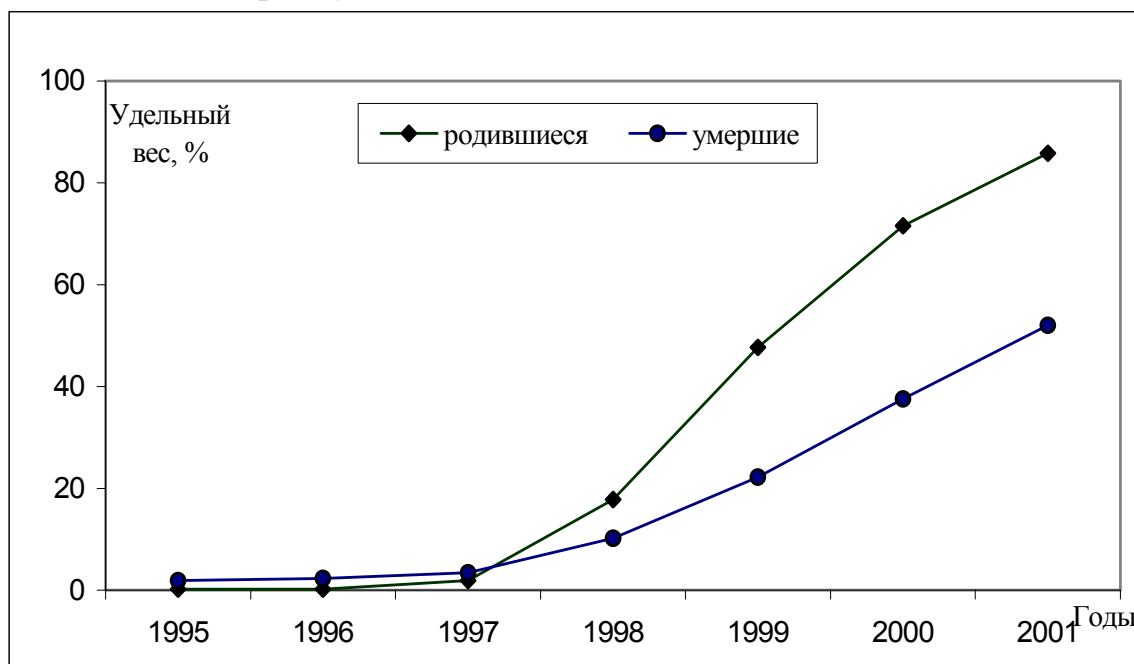

Рис.1. Удельный вес тех, в кого не указана национальность в формах отчетности, в составе родившихся и умерших в Украине в 1995–2001 гг.

Уменьшение численности населения Украины за 1989–2001 гг. (на 3211,1 тыс. чел.) произошло в основном за счет естественного уменьшения (превышение умерших над рожденными). На долю миграции в общем уменьшении населения страны приходилось только 14%. Среди областей с естественным и миграционным уменьшением населения за годы последнего межпереписного периода небольшой (меньше 10%) долей миграционного уменьшения в общем уменьшении населения характеризовались Кировоградская, Черкасская, Донецкая, Николаевская, Харьковская. В Львовской области значение данного показателя было равным 96,9%, в Житомирской — 47,7%, в Херсонской области — 43,3%. В Закарпатской и Ровенской областях отрицательное сальдо миграции населения было меньшим его естественного прироста (в Ивано-Франковской и Черновицкой областях большим). В регионах с положительным значением сальдо миграции (Автономная Республика Крым (с Севастополем), Киевской (с Киевом), Полтавской, Тернопольской и Сумской областях) оно нигде не было большим естественного уменьшения населения.

В 2001 г. по сравнению с 1989 г. численность украинцев в Украине за счет миграции и ассимиляции увеличилась на 1976,7 тыс. чел. Отрицательное сальдо миграции и ассимиляции украинцев наблюдалось только в Автономной Республике Крым (с городом Севастополем) (22,2 тыс. чел.), Закарпатской (18,6 тыс. чел.), Львовской (17,4 тыс. чел.) и

Тернопольской (7,8 тыс. чел.) областях. Незначительный (меньше 8 тыс. чел.) был прирост украинцев за счет данного фактора в Ивано-Франковской и Житомирской областях. В составе основных административно-территориальных образований с положительным сальдо миграции и ассимиляции украинцев на долю Киевской (с городом Киевом), Донецкой, Днепропетровской и Харьковской областей приходилось 52,8%. Достаточно большим положительное сальдо миграции и ассимиляции украинцев было в Одесской, Запорожской и Луганской областях. Относительное сальдо миграции и ассимиляции украинцев в целом по Украине было равным 4,1‰. Высокие его значения (больше 8‰) отмечались в Одесской, Харьковской, Донецкой и Запорожской областях. Незначительной была сила влияния миграции и ассимиляции на численность украинцев в Ивано-Франковской, Тернопольской, Житомирской и Львовской областях.

Прирост численности украинцев, который имел место в Украине, был достигнут только за счет миграции и ассимиляции; естественный прирост украинцев был отрицательным (1854,1 тыс. чел.). Коэффициент естественного прироста украинцев в 1989-2001 гг. был равным — 3,8‰. Естественный прирост украинцев был свойственен только западным областям (Закарпатской, Ровенской, Ивано-Франковской, Львовской, Волынской и Черновицкой). Очень интенсивным (коэффициент естественного прироста был меньшим — 7‰) естественным уменьшением украинцев характеризовались Черниговская, Сумская, Полтавская, Луганская и Донецкая области.

За межпереписной период численность русских за счет миграции и ассимиляции в Украине уменьшилась на 2347,9 тыс. чел. Их уменьшение имело место во всех основных административно-территориальных единицах Украины. В общем уменьшении русских за счет миграции и ассимиляции в Украине на долю Донецкой области приходилось 13%, Днепропетровской — 11%, Харьковской — 10,3%. В пределах 5-10% значение данного показателя колебалось в Киевской (с городом Киевом), Луганской, Одесской и Запорожской областях. Меньшим чем один процент был вклад по Украине в целом уменьшения русских за счет миграции и ассимиляции Тернопольской, Закарпатской, Волынской, Ровенской и Черновицкой областей.

Как в целом по Украине, так и в каждой основной административно-территориальной единице коэффициент сальдо миграции и ассимиляции русских был значительно большим абсолютной величины (модуля) соответствующего показателя украинцев. Менее интенсивным, чем в среднем по Украине (относительное сальдо — 18,3‰), уменьшение русских за счет миграции и ассимиляции наблюдалось в Автономной Республике Крым (с городом Севастополем), Донецкой и Луганской областях. Большим чем в два раза среднего значения по Украине отрицательное относительное сальдо миграции и ассимиляции русских было в западных и соседних с ними областях (Ивано-Франковской,

Львовской, Волынской, Хмельницкой, Житомирской, Тернопольской, Ровенской) (см. табл. 3).

Коэффициент естественного уменьшения русских за годы межпереписного периода 1989–2001 гг. был равным 5,3‰. Естественное уменьшение россиян происходило во всех основных административно-территориальных единицах, за исключением Закарпатской области. Особенно большим (больше 6‰) значение коэффициента естественного уменьшения было во Львовской, Сумской, Луганской, Донецкой, Черновицкой, Тернопольской и Харьковской областях. Отрицательное относительное сальдо миграции и ассимиляции русских больше их коэффициента естественного прироста в 3,49 раза. Меньшим данное превышение было только в регионах с большой численностью русских (Автономной Республике Крым (с городом Севастополем), Донецкой, Луганской и Харьковской областях.)

Сальдо миграции и ассимиляции других (не украинцев и русских) этносов за годы последнего межпереписного периода также было отрицательным (-77,2 тыс. чел.). Отрицательным сальдо миграции и ассимиляции других этносов было у подавляющего большинства основных административно-территориальных единиц. Положительное сальдо миграции и ассимиляции других этносов наблюдалось только в Автономной Республике Крым (с городом Севастополем) (199,3 тыс. чел.), Сумской (7,2 тыс. чел.), Тернопольской (4,8 тыс. чел.) и Черкасской (0,8 тыс. чел.) областях. Большими (больше 30 тыс. чел.) значениями отрицательного сальдо миграции и ассимиляции других этносов характеризовались Днепропетровская, Одесская и Житомирская области. Большие отрицательные значения данного показателя имели место в Киевской (с городом Киевом) (27,7 тыс. чел.) и Черновицкой (26,6 тыс. чел.) областях. Отрицательное относительное сальдо миграции и ассимиляции в целом по Украине было небольшим (- 2,4‰). Основной причиной небольшого отрицательного относительного сальдо миграции и ассимиляции других национальностей было вселение в Крым крымских татар. Относительное сальдо миграции и ассимиляции других национальностей в Крыму было положительным и очень большим (55,8‰). Большое положительное относительное сальдо миграции и ассимиляции других национальностей в Тернопольской и Сумской областях объясняется именно малой численностью других этносов в составе их населения. За счет миграции и ассимиляции быстрыми темпами (отрицательное относительное сальдо миграции и ассимиляции больше 20‰) уменьшалась численность других национальностей в Винницкой, Ровенской, Житомирской, Полтавской, Хмельницкой и Львовской областях. Коэффициент естественного уменьшения других национальностей был в 1,68 раза большим соответствующего коэффициента всего населения. Очень высокими значения данного превышения были в Тернопольской, Винницкой и Киевской (с городом Киевом) областях.

Таблица 3. Относительное сальдо миграции и ассимиляции и коэффициент естественного прироста основных национальностей основных административно-территориальных единиц Украины в 1989–2001 гг., %

Основные административно-территориальные единицы	все национальности		Украинцы		Русские		другие национальности	
	коэф. естественного прироста	относит. сальдо миграции и ассимиляции	коэф. естественного прироста	относит. сальдо миграции и ассимиляции	коэф. естественного прироста	относит. сальдо миграции и ассимиляции	коэф. естественного прироста	относит. сальдо миграции и ассимиляции
Украина	-4,3	-0,7	-3,8	4,1	-5,3	-18,3	-7,2	-2,4
Автономная Республика Крым (с Севастополем)	-3,3	2,4	-3,5	-2,8	-3,9	-5,1	-0,1	55,8
Винницкая область	-5,7	-0,8	-5,5	1,7	-5,8	-32,6	-17,2	-42,2
Волынская область	0,1	-0,2	0,4	1,4	-5,4	-41,1	-10,5	-16,9
Днепропетровская область	-5,3	-1,1	-5,1	6,6	-4,9	-25,4	-12,6	-19,4
Донецкая область	-7,0	-0,4	-7,0	8,4	-6,1	-11,3	-13,7	-4,9
Житомирская область	-4,1	-3,7	-3,5	0,4	-4,0	-38,5	-12,3	-26,7
Закарпатская область	3,2	-2,6	4,0	-1,4	0,8	-36,1	-0,2	-1,9
Запорожская область	-4,9	-0,7	-5,0	8,3	-3,8	-21,4	-9,8	-3,3
Ивано-Франковская область	1,2	-1,6	1,5	0,1	-4,7	-55,5	-12,6	-9,6
Киевская область (с Киевом)	-3,0	0,9	-2,1	6,4	-4,7	-29,8	-15,4	-12,0
Кировоградская область	-6,6	-0,1	-6,7	4,3	-5,5	-35,1	-4,7	-18,9
Луганская область	-7,0	-2,0	-7,0	6,5	-6,5	-12,9	-12,1	-5,6
Львовская область	-0,1	-3,4	0,7	-0,5	-9,5	-45,3	-13,6	-21,7
Николаевская область	-3,7	-0,2	-3,5	5,8	-4,0	-24,5	-4,9	-15,8
Одесская область	-4,2	-0,9	-3,4	9,1	-4,7	-21,6	-5,9	-5,9
Полтавская область	-7,2	1,4	-7,6	4,8	-3,5	-28,6	-5,7	-22,2
Ровенская область	1,8	-1,3	1,9	0,7	-5,0	-38,2	8,1	-33,1
Сумская область	-7,7	0,3	-7,8	3,4	-6,9	-26,8	-4,3	27,8
Тернопольская область	-1,9	0,2	-1,4	0,5	-6,1	-38,2	-35,5	34,2
Харьковская область	-6,4	-0,7	-6,5	8,6	-6,0	-20,7	-7,4	-7,4
Херсонская область	-2,7	-1,4	-2,3	4,3	-4,5	-26,7	-4,0	-3,4
Хмельницкая область	-4,3	-0,6	-4,1	2,1	-2,8	-38,6	-13,6	-22,1
Черкасская область	-6,5	-0,3	-6,6	2,0	-5,0	-31,3	-8,8	2,8
Черновицкая область	0,3	-2,1	0,1	2,6	-6,1	-32,3	2,7	-10,1
Черниговская область	-9,1	-1,2	-9,4	0,8	-4,7	-28,6	-10,1	-10,1

При совпадении величин сальдо миграции из текущего учета и рассчитанного балансовым методом сальдо миграции и ассимиляции легко раскладывается на собственно сальдо миграции и сальдо ассимиляции. Однако такое совпадение априори невозможно. Согласно данных текущего учета сальдо миграции населения Украины в 1989–2001 гг. было положительным. Его завышение (под завышением в данном случае

понимается отрицательное значение разницы между сальдо миграции, рассчитанного балансовым методом, и сальдо миграции из текущего учета) составляет 681,4 тыс. чел. Такого рода завышение наблюдалось во всех основных административно-территориальных единицах, за исключением Волынской и Донецкой областей. Особенно большим завышение сальдо миграции населения было в Днепропетровской, Львовской областях, Автономной Республике Крым (с городом Севастополем). Наименьшими различия между относительным сальдо миграции населения, рассчитанного балансовым методом, и относительным сальдо миграции населения из текущего учета были в Донецкой, Житомирской, Ровненской, Луганской, Харьковской и Киевской (с городом Киевом) областях. Распределение сальдо миграции и ассимиляции украинцев и русских, рассчитанного балансовым методом, на сальдо миграции и сальдо ассимиляции производилось пропорционально этнической структуре сальдо миграции из текущего учета. Естественно, такого рода расчеты являются ориентировочными. Однако общие закономерности миграции в разрезе основных этносов выявить они позволяют. Поскольку сальдо миграции в этническом разрезе в каждом из годов предыдущих межпереписных периодов не разрабатывалось, распределить рассчитанное балансовым методом сальдо миграции и ассимиляции в разрезе основных национальностей не представляется возможным. Поэтому приводимые Председателем Государственного Комитета Украины по делам национальностей и миграции Г.Г. Москалем довольно точные данные за расплывчатый срок⁵.

Отрицательное сальдо миграции украинцев (-112,6 тыс. чел.) достигалось за счет такового в большинстве основных административно-территориальных единиц. Наибольший вклад в миграционную убыль украинцев за годы межпереписного периода внесли Днепропетровская и Винницкая области. Больше (более 35 тыс. чел.) миграционные потери украинцев понесли также Ивано-Франковская и Житомирская области. В Киевской (с городом Киевом) области миграционный прирост украинцев за тринадцать лет межпереписного периода был равен 89,6 тыс. чел., в Харьковской — 54,1 тыс. чел., в Одесской области — 52,8 тыс. чел. За счет ассимиляции численность украинцев за годы межпереписного периода (1989–2001 гг.) увеличилась на 2094,3 тыс. чел. Положительное сальдо ассимиляции украинцев наблюдалось во всех основных административно-территориальных единицах, за исключением Закарпатской области и Автономной Республики Крым (с городом Севастополем). Наибольшими положительными значениями сальдо ассимиля-

⁵ Только в течение 80-х годов миграционный прирост неукраинского населения республики составил 513 тыс. чел., тогда как уменьшение численности этнических неукраинцев за счет миграции составляло 515 тыс. чел. (Москаль, 2003). Согласно наших расчетов за 1979-1988 гг. отрицательное сальдо миграции и ассимиляции украинцев составило 248,8 тыс. чел.; положительное сальдо миграции и ассимиляции других национальностей было равным 245 тыс. чел.

ции⁶ украинцев характеризовались Днепропетровская (329,2 тыс. чел.), Донецкая (296,7 тыс. чел.) и Киевская (с городом Киевом) (216 тыс. чел.) области. Высокими значения данного показателя были также в Харьковской (172,9 тыс. чел.) и Запорожской (159,3 тыс. чел.) областях. В Львовской и Тернопольской областях положительное сальдо ассимиляции украинцев было небольшим (до шести тысяч человек).

Отрицательное сальдо миграции русских за годы межпереписного периода было большим отрицательного сальдо миграции украинцев в 1,34 раза. Данное превышение достигалось прежде всего за счет такой разницы в Харьковской (-84,6 тыс. чел.), Киевской (с городом Киевом) (-79 тыс. чел.) Одесской (-42,5 тыс. чел.) и Львовской (-33,5 тыс. чел.) областях (в Харьковской области сальдо миграции русских было отрицательным, украинцев — положительным; в Киевской (с городом Киевом) и Одесской областях сальдо миграции и украинцев, и русских было положительным; во Львовской области сальдо миграции и украинцев, и русских было отрицательным). Наибольшие потери русских за счет миграции понесли Львовская (55,2 тыс. чел.), Луганская (36,1 тыс. чел.) и Харьковская (30,5 тыс. чел.) области. Большими (в пределах 10–13 тыс. чел.) значения отрицательного сальдо миграции русских были также в Донецкой, Херсонской областях, Автономной Республике Крым (с городом Севастополем). Наоборот, сравнительно большое (9–11 тыс. чел.) положительное сальдо миграции русских наблюдалось в Киевской (с городом Киевом), Одесской, Закарпатской, Ивано-Франковской областях. Несравненно большими были потери русских вследствие ассимиляции чем вследствие миграции (в целом по Украине — в 14,54 раза). Сальдо ассимиляции русских в каждой основной административно-территориальной единице было отрицательным. Наибольшие его значения имели место в Донецкой (-292,7 тыс. чел.), Днепропетровской (-250,5 тыс. чел.), Киевской (с городом Киевом) (-233,7 тыс. чел.) и Харьковской (-211,2 тыс. чел.) областях. Большими (более 150 тыс. чел.) отрицательными значениями сальдо ассимиляции русских характеризовались Одесская, Луганская и Запорожская области.

Относительное сальдо миграции украинцев в Украине за годы межпереписного периода (1989–2001 гг.) было равным -0,23%. Наиболее интенсивно за счет миграции уменьшалась численность украинцев у Винницкой, Ивано-Франковской, Днепропетровской и Житомирской областях. Низкими (в пределах -0,15% -0,17%) значения относительного сальдо миграции украинцев были в Донецкой, Волынской, Кировоградской и Тернопольской областях. Наиболее высокими темпами за счет миграции увеличивалась численность украинцев в Одесской, Харьковской, Киевской (с городом Киевом) областях. Коэффициент сальдо

⁶ Ассимиляция является абсолютно естественным этнотрансформационным процессом; отрицательно к ней необходимо относиться только тогда, когда она происходит под принуждением (Перепелкин, С. 118-119).

ассимиляции украинцев в Украине был положительным и намного большим коэффициента сальдо миграции украинцев. На увеличение численности украинцев ассимиляция наиболее интенсивно сказалась в Запорожской и Днепропетровской областях: в этих областях относительное сальдо ассимиляции было большим его среднего значения по стране соответственно в 2,13 раза и в 2,11 раза. Высокими (более чем в 1,5 раза) значения данного превышения были также в Донецкой, Луганской и Харьковской областях (см. табл. 4).

Таблица 4. Относительное сальдо миграции и ассимиляции украинцев и русских за годы межпереписного периода (1989–2001 гг.), %

Основные административно-территориальные единицы	Украинцы		Русские	
	относительное сальдо			
	миграции	ассимиляции	миграции	ассимиляции
Украина	-0,23	4,30	-1,18	-17,19
Запорожская область	-0,90	9,17	-0,81	-20,63
Днепропетровская область	-2,42	9,05	-0,80	-24,65
Донецкая область	0,05	8,40	-0,47	-10,82
Луганская область	-1,23	7,77	-2,45	-10,50
Харьковская область	2,06	6,58	-2,61	-18,09
Одесская область	2,73	6,33	1,28	-22,91
Николаевская область	-0,25	6,09	-0,40	-24,06
Херсонская область	-0,86	5,14	-3,97	-22,78
Винницкая область	-3,04	4,76	-7,53	-25,12
Киевская область (с Киевом)	1,87	4,50	1,42	-31,23
Кировоградская область	-0,15	4,47	-0,27	-34,81
Хмельницкая область	-1,52	3,60	3,65	-42,28
Полтавская область	1,29	3,50	2,66	-31,29
Сумская область	0,26	3,10	0,29	-27,11
Ивано-Франковская область	-2,49	2,61	17,11	-72,61
Житомирская область	-2,16	2,60	-6,97	-31,55
Черкасская область	-0,29	2,24	-0,63	-30,66
Ровенская область	-0,91	1,61	-7,04	-31,14
Черновицкая область	1,00	1,55	-5,11	-27,21
Волынская область	-0,13	1,50	-2,37	-38,69
Черниговская область	-0,38	1,16	0,36	-28,96
Тернопольская область	0,17	0,36	-0,82	-37,37
Львовская область	-0,67	0,13	-29,52	-15,81
Автономная Республика Крым (с Севастополем)	-0,36	-2,49	-0,63	-4,46
Закарпатская область	1,25	-2,69	18,20	-54,30

Изменение численности русских как за счет миграции, так и за счет ассимиляции было существенно более интенсивным чем изменение численности украинцев. Относительное сальдо миграции русских за годы анализируемого межпереписного периода было равным — -1,18%, относительное сальдо ассимиляции — -17,19%. Наиболее интенсивно за счет миграции уменьшалась численность русских у Львовской области (относительное сальдо -29,52%). В следовавших за ней в ранжирован-

ном ряду Винницкой, Ровненской и Житомирской областях отрицательное относительное сальдо миграции русских было значимо меньшим (соответственно $-7,53\%$, $-7,04\%$, $-6,97\%$). Очень большим отрицательное сальдо ассимиляции русских было в областях запада и центра Украины. В Автономной Республике Крым (с городом Севастополем), Луганской и Донецкой областях значения отрицательного коэффициента сальдо ассимиляции русских было относительно меньшим.

Достоверные данные о миграции населения позволяют объективно судить об угрозах национальной безопасности, вызванных данным процессом. Угрозу национальной безопасности Украины несет в себе уменьшение численности населения как за счет естественной убыли, так и за счет миграционного оттока. Имевшие место за годы последнего межпереписного периода изменения этнической структуры населения Украины само по себе никаких реальных угроз национальной безопасности не несет; потенциальные угрозы могут быть сравнительно легко нейтрализованы. В то же время расширение Европейского Союза и связанное с ним постепенное превращение Украины в “накопитель” нелегальных мигрантов из стран Азии и Африки, ориентированных ранее на переселение в страны Западной и Центральной Европы, на фоне интенсивного оттока населения Украины на временную работу и постоянное место жительства за рубеж, будет способствовать увеличению конфликтного этнического потенциала.

Литература

1. Андреев Е.М. (2003) Замечания о точности результатов советских переписей населения // Вопросы статистики. — 2003. — № 1. — С. 8–12.
2. Вернигора Н. (2003) Портрет в цифрах // Корреспондент. — 2003. — № 2, 21 января. — С. 22–23.
3. Тульский М. (2003) Виртуальные россияне. Перепись 2002 г. стала грандиозной липой // Независимое обозрение. — 2003. — 5 июня.
4. Информация о проведении Всероссийской переписи населения 2002 года // Вопросы статистики. — 2003. — № 1. — С. 3–8.
5. Колесник С. (2002) Прикордонні села // Сільські вісті. — 2002. — 25 липня.
6. Римашевская Н. (2002) Экономическая стратификация населения России // Общество и экономика. — 2002. — № 12. — С. 6–14.
7. Лібанова Е. (2001) Всеукраїнський перепис населення: проблеми проведення та використання даних // Нова політика. — 2001. — № 6. — С. 2–5.
8. Литвин Ю. (1988) Вопросы точности переписей населения США // Вестник статистики. — 1988. — № 3. — С. 50–56.
9. Переписи в современных условиях // Вестник статистики. — 1929. — № 3–4. — С. 5–8.
10. Капустин А. (2003) Украина 2003. Что год пришедший ей готовит? // Российская Федерация сегодня. — 2003. — № 2. — С. 58–59.

11. Григорьев В.В., Кузнецова Е.В. (2000) Обеспечение конфиденциальности статистических данных в странах Европейского Сообщества // Вопросы статистики. — 2000. — № 12. — С. 8–14.
12. Левицький М. (2002) В Україні збільшується українська присутність. Міркування з приводу українського перепису населення // Кримська світлиця. — 2002. — 10 січня.
13. Алядинова Л. (2003) Рост численности татар в Крыму наиболее высок. Об этом говорят данные переписи // Голос Крыма. — 2003. — 17 января.
14. Позняк О., Лібанова Е. (2000) Прогноз етнічного складу населення України на період до 2016 року // Розбудова держави. — 2000. — № 1–6. — С. 122–127.
15. Шаблій О. (2000) Дослідження Володимиром Кубійовичем етнічної структури населення України та її регіонів // Демографічні дослідження. — К.: Ін-т економіки НАН України, 2000. — Вип. 22. — С. 247–258.
16. Штойко П. (1997) Степан Рудницький. 1877–1937. Життєписно-бібліографічний нарис. Львів: Наукове товариство імені Шевченка у Львові.
17. Саєнко Ю., Ткачук А., Привалов Ю. (1997) Місцеве самоврядування в Україні: проблеми і прогнози. К.: Ін-т соціології НАН України.
18. Волков А.Г. (2003) Хрестоматія по історії польських переписей населення // Вопросы статистики. — 2003. — № 2. — С. 66–71.
19. Москаль Г. (2003) Міграційні процеси — справа тонка // Голос України. — 2003. — 16 вересня.
20. Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г. (2003) Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика // Общественные науки и современность. — 2003. — № 3. — С. 107–121.

ИНОСТРАННЫЕ МИГРАНТЫ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

Распад СССР, трансформация стран с плановой экономикой в страны с рыночной системой хозяйствования, а также демократические перемены, произошедшие в России в последнее десятилетие, и, в частности, переход к политике открытого общества, превратили Россию из закрытой страны с традиционно низким уровнем миграционного оборота в активного участника международного миграционного обмена.

В результате на территории России и в том числе Сибири обозначились новые доминанты в формировании населения, к которым относятся беженцы, вынужденная миграция, миграция иностранной рабочей силы, в том числе титульного населения из государств Средней Азии (бывших республик Советского Союза) и стран Юго-Восточной Азии (Китая, Вьетнама, Кореи), требующие совершенно новых подходов в создании законодательной базы и институциональных ограничений.

В условиях демографического кризиса, охватившего Россию и в том числе регионы Сибири, роль миграции в формировании населения усиливается. Дело в том, что миграция с начала 90-ых годов выполняет очень важную демографическую функцию в части стабилизации численности населения во всей России, и является единственным из процессов формирования населения, который значимо сдерживает убыль населения в результате сложившегося в последние годы отрицательного естественного прироста¹.

Как показывают демографические прогнозы, дефицит трудовых ресурсов в России в ближайшем будущем явится главным лимитирующим фактором развития регионов страны. Какое-либо повышение уровня рождаемости, судя по мировому опыту, в ближайшем будущем в России, и в частности в Сибири, маловероятно. А вот использование иммиграции для увеличения трудовых ресурсов региона вполне возможно. В такой ситуации придется прибегать к привлечению рабочей силы из других стран, а это значит, что России предстоит превратиться в страну иммигрантов, в общество с принципиально иной этносоциальной структурой и этнокультурной средой.

К настоящему времени уже сформировались определенная практика проникновения и расселения иммигрантов, а также практика экономической интеграции субъектов различных видов миграции. Это приводит, с одной стороны, к формированию новых элементов этнокультурной структуры, созданию определенных ниш занятости на российском рынке труда, а с другой, — стало причиной возникновения со-

¹ Только за счет внешней миграции за 1992–2000 гг. общая убыль населения России, составляющая около 2%, по оценкам демографов сократилась приблизительно в 2 раза по сравнению с вариантом нулевого сальдо внешней миграции.

вершенно новых для Сибири и для России в целом проблем и в том числе проблем этнокультурной безопасности².

И главный вопрос должен заключаться в том, как организовать такое сосуществование этнических групп на одной территории, чтобы культурный обмен не препятствовал этносоциальному воспроизводству и не порождал болезненных социальных явлений. Этот вопрос особо актуален при рассмотрении международной миграции.

Международная миграция из ближнего и дальнего зарубежья

В последнее десятилетие наблюдается поток мигрантов из Китая, Кореи и Вьетнама, а кроме того потоки титульного населения независимых государств Средней Азии (Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Казахстана), законным и незаконным способом расселяющиеся на временное и постоянное проживание в Сибири и на Дальнем Востоке. При этом если с 1996 г. число вынужденных переселенцев значительно сокращается, то иммиграция из стран Юго-Восточной Азии находится на стабильно высоком уровне, кроме того, растет иммиграция титульного населения из бывших республик Средней Азии.

Иностранцы по ряду своих качеств представляют для работодателей более привлекательную рабочую силу, чем местное население. Они более активны в поисках рабочих мест, конкурентоспособны на рынке труда, часто согласны на любую работу, на пониженную оплату труда и более спокойно воспринимают нарушения законодательства о труде, идя на нелегальное трудоустройство, выгодное частным предпринимателям. Отсутствие соответствующих мер по укреплению восточных границ, принятия правовых актов трудоустройства иностранной рабочей силы формирует условия, которые способствуют проникновению и в дальнейшем закреплению их на российской территории, постепенному вытеснению коренного и русского населения Сибири из традиционно занимаемых ими ниш на рынке труда. Фактически идет процесс экономической экспансии, неизбежным следствием которой является вывоз капитала, инфляция и рост стоимости жизни.

Среди всех иностранных мигрантов по данным официальной статистики преобладают мигранты из Китая. С 1990-х гг. численность китайцев на территории России увеличилась почти в 20 раз (Миграция и безопасность в России, 2000). Этот рост существенно выше, чем в любой другой стране мира, так, например, в США за 1971–1990 гг. численность китайцев увеличилась в 8 раз.

И в будущем нет оснований для сокращения этого потока, поскольку факторы, способствующие вытеснению населения с территории Китая многочисленны. Это огромное демографическое давление в КНР, избыточность рынка труда, безработица, демографический и соци-

² Под «безопасностью» в современной научной литературе понимается состояние устойчивого функционирования и воспроизводства социального объекта (субъекта), поддерживаемое с помощью институциональной среды.

ально-экономический дисбаланс между Китаем и Россией, существенные ограничения демографической политики по отношению к рождению детей второй и третьей очередности, близость границы России и относительная свобода ее пересечения и др. Авторы многих работ, анализирующие процессы внутреннего развития Китая, отмечают, что китайское миграционное давление будет со временем возрастать вне зависимости от сценария социально-экономического развития самого Китая (Миграция и безопасность в России, 2000).

Как показывают исследования китайских иммигрантов, проводимые в дальневосточных и сибирских регионах, китайская иммиграция состоит в основном из частных предпринимателей, действующих самостоятельно на свой страх и риск (Дацышен, 2002; Дятлов, 2002). Основная часть из них (свыше 60%) занята общей коммерческой деятельностью и торговлей, около 30% составляют занятые в строительстве и 5-10% — в сельском хозяйстве. Некоторые из них достигли значительных успехов, превратились в долларовых миллионеров, однако далеко не все из них собираются остаться в России надолго или навсегда. Территория Сибири в силу своих природно-климатических условий не представляет для китайских мигрантов интереса как место постоянного поселения. Наиболее предпочтительны для их долговременного поселения районы Дальнего Востока.

Отмечая, что в 1990-х гг. Россию посетило значительное число китайцев, следует подчеркнуть, что китайские мигранты не внесли каких-либо значительных коррективов в общую демографическую ситуацию в Сибири. Единичные случаи принятия китайцами российского гражданства не являются следствием желания китайцев, которые и в этом случае не отказываются от паспорта КНР, осесть в России навсегда. Эти мигранты обычно отправляют детей к родственникам в Китай и не скрывают, что Сибирь их интересует лишь как место, где можно заработать деньги. Создавая рабочие места в России, они вносят свой вклад в развитие российской экономики.

Важной проблемой в международной миграции является незаконная миграция. Из-за ослабления контроля возросло число иностранцев, въезжающих в страну с нарушением установленных правил или пытающихся использовать нашу территорию для выезда в третьи страны. Большой импульс увеличению потока нелегальных мигрантов дает бурное развитие мелкого частного предпринимательства в России. Это касается таких отраслей как строительство и ремонт, сельское хозяйство и сфера услуг. Неконтролируемый поток мигрантов постоянно увеличивается и негативно влияет на состояние криминогенной обстановки, наносит ущерб национальным интересам России и ее безопасности, осложняет социально-экономическую обстановку и вызывает негативную реакцию со стороны коренного населения, способствует возникновению межэтнических конфликтов. Большое число мигрантов из-за рубежа оказывается в теневой сфере занятости, в результате растут потери для бюджета из-за уклонения от платы за использование иностранной рабочей силы и невыплаты налогов и отчислений в социальные фонды. Ежегодно из-за укло-

нения от уплаты налогов иностранные граждане приносят убытки государственной казне в размере до \$1 млрд. (Красинец, 2002). Кроме того, нелегальная миграция, создавая неконтролируемый рынок товаров и услуг, стимулирует развитие в нем теневых сегментов и тормозит создание в России эффективного цивилизованного рынка труда.

Одним из важнейших последствий незаконной миграции является терроризм с катастрофическими проявлениями, которые он несет с собой во всем мире. Экономическая и территориальная экспансия в будущем может привести к серьезным последствиям и в плане урегулирования государственных границ.

Общеизвестно, что в последние годы страны Центральной Азии превратились в одну из наиболее активных транзитных зон для нелегальных мигрантов, следующих из Афганистана, Пакистана, Шри-Ланки и некоторых других государств в Россию и далее в Западную Европу. Причина тому — значительное ослабление после распада СССР охраны внешних границ государств Центральной Азии, граничащая на ряде участков с открытостью границы вообще, а также удобное географическое положение региона, являющегося соединительным мостом с Западом.

Действительных объемов нелегальной трудовой миграции никто до сегодняшнего дня не знает, а оценки ее в разных источниках разнятся между собой в десятки раз. По данным главы Федеральной миграционной службы (ФМС) генерал-полковника Черненко А. из одного миллиона въехавших в Россию иностранцев обратно из России выезжает лишь 700 тысяч, а остальные теряются на ее бескрайних просторах.

Нелегальная составляющая в этом процессе в принципе неизбежна, но ее существующие параметры создают для принимающего общества, властей, да и для самих мигрантов, массу тяжелейших проблем. Массовое нарушение законодательства подрывает основы государственности, в гигантских масштабах и на всех уровнях коррумпируется государственный аппарат, наносятся огромные материальные убытки федеральному и местным бюджетам. Огромное количество людей лишено реальной возможности государственной защиты, что неизбежно толкает их под покровительство местного и импортированного криминала.

Уже оформился блок экономических и социально-экономических проблем иммиграции: утечка капиталов, демпинг на рынках труда, услуг и потребительских товаров, угнетающее воздействие на развитие легкой промышленности региона, массовые экономические правонарушения (уход от уплаты налогов, контрабанда, система подставных лиц и фирм-однодневок для жульнических бартерных схем во внешнеторговых операциях, незаконные финансовые операции и т. д.).

К числу важнейших проблем, вытекающих из области нелегальной трудовой миграции, относится социальная защищенность иммигрантов. Фактически все они находятся в крайне бесправном положении. Поэтому так часто мы слышим о произволе в отношении них как со стороны работодателей, так и правоохранительных органов.

В настоящее время никем не управляемые и не контролируемые миграционные потоки, несомненно, усиливают стихийность рынков труда, жилья и потребительских товаров. В условиях неполной информации представители административных структур и власти вынуждены принимать управленческие решения, не имея исчерпывающей информации о проблеме, что предопределяет возможность выбора неадекватной стратегии и тактики. По мере роста миграционного потока цена ошибок будет возрастать. Отсутствие достоверной информации провоцирует манипулирование заменяющими ее оценками в ведомственных, региональных, узко групповых и просто личных интересах.

Серьезной угрозой для общественной стабильности и правопорядка может стать слабая социокультурная интегрированность мигрантов в принимающее общество, их отчужденность и замкнутость. Мощным конфликтогенным фактором является криминальная репутация многих эмигрантских сообществ — и вне зависимости от того, насколько такая репутация оправдана, это также становится проблемой.

Большие надежды на сокращение незаконной миграции и урегулирование процесса международного миграционного обмена возлагаются на вступивший в действие с 1 ноября 2002 г. новый Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Этот закон определяет все правовые вопросы въезда и пребывания на территории России: порядок оформления приглашения на въезд, регистрацию и учет мигрантов, контроль за пребыванием и проживанием на территории въезда, прописывает ответственность за нарушение закона. Параллельно с указанным законом разработаны несколько правовых положений: «О миграционной карте», «О миграционной квоте», «О трудовой миграционной пошлине» и другие. Таким образом, создается реальный механизм по пресечению нелегальной миграции и по административному выдворению граждан иных государств в случае нарушения предписанных положений въезда и пребывания на территории России.

Проблемы адаптации мигрантов в условиях российского рынка труда (на примере Сибирского Федерального округа)³

На изучение этих проблем ориентирован проект Сибирского отделения РАН «Миграции и этнокультурная ситуация в восточных регионах России в контексте этнополитической стабильности в Евразии», выполняемый в отделе социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Целью проекта является комплексная экспертиза этно-социальной и социально-экономической ситуаций в восточной части России с точки зрения устойчивого развития Сибирского федерального округа в его взаимоотношениях с пограничными государствами Юго-Восточной и Средней Азии: мониторинг миграционных взаимодействий, изучение иностранной рабочей силы на сибирском рынке труда.

³ Материал для раздела подготовлен совместно с Чудаевой О.В.

Основным направлением исследования в 2002 г. в соответствии с представленным проектом стало изучение иммиграции иностранной рабочей силы и особенностей ее занятости на сибирском рынке труда. В частности, рассматривались следующие аспекты исследования:

- описание иностранного мигранта как субъекта сибирского рынка труда: характеристика качества рабочей силы (уровень общего образования, профессиональная подготовка, изменение профессионального статуса на российском рынке труда, ориентации в сфере труда);
- изучение проблем занятости и поведения иностранных работников на рынке труда: притязания, информированность о своих трудовых правах, готовность отстаивать права перед работодателем, ориентация на квалификационный рост и т. д.;
- положение иностранной рабочей силы на локальных рынках труда: сфера занятости, дополнительная занятость, занятость в формальном и неформальном секторах экономики, уровень оплаты труда, условия труда;
- изучение проблем адаптации мигрантов в социо-культурном и экономическом пространстве Сибири: причины приезда, удовлетворенность их своими достижениями в результате миграции, оценка достижений и потерь во всех сферах жизнедеятельности, оценка психологического состояния, отношения с местным населением, толерантность и т. д.
- анализ демографических и социально-экономических последствий миграции в регионах, формирование информационного и программного обеспечения исследования.

В основе исследования лежали следующие гипотезы. Иностранная трудовая миграция стала достаточно распространенным социально-экономическим явлением в регионах Сибири. На направления иммиграции внутри России прежде всего влияют факторы связанные с условиями на региональных рынках труда. Средняя заработная плата и уровень безработицы оказывают существенное влияние на приток мигрантов в регионы России из-за рубежа. Миграционные потоки чувствительны также к показателям, характеризующим в целом экономическое развитие регионов России. Разнообразные виды трудовой миграции стали не только средством адаптации экономически активного населения к новым социально-экономическим условиям, но и средством повышения благосостояния и доходов мигрантов и россиян.

Важной составной частью исследования явилась разработка индикаторов и соответствующих им показателей, операционализируемых в инструментарии исследования, состоящего из интервью трудового мигранта, интервью работодателя и интервью экспертов административных служб принимающих мигрантов территорий, в частности: руководителей и ответственных работников местной администрации, специалистов территориальных органов Федеральной миграционной службы России, Министерства внутренних дел России, Минтруда России, Федеральной пограничной службы России, расположенных на территории областей (города, района).

Пилотажное обследование иммигрантов было проведено в гг. Новосибирске и Карасуке, Томске, Омске, Барнауле и Алейске летом и осенью 2002 г. Обследование затронуло различные виды иммигрантов: челноков, мелких торговцев и предпринимателей, строителей и ремонтных рабочих, сельскохозяйственных работников и работников сферы обслуживания. По национальному составу подбирались как представители ближнего зарубежья (узбеки, таджики, киргизы, казахи, корейцы, уйгуры), так и иммигранты из Юго-Восточной Азии (китайцы, корейцы, вьетнамцы).

Проведенные интервью с иммигрантами, работа с данными статистической отчетности, а также с экспертами и с фокус-группами представителей рассматриваемых административных служб позволяют сделать нам следующие предварительные выводы.

Потоки иммигрантов из ближнего и дальнего зарубежья существенно различаются не только по своим качественным характеристикам, но и по способам адаптации на российском рынке труда.

Среднеазиатские трудовые мигранты молоды — средний возраст опрошенных — 26–27 лет, по преимуществу мужчины. Наиболее контактными в ходе интервьюирования оказались мигранты в возрасте от 18 до 30 лет. Мигранты в возрасте от 31 до 40 лет по возможности давали уклончивые ответы («у вас все хорошо», «мне здесь все нравится»). Респонденты старше сорока лет предпочитали роль «агента влияния», подсказывая младшим землякам оптимальную версию ответа. В сибирские города мигранты в основном приехали из крупных городов Средней Азии, имеющих, как правило, высокий уровень безработицы. Доля сельского титульного населения в общей численности иммигрантов из государств Средней Азии низка, т. к. в сельской местности им, видимо, проще прокормиться на земле, кроме того, у них ниже уровень мобильности и нет таких возможностей, как у городского населения. Люди среднего возраста хорошо владеют русским языком, в особенности мужчины, так как они, включая выходцев из сельской местности, проходили службу в Советской Армии на территории России. Обращает на себя внимание тот факт, что в семьях даже из сельской местности вторым языком общения часто является русский.

Молодежь (20–25 лет) из государств Средней Азии, т.е. те, кто прошел обучение в школах после распада СССР, (когда государственным языком стал язык титульной нации) хуже владеет русским языком. Наибольшие же проблемы с русским языком испытывают, как и следовало ожидать, представители дальнего зарубежья: китайцы, вьетнамцы и корейцы, вплоть до полной невозможности объясниться, что очень сильно затрудняет работу с этими группами мигрантов. Следует также отметить их закрытость, недоверчивость и нежелание идти на контакт, в отличие от граждан государств Средней Азии. Последние же в большинстве делают это охотно, на вопросы отвечают с юмором, несмотря на свою нелегкую жизнь и у себя на Родине, и в России, вообще они настроены доброжела-

тельно, хотя многим из них пришлось испытать неприятные моменты в общении с правоохранительными органами, да и с местным населением.

Наибольший размер семьи у таджиков и узбеков, у других национальностей преобладают семьи с двумя детьми. Бросается в глаза изменение репродуктивных установок, на вопрос о наилучшем числе детей в их семье большинство называет цифры 2–3. Только единицы из всех опрошенных сказали: «чем больше, тем лучше» и «сколько Аллах даст». В этом смысле показателен эпизод, когда при опросе молодого (22 года) неженатого таджика, возник своеобразный «торг» со стоящей рядом его тетей, женщиной пожилой и авторитетной, которая настаивала на 10 детях, а он говорил о 3-х. Изменение этносоциальных моделей репродуктивных установок характеризует адаптивность мигрантов в новых условиях.

Мигранты часто приезжают со своими родственниками трудоспособного возраста, особенно это характерно для челноков и торговцев, среди которых очень распространен семейный бизнес. Обращает на себя внимание довольно высокий образовательный уровень мигрантов: минимум 10 классов школы, довольно часто попадаются лица с высшим образованием, включая юристов, не нашедших применения своим силам на Родине. На рынке в г. Новосибирске нашли даже выпускника математического факультета Новосибирского государственного университета из Андижана, который преподает в колледже у себя на Родине, а в отпуске подрабатывает торговлей на рынке города, где он учился. Высок также и уровень востребованности образования родителями для своих детей. Большинство мигрантов, даже тех, кто приехал из сельской местности и сам не имеет даже среднего специального образования, желают для своих детей получение высшего образования.

Причинами приезда в Россию подавляющее большинство называют отсутствие работы, невозможность заработать, а также низкие заработки у себя на Родине. Хотя есть и такие, кто просто хотел пожить в другой стране, потому что «надоело сидеть на месте», или это молодежь, желающая учиться в России.

Большинство приехали в город опроса и устроились на работу при помощи родных, знакомых или когда-то учились здесь. Лица, работающие по найму, как правило, не имеют официального трудового договора и работают по устной договоренности с работодателем или посредником. Среди строительных рабочих подобные условия найма приводили к тому, что были случаи несвоевременной выплаты заработной платы или ее произвольного уменьшения при окончательном расчете за сделанную работу.

Живут мигранты в основном в снимаемых квартирах, комнатах или частных домах. Строительные и сельскохозяйственные рабочие часто проживают прямо на рабочем месте: на стройке или около поля, как, например, корейцы из Казахстана, выращивающие арбузы на полях в пригороде г. Алейска (Алтайский край) и в Карасуке (Новосибирская область). Таким образом, заодно ими выполняются функции охраны ра-

бочего объекта, тем более что эти работы носят в основном сезонный характер в теплое время года.

Подавляющему большинству мигрантов удалось существенно улучшить свое положение, и они не жалеют о том, что стали работать на выезде, хотя очень часто и не по специальности, и намерены продолжать делать это в дальнейшем. Видимо уровень их жизни на Родине был значительно ниже, чем в России, так как многие довольны своим материальным положением, особенно это касается таджиков, несмотря на довольно невысокий по российским меркам уровень притязаний: заработок в размере 3 тыс. рублей их совершенно удовлетворил бы. И это несмотря на то, что часто он является основным или одним из основных для их многочисленных семей, оставшихся на Родине. Их радует возможность хотя бы содержать свою семью, сделать небольшие сбережения. Пределом мечтаний является покупка машины или накопление денег на постройку дома.

Большая часть мигрантов, даже среди челноков и торговцев, не говоря уже о других, предпочитают работать в Сибири в относительно теплое время года: весна-осень. На вопрос: «Готовы ли Вы остаться здесь насовсем?» большинство иммигрантов из ближнего зарубежья отвечают отрицательно. Многих не устраивает климат: слишком холодно. Они приехали сюда только заработать, и как только для них появится работа на Родине с удовлетворяющей их зарплатой, они вернутся туда, потому что очень тоскуют по Родине, по своей семье. Вот одно из пожеланий: «Желаем, чтобы наша Родина нашла нам работу. Хочется домой, очень». Как нам пояснили мигранты из Кыргызстана, для них каждый день продления своего пребывания «на чужой территории» страшен одной только мыслью, «вдруг что-то случится и я никогда не смогу вернуться на родную землю». Для мусульман самая страшная кара быть погребенным не на родной земле.

Однако приехавшие из дальнего зарубежья (китайцы, вьетнамцы) хотели бы в России остаться навсегда и получить российское гражданство. Получение гражданства для них открывает, как им представляется, большие возможности для приобретения работы по специальности, более высокого уровня заработков и повышения своего благосостояния.

Следует отметить хороший уровень межнациональной контактности между сибиряками и приезжими из Средней Азии. Люди среднего возраста сохраняют «интернационалистические» установки, высказывая пожелания: «Хочу, чтобы вернули Советский Союз, чтобы я мог ездить по стране без виз и границ. У нас одна Родина». Принадлежность к той или иной национальности для большинства мигрантов не играет значительной роли, «главное, чтобы человек был хороший». Это подтверждает и положительное отношение их к межнациональным бракам. Среди достоинств, характерных россиянам, мигранты из Узбекистана отмечают доброжелательность, честность (доверчивость); киргизы — приветливость и простоту; таджики — гостеприимство и душевную щедрость.

Большинство респондентов (90% выборки) отмечают в качестве характерной российской черты склонность к пьянству; осуждают россиян за грубость (обилие табуированной лексики в речи) и неуважение к старшим по возрасту — 60% информантов; «Климат в Сибири холодный — наверное, поэтому народ тут грубый» — такие высказывания в ходе опроса произносились достаточно часто. Респонденты-таджики отмечают также обилие наркоманов в российских городах. Для респондентов-узбеков обидным обстоятельством оказалось пренебрежительное отношение к приезжим, выказываемое россиянами.

Старшее поколение среднеазиатских мигрантов в наибольшей степени смущают ругань, грязь на улицах, неуважение к старшим, развязность молодежи. Показателен ответ узбечки средних лет из Намангана, учительницы русского языка и литературы: «Я боюсь за вашу молодежь: они слишком много пьют, курят, особенно девушки, не уважают старших. Я была в школе: учителя все это наблюдают, и им все равно. Это плохо. У нас не так».

Подавляющее большинство иммигрантов из ближнего и дальнего зарубежья являются верующими людьми, исповедуемые религии — ислам, буддизм. К людям, придерживающимся иных религиозных взглядов, они относятся с уважением. Отношения с местными жителями в основном хорошие и нормальные, хотя у некоторых были и проблемы.

К числу основных проблем, с которыми сталкиваются мигранты, относятся прописка, жилье, видимо достаточно дорогое для них, и устройство на работу в отсутствие поддержки родственников или знакомых. Для лиц, работающих по найму без контракта или трудового договора, актуальной является проблема отстаивания своих прав перед работодателем, который может заплатить меньше оговоренного. Естественно никакими льготами типа оплачиваемого больничного, отпуска и т. д. они не пользуются. Для челноков большой проблемой является прохождение таможенных постов, сопровождаемое многочисленными поборами, и общения с правоохранительными органами. Мужчины, как правило, просто отказываются говорить на эти темы. Женщины же более откровенны в описании своих проблем, и как факт отмечают более мягкое отношения к ним проверяющих. По этой же причине женщины вынуждены гораздо чаще мужчин брать на себя роль перевозчика товара, несмотря на то, что это тяжелый физически и психологически труд, сопровождаемый рядом бытовых неудобств.

Оценка экспертов региональных административных служб проблем миграции иностранной рабочей силы

По оценкам экспертов из региональных административных структур, занимающихся вопросами иммиграции, преобладающим видом миграции для населения стран ближнего зарубежья является трудовая маятниковая миграция, а для дальнего зарубежья — трудовая миграция на продолжительный срок. При этом среди маятниковых мигрантов преобладает сезонная миграция в теплое время года (весна, лето и ранняя осень). Ди-

намика того и другого вида миграции в последние годы идет по нарастающей.

Российское гражданство стремятся получить все, кто приезжает в Россию с целью остаться здесь навсегда. Это чаще всего мигранты из стран Юго-Восточной Азии, в частности, китайцы и вьетнамцы. Сложности же с получением гражданства заставляют их идти на такие уловки как заключение фиктивных браков с россиянами, существуют даже определенные ставки на такого рода услуги со стороны россиян. В отдельных регионах это явление получило значительное распространение. Как отмечают эксперты, если раньше пресечение этого явления не представлялось возможным в связи с отсутствием правовой базы, то с началом действия нового Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и его отдельных правовых актов, паспортно-визовая служба может ставить вопрос о расторжении подобных браков и принятии мер ликвидации основы таких нарушений.

Уровень правосознания у иностранных мигрантов, по оценкам экспертов, находится на низком уровне. Среди основных видов правонарушений, наблюдаемых за иностранными мигрантами, отмечаются в основном административные нарушения: нарушение правил пребывания и регистрации, выбор места жительства. Уголовные нарушения среди иностранных мигрантов исключительно редки. В связи с этим очень важен, как нам представляется, вывод экспертов таможенного контроля о том, что ввоз наркотиков в страну осуществляют не иностранные мигранты из государств Средней Азии, а в основном русские. При этом очевидно, что за самим явлением наркотрафика стоят иностранцы, а лица, непосредственно осуществляющие перевозку наркотиков, это лишь посредники в операции, идущие на крайний риск ради высоких заработков.

Административные правонарушения чаще всего характерны для мигрантов из ближнего зарубежья. Это явление эксперты объясняют тем, что из ближнего зарубежья приезжают люди с более низким уровнем образования, плохо осведомленные о правилах пребывания в России. Иностранцы из дальнего зарубежья, прибывающие в регионы Западной Сибири, в основном уже имели опыт работы на территории восточных районов России: на Дальнем Востоке и в регионах Восточной Сибири. Однако среди впервые въезжающих на территорию России китайцев отмечаются нарушения, связанные с порядком въезда и выезда. Часто их цель въезда не соответствует цели поездки. Въезжая в Россию по туристической визе, они надолго закрепляются на российском рынке труда, пополняя нелегальный сектор занятости.

Нелегальная миграция по оценкам экспертов на порядок выше зарегистрированной. Большую вину в существовании нелегальной миграции эксперты из паспортно-визовых служб и служб занятости возлагают на работодателей (часто российских граждан), которые не оформляют по правилам российского законодательства своих работников. Нелегальная миграция формирует нелегальную занятость. Особенно в эту категорию

попадают иностранные мигранты из стран ближнего зарубежья, подавляющее большинство которых приехало к нам честно заработать на жизнь себе и своим семьям. В результате они оказываются в бесправном положении, а выгоды от этого имеют предприниматели, использующие их труд, а также представители контролирующих органов, практикующие многочисленные поборы. Конечно, торговцам выгоднее заплатить взятку, чем производить оформление товара по правилам, что потребует больше денег и времени. Но тогда получается, что эти деньги идут в карманы взяточников, а не государству. Как считают эксперты, планка налога на иностранную рабочую силу с самого начала была высоко поднята, ее научились обходить и теперь «как не снижай налоги, их все равно не будут платить».

Тем не менее в последние годы нелегальная миграция все больше легализуется и постепенно сокращается. Дело в том, что значительную долю в нелегальной миграции составляют бывшие беженцы и вынужденные переселенцы, приехавшие в Россию (начиная с 1992 г.) с паспортом гражданина Советского Союза и по разным причинам не получивших соответствующего статуса или разрешения на временное или постоянное проживание в России.

Интересная эволюция наблюдается в изменении структуры работодателей. Если в первые годы появления иностранных работников в регионах Сибири (в середине 1990-ых годов) среди работодателей были в основном граждане России, то в настоящее время на смену им пришли работодатели-иностранцы. Просматривается приблизительно следующая картина. Скопив первоначальный капитал на челночных поездках, иностранцы переходят к семейному бизнесу, привлекая сначала членов семьи, а затем своих знакомых и членов диаспоры. Организация такого рода бизнеса затрагивает в основном такие сферы деятельности как торговля, общественное питание, ремонтные и сельскохозяйственные работы. Часто работодатели такого рода организуют групповые выезды для сезонной работы с территорий ближнего зарубежья своих земляков, помогая им получить надежный заработок (очень часто единственный для семьи работника), и способствуют формированию и расширению таким образом национальной диаспоры. Нередки случаи, когда иностранный работодатель принимает на работу российских граждан, это, как правило, работники высокой квалификации (юристы, экономисты, бухгалтера), либо неквалифицированного труда (официанты, подсобные рабочие), создавая таким образом рабочие места и для россиян.

Как отмечают эксперты, иностранные мигранты из стран Средней Азии в обследуемых городах занимают определенные, невостребованные россиянами ниши на рынке труда и не составляют им конкуренции. Они выполняют тяжелую физическую в основном сезонную работу по выращиванию овощей (сельскохозяйственные работники) и проведению ремонтных работ (строители), на которую «не пойдет ни один россиянин», и формируют специфическую нишу низкооплачиваемых рабочих мест. Привлечение их на действующей правовой основе для такого вида работ

большинство экспертов считают положительным явлением. Среди достоинств использования таких работников в сельском хозяйстве называют возможность передачи их опыта по выращиванию отдельных овощных и бахчевых культур, обеспечения населения высококачественной продукцией, пополнение бюджета. Между тем эксперты отмечают, что иностранные мигранты из ближнего зарубежья не являются носителями высокой культуры, достаточно замкнуты, боятся отстаивать свои интересы и формируют диаспоры, «закрытые для контактов с россиянами».

В отличие от мигрантов из ближнего зарубежья китайские мигранты, имея часто высокие профессиональные характеристики, в будущем могут составлять значительную конкуренцию отечественной рабочей силе. В связи с этим проблема адаптации иммиграции из стран Юго-Восточной Азии стоит с особой остротой.

Для упорядочения миграционных потоков иностранной рабочей силы в последние годы ведется большая работа через Министерство иностранных дел РФ по формированию двусторонних соглашений о миграции с соседними для России странами. Такие соглашения предполагают информацию друг друга о спросе и предложении рабочей силы, согласование квоты на прием трудовых мигрантов различных профессий. Впервые на 2003 г., основываясь на данных о регистрации использования иностранной рабочей силы на рынке труда, региональными миграционными службами сформированы конкретные квоты по приему иностранной рабочей силы на предстоящий год. Все это должно упорядочить миграционные потоки, а самое главное — снизить материальные и моральные издержки самих мигрантов, а также дать возможность территориям вселения подготовиться к приему мигрантов определенного демографического и профессионального состава и решить ряд проблем, связанных с принятием и обустройством мигрантов. Потенциальные переселенцы же в такой ситуации смогут получить заранее объективную информацию о состоянии рынков труда и о возможностях решения жилищных проблем на территории вселения и принять взвешенное решение о перемещении в тот или иной регион России.

Все эксперты отмечают трудности, которые связаны с оформлением виз и разрешения на въезд иностранных работников. Дело в том, что в настоящее время иммиграция находится в юрисдикции федерального правительства России. Региональные структуры в России не наделены таким правом, в результате, чтобы оформить, например, в Алтайском крае сезонную работу на выращивание овощей группы корейцев из Казахстана нужно затратить несколько месяцев на получение разрешения из Москвы. Упрощение подобной процедуры и передача ее решения в юрисдикцию региональных структур, например территориальных органов Федеральной миграционной службы России, позволило бы такой вид трудовой миграции сделать более мобильным и использовать с большей пользой для решения экономических задач территорий.

Заключение

Проведенное исследование показало, что политика использования и адаптации мигрантов на российском рынке труда, исходя из интересов государства и интересов социально-экономического развития регионов России, должна четко различаться в зависимости от вида миграции: вынужденной миграции, миграции иностранной рабочей силы из ближнего и дальнего зарубежья.

Вынужденная миграция русскоязычного населения из бывших союзных республик СССР в сложившихся условиях сокращающегося демографического потенциала и отрицательного межрегионального сальдо миграции в Сибири должна рассматриваться как важная стратегическая задача заселения и освоения территорий Сибири, обеспечивающая формирование постоянного населения и сохранения геополитических интересов России. Необходимо создавать все условия для этой категории граждан бывшего СССР, принявших решение о переселении в регионы Сибири.

Миграция титульного населения из ближнего зарубежья традиционно всегда будет носить в основном сезонный характер, не оказывая существенного влияния на изменения демографического потенциала. Только незначительная часть в основном молодого, еще не обремененного семьей и детьми населения будет надолго оседать в Сибири, формируя ее постоянное население. Легальная квотируемая на отдельные виды деятельности миграция такого рода при жестком контроле и пресечении возможностей наркотрафика ничего, кроме пользы для регионов России принести не может.

Что касается миграции из дальнего зарубежья и в том числе китайской миграции. В качестве основных ограничителей по приему мигрантов должны стать не административные ограничения и различного рода запреты на въезд мигрантов из Китая и Центральной Азии, а регулируемые масштабы спроса на рабочую силу, рассматриваемую в качестве инструмента развития региона. Если Сибирь, в соответствии со стратегией социально-экономического развития региона, в будущем рассматривать не только как район с высоким природно-ресурсным потенциалом, но и как полигон для размещения высокотехнологичных наукоемких производств, то решение этих задач потребует привлечение большого числа специалистов самых разных областей знаний.

В этой связи очень важно изучения опыта других стран по привлечению в страну качественной рабочей силы с использованием, например, «балльной системы» Канады, с помощью которой на основе ряда личностных характеристик таких, как уровень образования, профессиональный статус, возраст и т.п., производится градация иммигрантов вне схемы воссоединения семей. Такая система позволяет открывать двери в страну для иммигрантов, удовлетворяющих требованиям рынка труда в рамках объективного отбора без учета расовой и этнической принадлежности.

Подобная стратегия должна включать в себя следующие основные элементы:

- мониторинг вынужденной и международной миграции, а также этно-социальной динамики в регионах в контексте разработки и модификации стратегии устойчивого воспроизводства и развития в долгосрочной перспективе;
- оценку экономических, конфессиональных и этно-социальных последствий миграции;
- четкую правовую основу и, прежде всего, миграционное законодательство;
- совершенствование институциональной системы, повышение ответственности законодательной и, особенно, исполнительной власти;
- эффективную государственную защиту гражданских и трудовых прав иностранных работников; жесткую борьбу с нарушителями российского законодательства;
- разработку региональных программ иммиграционной политики.

Важное место в такой работе должно быть отведено разработке прогнозов миграционных потоков, в том числе: выявлению регионов России, предпочтительных для проживания мигрантов; согласованию квоты по приему мигрантов с территориальными администрациями и региональными миграционными службами территорий вселения мигрантов; прогнозированию наиболее вероятных направлений миграции иностранной рабочей силы в регионах России.

Литература

1. Дацьшен В.Г. (2002) Проблемы китайской миграции в Сибири: история и современность // В сб.: Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Материалы международного научно-практического семинара / Под ред. С.В. Соболевой, И.Д. Октябрьской, О.В. Чудаевой. Новосибирск: АртИнфоДата.
2. Дятлов В.И. (2002) Внешние миграции на востоке России как инструмент развития и проблема безопасности современность // В сб.: Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Материалы международного научно-практического семинара. Новосибирск: АртИнфоДата.
3. Миграция и безопасность в России (2000). М.: Интердиалект
4. Красинец Е.С. (2002) Незаконная миграция и занятость: важнейшие характеристики в приграничных территориях // В сб.: Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Материалы международного научно-практического семинара, Новосибирск: АртИнфоДата.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГЕРМАНИИ

Понятие «национальная безопасность» трактуется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз и включает в себя информационный, оборонный, экологический, энергетический, экономический и др. аспекты безопасности.

Трудовая миграция в определенной степени затрагивает большинство аспектов национальной безопасности. Так, к примеру, некоторые страны (Великобритания, США, Франция и др.) комплектуют свои вооруженные силы гражданами иностранных государств (оборонный аспект), а выезд за границу научных специалистов, сопровождаемый передачей последних научных разработок, затрагивает информационный аспект национальной безопасности. Однако, в основном, трудовая миграция, целью которой является, как правило, оплачиваемая деятельность за рубежом, связана с экономическим аспектом национальной безопасности.

Ключевыми проблемами для понимания сущности экономической безопасности являются развитие и устойчивость. В отсутствие развития любая экономика теряет свой иммунитет и приспособляемость к меняющимся внутренним и внешним условиям. Устойчивость экономики, в свою очередь, отражает прочность и надежность элементов, способность выдерживать внутренние и внешние нагрузки.

Исторический анализ миграционных процессов дает основание сделать вывод о том, что отношения между трудовой миграцией и экономической сферой выражаются весьма разнообразно (см., напр., Тарипос, 1974). В целом, трудовая миграция может двояким образом способствовать экономическому развитию страны и поддержанию устойчивости ее экономической системы: в первом случае страна выступает в роли экспортера рабочей силы, во втором — ее импортера. Так, к примеру, трудящиеся-мигранты часто пересылают на родину часть своих доходов (например, в Иордании эти переводы составляют около 23% ВВП), тогда как использование иностранной рабочей силы, в свою очередь, позволяет растущей экономике в короткий период увеличить предложение труда (здесь интересен пример Германии, проводившей в 1955–1973 гг. активную политику по привлечению т.н. гастарбайтеров). Трудовая миграция может способствовать снижению напряженности на рынке труда при выезде за границу избыточной рабочей силы, а также позволяет восполнить нехватку рабочей силы в трудодефицитных отраслях (включая отрасли, в которых отказывается работать местное население) и районах (так, по данным ОЭСР, около 30%

рабочих занятых в строительном секторе в Португалии являются трудящимися-мигрантами).

Трудовая миграция в Германии до второй половины XX века

Германия исторически, до начала XX века, была страной с отрицательным миграционным сальдо и являлась поставщиком рабочей силы. Уже в XVII веке возникают регулярные сезонные перемещения рабочей силы на достаточно большие расстояния в богатые и быстро развивающиеся регионы Европы — восточную Англию и Северную Италию, в то же время ежегодно от 15 до 30 тысяч крестьян Вестфалии направлялись в соседнюю Голландию, где в течение трех месяцев работали на торфяных болотах или на полях. Однако основными видами миграции в XVII–XVIII веках были переселение немцев на восток (в Венгрию, Польшу, Россию, Румынию и др. страны), а в XIX веке иммиграция немцев в страны Нового Света. В течение трех «больших волн» эмиграции 1846–1857, 1864–1873 и 1880–1893 гг. почти 6 млн. немцев пересекли океан и около 75% остались там. При этом часто переселялись целые деревни (например, в Бразилию). Всего с 1846 по 1914 гг. свыше 4 млн. немцев эмигрировали в США, около 89 тысяч в Бразилию, 86 тысяч в Канаду и 56 тысяч в Австралию. Следует отметить, что в XIX веке существенным выталкивающим фактором, помимо неурожаев и голода, стал дефицит рабочих мест в Германии, который был связан с переходом от аграрного к индустриальному обществу, начавшимся в 1848 году, а также с демографическим переходом, и частично эмиграция поощрялась «сверху», поскольку позволяла снизить напряженность на рынке труда (Ausländer in Deutschland, 1999).

С 1893 года картина стала меняться: индустриализация, существенно ускорившаяся с объединением в 1871 году Германии, привела к возникновению дефицита рабочей силы и высокому уровню как внутренней, так и внешней трудовой миграции в промышленные районы (прежде всего в Рурскую область). В результате к 1910 году в стране насчитывалось около 1,2 млн. трудящихся-мигрантов, прибывших преимущественно из Италии и Польши¹ и занятых в основном в строительстве и горном деле, а Германия, таким образом, впервые превратилась из экспортера рабочей силы в ее импортера (Herbert, 1986).

Волны эмиграции из Германии в первой половине XX века были связаны с экономическим кризисом и гиперинфляцией 1922–1923 гг. и приходом к власти национал-социалистов в 1933 годах, а также окончанием Второй Мировой войны.

Говоря об использовании иностранной рабочей силы в Германии в первой половине XX века, не следует забывать об активном использовании в нацистской Германии работников (Zwangarbeitern), принудительно

¹ Отметим, что, поскольку у Германии не было значительного колониального наследия (как у Великобритании или Франции), мигранты прибывали не из бывших колоний, а, в основном, из соседних стран. Напротив, в конце XIX века наблюдалась незначительная эмиграция немцев в вновь приобретенные колонии в Африке и Океании.

перемещенных в Германию с оккупированных территорий (прежде всего, из Польши и СССР), численность которых к 1944 году достигла 8 млн. человек (Angenendt, 1997).

Трудовая миграция в Германии во второй половине XX века

В первые послевоенные годы экономическая ситуация в Германии выглядела во многих отношениях просто катастрофически: промышленное производство в 1946 г. составляло 33% от уровня 1936 г., за годы войны почти вдвое сократилось производство зерна и картофеля, поголовье скота составляло примерно 1/3 от довоенного уровня, повсюду не хватало жилья (полностью было разрушено 20% жилищного фонда) и самых элементарных потребительских товаров (Чепуренко, 2001, С. 80). Численные потери в годы Второй Мировой войне превысили 6,85 млн. чел, при этом наблюдалась диспропорция в половозрастной структуре населения в сторону преобладания женской рабочей силы, повышенной доли старших возрастов. Из бывших восточных территорий Германии, отошедших СССР и Польше, в Западную Германию переселилось около 4,7 млн. человек, а к 1950 году в западную Германию возвратилось около 4 млн. военнопленных (Bremer, 1999, P. 26).

Однако экономические реформы, осуществленные в конце 1940-х гг. Людвигом Эрхардом, наряду с американской экономической помощью, составившей в 1946–1952 гг.², сделали возможным осуществление в 1950-е гг. «немецкого экономического чуда»: в 1951–1955 гг. реальный ВВП рос в среднегодовом исчислении на 9,5%, а в 1956–1960 гг. — на 6,6% (Herrmann, 1992, P. 4).

Высокие темпы экономического роста были причиной существенного увеличения числа рабочих мест. Однако, несмотря на все еще высокий средний уровень безработицы в Германии в начале 1950-х гг. (9,5% в 1952 году), в южных федеральных землях (Баварии и Баден-Вюртемберге) уровень безработицы был уже ниже 3% (2,2 и 2,9% в 1952 году, соответственно) (Bremer, 1999, P. 27). Таким образом, этот ресурс расширения занятости в некоторых регионах был практически исчерпан.

При этом с 1955 года наблюдалось уменьшение предложения труда, вызванное прежде всего тремя факторами (Herrmann, 1992, P. 4):

² Общий объем помощи составил более 3 млрд. долларов: 1,53 млрд. долларов было предоставлено по программе GARIOA (Government and Relief in Occupied Areas, Программа содействия оккупированным территориям), в рамках которой предполагалась поставка в ФРГ не только продовольствия, но и определенного количества сырьевых ресурсов для обеспечения промышленного подъема, а 1,53 млн. долл. по плану Маршалла (The European Recovery Program, Программа восстановления и развития Европы), согласно которому приоритет получили рост производства продуктов питания и товаров потребительского назначения, развитие угольной и сталелитейной промышленности, транспортной системы и энергетики (Погорлецкий, 2001, С. 244–263)

- воссоздание в 1955 году вооруженных сил (бундесвера) привело к уходу с рынка труда около 500 тысяч человек (военнообязанные и гражданские служащие бундесвера);
- увеличение продолжительности обучения, сокращение рабочей недели (с 1957 по 1967 гг. средняя продолжительность рабочей недели сократилась с 46,1 до 41,6 часов) и вхождение на рынок труда малочисленных поколений 1939–1949 гг. привело к существенному уменьшению трудового потенциала Германии. В 1960 году число свободных вакансий на рынке труда впервые в послевоенной Германии превысило численность официальных безработных, а с 1960 по 1972 гг. численность работающих граждан ФРГ сократилась на 2,3 млн. чел.;
- наконец, ужесточение пограничного режима между ГДР и ФРГ и постройка берлинской стены в 1961 году прекратили и этот источник рабочей силы (в 1945–1961 гг. свыше 3,8 млн. человек переехало на постоянное место жительства из советской оккупационной зоны в «западные» и лишь 400–500 тысяч в обратном направлении).

Несмотря на увеличение производительности труда и активное использование капиталоинтенсивных технологий, предприятия уже не могли удовлетворить полностью свои потребности в рабочей силе. Как следствие, в 1955 году 25%, а в 1960 году уже 50% предприятий ожидали трудности с дальнейшим расширением производства (Bremer, 1999, P. 27).

В то же время в некоторых регионах Южной Европы (Греция, Южная Италия, Португалия) и Турции наблюдался избыток рабочей силы, оказывающий негативное воздействие на развитие экономик этих стран, поскольку часть ограниченных ресурсов государство было вынужденно тратить на поддержку безработных. К положительным аспектам трудовой миграции для посылающей страны, как мы уже отмечали выше, относится то, что миграция может привести к уменьшению напряженности на рынке труда, а также к увеличению валютных поступлений в страну. Таким образом, она является выгодной и для страны экспортера рабочей силы.

В результате 22 декабря 1955 года в Риме между правительствами ФРГ и Италии было заключено Соглашение о наборе и содействии трудоустройству итальянских рабочих в ФРГ, положившее начало массовой трудовой миграции в Германию³.

В соглашении оговаривалось, в каких объемах и среди каких профессиональных групп может осуществляться набор т.н. гастарбайтеров⁴. Вербовкой и распределением иностранной рабочей силы должно было заниматься Федеральное ведомство занятости (Bundesanstalt für Arbeit) через свое представительство в Италии. Изначально был запланирован

³ Отметим, что уже с 1952 года в Баварии и Баден-Вюртемберге использовали трудящихся-мигрантов (в основном из близлежащей Италии), однако к концу 1955 года во всей Германии их насчитывалось лишь порядка 80 тысяч.

⁴ Сам термин «работник в гостях» (Gastarbeiter) указывал на предполагаемое ограниченное пребывание трудящегося-мигранта в стране: «Тот, кто является гостем, не останется надолго» („Denn Gast ist nur, wer nicht auf Dauer bleibt“).

принцип ротации, согласно которому гастарбайтеры, проработав в Германии несколько лет, должны были возвращаться на родину, а в случае необходимости им на смену прибывали новые.

Подобные соглашения были заключены с Испанией и Грецией в 1960 году, Турцией в 1961 году, Марокко в 1963 году, Португалией в 1964 году, Тунисом в 1965 году и с Югославией в 1968 году⁵. С 1963 году осуществлялся также набор горнорабочих и медсестер из Южной Кореи.

Отметим, что решение об использовании иностранных рабочих для нужд немецкой экономики не вызвало серьезных разногласий в обществе: политические партии, профсоюзы, союзы работодателей, церковные учреждения признавали необходимость такого решения в среднесрочной перспективе.

В 1960 году в Германии насчитывалось почти в четыре раза больше иностранных рабочих, чем в 1955 году (79,7 и 329,4 тысяч человек, соответственно) (см. рис. 1), а их доля среди занятых в экономике увеличилась с 0,4 до 1,5% (см. рис. 2). При этом до середины 1960-х гг. большая часть иностранных рабочих прибывала из Италии, затем быстрыми темпами стала увеличиваться численность гастарбайтеров из Турции.

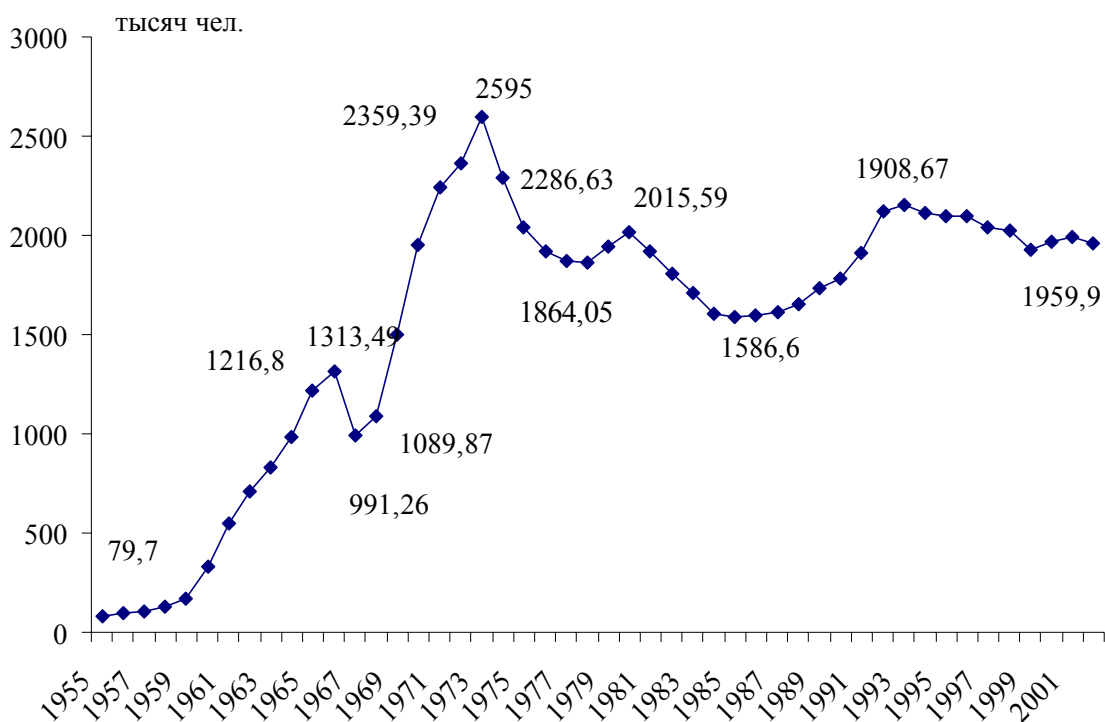

Рис. 1. Численность занятых иностранцев в немецкой экономике

Примечание: в численность трудящихся-мигрантов включены также рабочие из стран-членов ЕЭС; до 1991 г. — только трудящиеся-мигранты на территории ФРГ.

Источник: построено по данным Herrmann (1992), Bundesanstalt für Arbeit (2003).

⁵ Пункты о количестве и профессиональной принадлежности уже не включались в последующие соглашения. Однако в соглашении с Турцией был срок максимального пребывания гастарбайтера в Германии — 2 года.

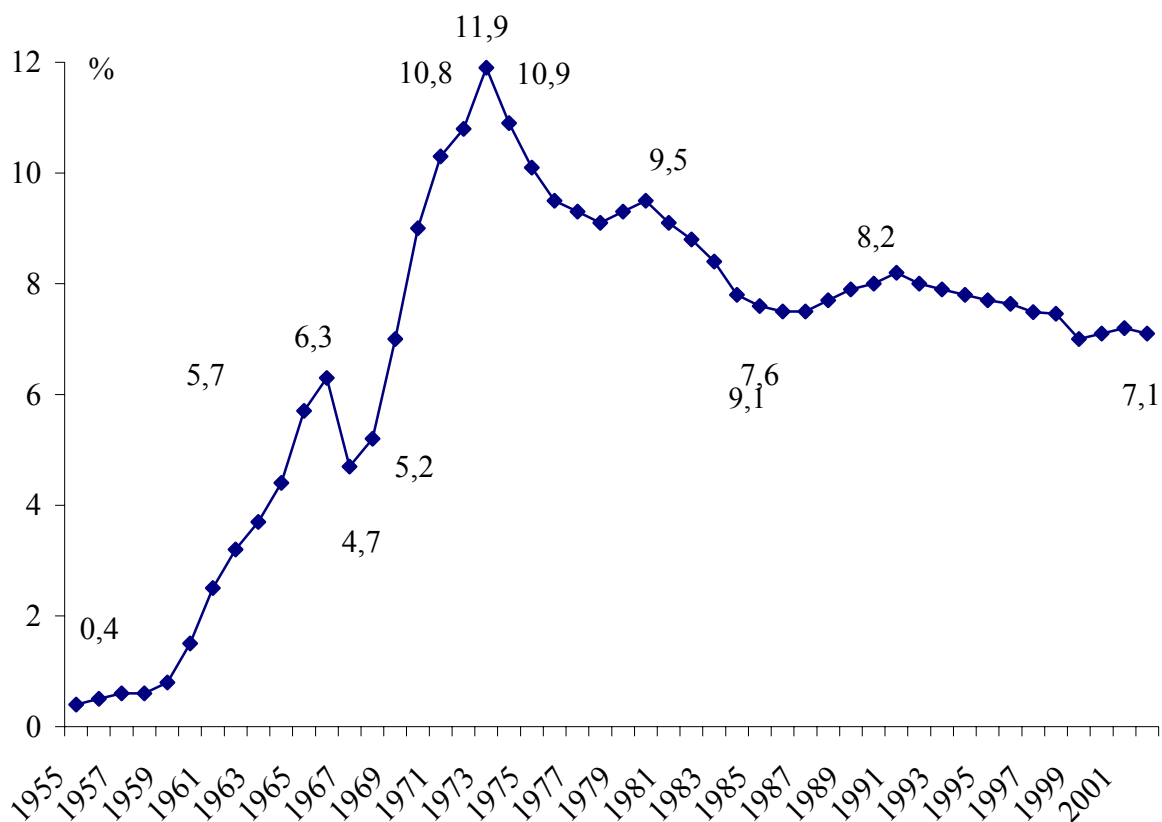

Рис. 2. Доля трудящихся-мигрантов среди занятого населения

Примечание: в численность трудящихся-мигрантов включены также рабочие из стран-членов ЕЭС; до 1991 г. — только трудящиеся-мигранты на территории ФРГ.

Источник: построено по данным Herrmann (1992), Bundesanstalt für Arbeit (2003).

В 1965 году в Германии насчитывалось уже свыше 1,2 млн. иностранных рабочих. Однако в 1966–1967 годах численность гастарбайтеров снизилась с 1313,5 до 991,3 тысяч человек, что было связано с первой послевоенной рецессией в экономике Германии (см. Рис. 1–2). Спад был быстро преодолен, и к концу 1960-х гг. в немецкой экономике было задействовано почти 2 млн. иностранных рабочих. В 1973 году численность иностранных рабочих в Германии достигла своего максимума — почти 2,6 млн. человек, помимо которых в Германии также проживали около 1,8 млн. членов их семей.

Начавшийся в 1973 году мировой энергетический кризис и наиболее глубокая в истории ФРГ рецессия 1973–1975 гг., поразившая практически все отрасли западногерманской экономики и вызвавшая сокращение ВВП на 5%, промышленного производства — на 12,3%, внутренних частных инвестиций в основной капитал — на 18,6%, привели к резкому сокращению использования иностранной рабочей силы в Германии и росту уровня безработицы. В ноябре 1973 года федеральное правительство объявило о прекращении централизованной вербовки рабочих за рубежом для нужд немецкой экономики, были также усложнены процедуры получения рабочей визы для иностранных граждан, самостоятельно ищущих работу в Германии.

Отметим, что ужесточение процедур произошло только для граждан стран, не входящих в Европейское Экономическое Сообщество, в то время как жители стран-членов ЕЭС обладали свободой перемещения и выбора места занятости в рамках всего Европейского сообщества⁶.

Всего за годы действия программы (1955–1973 гг.) в страну было привлечено 14 млн. гастарбайтеров, из которых около 11 млн. вернулись на родину. В результате только за 1960–1973 годы число иностранных граждан (трудящихся-мигрантов вместе с членами их семей) в Германии увеличилось более чем на 3,4 млн. человек (до 3,97 млн.), а их доля в населении Германии возросла с 1,2% в 1960 году до 6,64% в 1973 году.

В 1974–1975 годах были также произведены дальнейшие изменения в процессе привлечения на работу трудящихся-мигрантов (в частности, в три раза был повышен миграционный сбор, выплачиваемый предприятием за каждого иностранного рабочего) и в налоговом законодательстве страны (в частности, перестало выплачиваться детское пособие, если ребенок находится за пределами Германии), призванные в целом сократить иностранной рабочей силы и подтолкнуть иммигрантов к реэмиграции. Как следствие, к концу 1970-х гг. численность трудящихся-мигрантов сократилась почти на 30% — до 1,95 млн. В то же время многие иммигранты стремились теперь остаться в Германии на длительный срок, а также перевезти в Германию членов своих семей.

Экономический спад 1980–1981 гг., третий в послевоенной истории Германии, сопровождавшийся массовыми сокращениями в металлургии и горнодобыче, также привел к снижению использования труда иностранных рабочих в немецкой экономике. Поскольку в этот период уже не использовался централизованный набор иностранцев на ограниченный срок и мигранты прибывали в страну самостоятельно, как правило, вместе со своими семьями, то потеря рабочего места трудящимся-мигрантом приводила не к его возвращению на родину, а пополнению рядов безработных. В результате если в 1970 году насчитывалось только 50 тысяч безработных трудящихся-мигрантов (2% от числа занятых), то к 1981 году их число выросло уже до 253 тысяч (13,2%) (см. Рис. 3).

Консерваторы во главе с Гельмутом Колем, пришедшие к власти в 1982 году, объявили о намерении уменьшить долю иностранцев в общем населении Германии на 50% к 1990 году, сократить численность трудящихся-мигрантов, а также осуществлять активную политику по интеграции мигрантов. В результате к 1987 году в Германии насчитывалось 1,61 млн. трудящихся-мигрантов против 1,92 в 1982 году.

Однако в 1988–1992 г. были подписаны двухсторонние соглашения о временной трудовой занятости со всеми постсоциалистическими государствами Европы, согласно которым граждане этих стран (при со-

⁶ В 1973 году из основных стран-поставщиков рабочей силы в Германию членом ЕЭС была только Италия, в 1981 году в ЕЭС вступила Греция, а в 1986 году — Испания и Португалия.

ответствии таким требованиям, как возраст, профессиональная группа и др.) могли устроиться на работу в Германии на срок от 3 месяцев до 3 лет. При этом была особо оговорена невозможность приезда в Германию семьи трудящегося-мигранта. Трудовая миграция из Восточной Европы в Германию вне и в рамках подписанных соглашений способствовала увеличению в конце 1980-х гг. численности иностранных рабочих, занятых в немецкой экономике, а Польша вскоре вошла в пятерку крупнейших стран происхождения мигрантов.

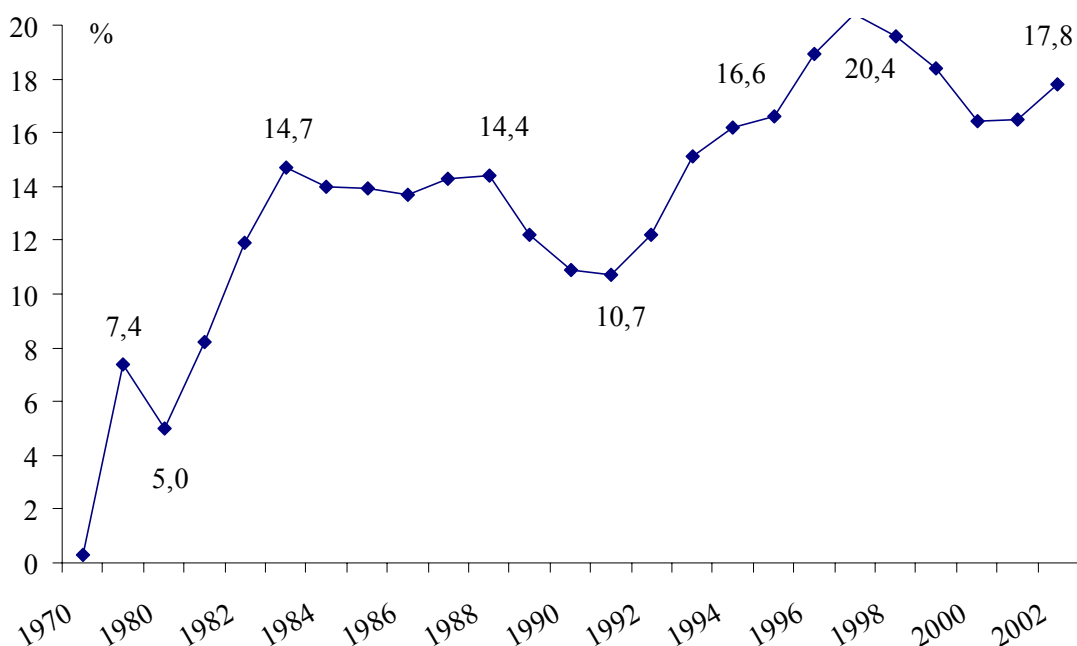

Рис. 3. Уровень безработицы среди иностранцев в Германии

Примечание: до 1991 г. — на территории ФРГ.

Источник: построено по данным Bundesanstalt für Arbeit (2003).

Трудовая миграция в Германии на современном этапе

В начале XXI века Германия, несмотря на замедление экономической активности и высокую безработицу, продолжает оставаться страной с самым высоким числом трудящихся-мигрантов и в целом иностранцев в Европе. Согласно данным на середину 2002 года, в Германии проживало около 7,36 миллиона человек, не являющихся по происхождению немцами (8,9% от общей численности населения), и около 1,96 млн. трудящихся-мигрантов (8,3% от численности занятого населения).

Из 1959,95 тысяч занятых в Германии иностранцев 534,5 тысяч (27,3%) являются выходцами из Турции, 197,6 тысяч (10%) из Италии, 183,5 тысячи (9,3%) из Сербии и Черногории и 107,4 тысячи (5,5%) из Греции. При этом на долю пяти новых федеральных земель приходится 1,5% (!) от общей численности иммигрантов (30,76 тысяч), в то время как их доля в общей численности занятых составляет 16%. Больше всего трудящихся-мигрантов в Баден-Вюртемберге (450,36 тысяч) и Баварии (365,41 тысяч).

Наиболее велико значение иностранной рабочей силы в следующих секторах / отраслях немецкой экономики: уборка помещений, помощь по дому и др. (в этом секторе прежде всего используются польские трудящиеся-мигранты) — 25,5%⁷, индустрия общественного питания и гостиничный сектор — 25% (в любом городе Германии можно найти множество мини-закусочных и ресторанчиков, в которых представлены прежде всего турецкие, итальянские и китайские блюда), металлургия — 20,4%, транспортное машиностроение — 11,3%, строительство — 9,0%.

В 2002 году в немецкой экономике, несмотря на чрезвычайно высокий уровень безработицы (4,06 млн. человек, или 9,8% от занятого населения)⁸, насчитывалось около 451,2 тысяч открытых вакансий. Причем нехватку специалистов в отдельных отраслях экономики невозможно восполнить за счет собственных безработных или выпускников вузов⁹. Ярким примером является ситуация в секторе информационных и телекоммуникационных технологий: количество компаний в этом секторе выросло во второй половине 1990-х гг. почти на 30% (в сравнении с 8% ростом всех регистрируемых компаний), а оборот — почти на 60% (около 17% в целом по экономике). В результате возникла гигантская потребность в специалистах в области высоких технологий, оцениваемая более чем в 500 тысяч вакансий. В то же время, к примеру, в 2000 году вузы Германии выпустили всего 7900 выпускников в этой сфере и теоретически могли бы удовлетворить этот спрос только через 7–8 лет!

В виду особого приоритета этой отрасли, которая наряду с автомобилестроением и электротехникой относится к трем самым крупным отраслям экономики Германии, в январе 2000 года федеральный канцлер Германии выступил с инициативой выдачи «зеленых карт», позволяющих иностранным IT-специалистам из стран, не входящих в ЕС, работать в течение пяти лет в стране. Программа начала действовать 1 августа 2000 года. 4341 специалиста по информационным технологиям получили «зеленую карту» к концу года, 6409 — в 2001 году, 2623 — в 2002 и за первую половину 2003 года — 1193 специалиста. Таким образом, почти за три года действия программы в страну въехало около 14,5 тысяч специалистов в области информационных технологий. Отметим, что «зеленую карту» могут получить, не выезжая из Германии, также иностранные студенты– выпускники немецких вузов.

Большинство трудящихся-мигрантов, получивших «зеленую карту», являются выходцами из Индии (25,7%), вторую по численности группу образуют граждане России, Белоруссии, Украины и стран Балтии

⁷ В Германии в 1990-е гг. выражения «помощница по дому», «уборщица» (die Putzfrau) и «польская уборщица» (polnische Putzfrau) стали практически синонимами.

⁸ Отметим, что по предварительным данным к концу 2003 года уровень безработицы вырос до 11%.

⁹ Здесь следует указать на такой недостаток немецкой высшей школы, как относительно позднее начало (как правило, в 20 лет) и существенную продолжительность обучения (в среднем 15 семестров!).

(12,8%), за которыми следуют специалисты из Румынии (7%), а также Чешской и Словацкой Республик (6,7%). Отметим, каждый обладатель «зеленой карты» создал в Германии в среднем 2,5 рабочего места (всего около 30000 новых рабочих мест) за счет того, что только благодаря его работе в какой-то фирме этой фирмы появилась возможность дальнейшей экспансии. Действие программы продлится до конца 2004 года и всего в ее рамках может быть предоставлено до 20000 «зеленых карт».

В настоящее время Правительство Германии разработало целый ряд законопроектов, направленных на оживление экономической конъюнктуры в Германии. Так, сейчас в парламенте страны идет обсуждение нового миграционного закона, который упрощает иммиграцию в страну высококвалифицированных специалистов и предпринимателей, готовых вложить более 1 млн. евро и создать более 10 новых рабочих мест, усложняя ее для беженцев и вынужденных переселенцев, этнических немцев и членов семей иммигрантов¹⁰. В законе оговаривается, что условием предоставления мигранту права на работу в Германии является невозможность заместить вакантную должность с помощью немецкого гражданина или гражданина ЕС.

Актуальной проблемой национальной безопасности страны на современном этапе ее развития является убыль и старение населения. К 2050 году при складывающейся демографической ситуации немецкое население Германии сократится с 74,6 млн. в 2000 году до 56–58 млн., из которых пожилые люди (старше 60 лет) будут составлять около 37% населения¹¹. Согласно расчетам экспертов ООН, чтобы поддержать численности населения страны на уровне 1995 года в 2000–2050 гг. Германии ежегодно нужно принимать 344 тысячи иммигрантов, для сохранения численности трудоспособного населения — 487 тысяч иммигрантов, а для поддержания на прежнем уровне величины коэффициента демографической нагрузки — 3,63 млн. иммигрантов (UN, 1995)!

Таким образом, трудовая миграция является необходимым фактором дальнейшего экономического развития, роль которого особенно возрастет в долгосрочной перспективе, а использование трудящихся-мигрантов отвечает интересам национальной безопасности страны.

¹⁰ Отметим, что закон уже был одобрен Парламентом и подписан Президентом страны в 2002 году, однако Конституционный суд признал не соответствующим конституции процедуру его принятия. В настоящее время закон рассматривается в согласительной комиссии нижней и верхней палат Парламента Германии.

¹¹ Modellrechnungen zur Bevölkerungsentwicklung in der Bundesrepublik Deutschland bis zum Jahr 2050. Bonn: Bundesministerium des Innern, 2000. P. 39–40.

Литература

1. Иностранцы в Германии: от рабочих-мигрантов к согражданам // публикация серии Интер-Национес (<http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/inter-nationes/auslaender/index.html>).
2. Социальное рыночное хозяйство в Германии: Истоки, концепция, практика / Чепуренко А.Ю. (2001) (общ. ред.). — М.: РОССПЭН.
3. Погорлецкий А.И. (2001) Экономика и экономическая политика Германии в XX веке. СПб.: Издательство Михайлова В.А.
4. Arbeitsmigranten und die nachfolgenden Generationen zwischen Integration und Ausgrenzung: zur Situation von Ausländern in der Bundesrepublik Deutschland vor dem Hintergrund der internationalen Debatte um Exklusion und Urban Underclass / von Peter Bremer (1999). Oldenburg, Univ., Diss.
5. Deutsche im Ausland // Ausländer in Deutschland, №3, 1999 (30. Sept. 1999).
6. Herbert, Ulrich (1986) Geschichte der Ausländerbeschäftigung in Deutschland 1880 bis 1980. Berlin / Bonn: Dietz.
7. Herrmann, Helga (1992) Ursachen und Entwicklung der Ausländerbeschäftigung // Ausländer. Informationen zur politischen Bildung. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
8. Migration und Asyl in Zahlen (2003). Bonn: Bundesamt für Anerkennung ausländischer Flüchtlinge.
9. Migration und Flucht. Aufgaben und Strategien für Deutschland, Europa und die internationale Gemeinschaft / Steffen Angenendt (Hrsg) (1997). Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
10. SOPEMI (2004) Trends in international Migration 2003. Paris: Sopemi, OECD.
11. Tapinous G.L. (1974) L'Economie des Migrations Internationales. Paris : Armand Colin Press de la Foundation Nationale des Sciences Politique.
12. UN (1995) Replacement Migration: Is It A Solution to Declining And Aging Population? New York: UN.
13. Zahlenkompass (2003). Für die Bundesrepublik Deutschland. Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2003.
14. www.bafl.de
15. www.destatis.de
16. www.integrationsbeauftragte.de
17. <http://www.loester.net/fakten1.htm>

САМООРГАНИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ПОРТУГАЛИИ

Международная миграция, будучи многосторонним явлением, может рассматриваться, как процесс проникновения чужеродных человеческих ресурсов из одной страны в другую, таящий в себе угрозу для безопасности принимающего государства. Нелегальная миграция, в частности, является одной из радикальных форм этого явления. В миграционном контексте государство стремится обеспечить безопасность, проводя миграционную политику, отвечающую стратегическим интересам данной страны и общества. Известный американский экономист Дж. Борджас полагает, что любая иммиграционная политика должна давать ответ на два вопроса: какое количество мигрантов необходимо принимать данной стране, и каким категориям иностранцев следует предоставить ограниченное число въездных виз (Bojtas, 2001).

Государства Южной Европы в 1970–1990-х гг. трансформировались из стран эмиграции в страны иммиграции. Их иммиграционная политика пока еще далека от «идеала» Борджаса и имеет свои особенности. Фактически, она не опережает начало тех или иных миграционных событий, а запаздывает, следует за ними. Таким образом, миграция складывается самостоятельно и стихийно, без контроля со стороны посылающих и принимающих стран.

Этот подход выражен в форме крупномасштабной незаконной миграции в страны Южной Европы с последующей легализацией незаконных (преимущественно трудовых) мигрантов в них. За последние 20 лет ими было легализовано самое большое число иностранцев по сравнению с другими европейскими странами. Так, в Испании прошло 5 кампаний по легализации, в Италии — 4, в Португалии — 3 и в Греции — 2 (Siadima, P. 24). В результате недавней кампании в Португалии в 2001–2002 гг. было легализовано 170 тыс. трудовых мигрантов, из них более половины из стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), в том числе почти 6,5 тыс. россиян (см. табл. 1). Однако значительная часть мигрантов из ЦВЕ по-прежнему не имеет законного статуса (примерно 60–130 тыс. человек).

В этих условиях обеспечение безопасности и миграционный контроль дистанцированы и заложены в самом образе жизни общества. Недостатки миграционной политики компенсируются косвенным регулированием миграции. Другими словами, происходит самоорганизация миграционной политики. Например, в Португалии российские мигранты столкнулись с рядом барьеров, посредством которых, местное общество обеспечивает свою безопасность и отстаивает свои интересы. Они характерны и для остальных стран Южной Европы. Основные из них — это языковой барьер, непризнание диплома и квалификации и сложно-

сти трудоустройства мигрантов по специальности. Важную роль в этом процессе играют различные общественные организации Португалии.

Таблица 1 Легализованные трудовые мигранты из стран ЦВЕ в Португалии (по странам происхождения на конец 2002 г.)

	чел.	в % к итогу
Всего из ЦВЕ	96 119	100,00
Бывший СССР	82 896	86,24
Азербайджан	3	0,00
Армения	31	0,03
Беларусь	1 068	1,11
Грузия	895	0,93
Казахстан	758	0,79
Кыргызстан	46	0,05
Латвия	246	0,26
Литва	904	0,94
Молдова	11 746	12,22
Россия	6 431	6,69
Таджикистан	4	0,00
Туркменистан	3	0,00
Узбекистан	398	0,41
Украина	60 310	62,75
Эстония	56	0,06
Другие страны ЦВЕ	13 223	13,76
Болгария	2 634	2,74
Венгрия	71	0,07
Польша	214	0,22
Румыния	10 089	10,50
Бывшая Чехословакия	117	0,12
Бывшая Югославия	98	0,10

Рассчитано по данным Службы иностранцев и границ Португалии (www.sef.pt).

Языковой барьер

«Самый первый барьер, с которым сталкиваются современные иммигранты, — это незнание местного языка. Поиск работы, получение образования или предоставление доступа к системе здравоохранения — все это зависит от способности общения» (Стокер, 1995, С. 95). К важному критерию отбора мигрантов, например классическими странами иммиграции (США, Канадой, Австралией) относится хорошее знание языка принимающей страны. В этом случае уровень владения языком страны назначения среди мигрантов выше, чем, к примеру, в Южной Европе, где большинство мигрантов не проходило отбор и изначально не имело законного статуса. Наш опрос российских мигрантов в Португалии, к примеру, выявил, что только 27% из них свободно владеет португальским языком, 61% имеют его базовые знания и 12% не знают этот язык вообще¹.

¹ Проект по изучению трудовой миграции из ЦВЕ в Португалию, Автономный университет, г. Лиссабон, 2002 г.

В то же время само португальское общество предъявляет к ним требование не хорошего, а свободного владения португальским языком. Мигранты из стран ЦВЕ особенно остро ощущают на себе это давление, конкурируя на рынке труда с выходцами из бывших колоний Португалии — Бразилии и стран Африки, где португальский является официальным языком.

Для устранения языкового барьера среди мигрантов правительство Португалии открыло бесплатные школы португальского языка. По нашим наблюдениям, более 90% учеников в этих школах — выходцы из бывших республик СССР, в основном — украинцы и россияне.

Непризнание диплома и квалификации

После подписания странами Европы, в том числе и Россией, Лиссабонской конвенции Совета Европы, российские документы об образовании де-юре признаются наравне со всеми другими. Однако де-факто наши дипломы не признаются за рубежом, даже в тех странах Европы, где по конвенции обязаны это делать (Филиппов, 2002).

В Европе признанием иностранных дипломов занимаются ассоциации, имеющие общественно-профессиональный характер. Однако, как показывает опыт Португалии, для мигранта это очень дорогостоящая и сложная бюрократическая процедура. Нам не известно ни одного случая, когда в этой стране был признан российский (советский) диплом, а его обладателю дано право заниматься соответствующим профессиональным видом деятельности. Министр образования РФ В.М. Филиппов видит причину в том, что ассоциации «соблюдают интересы своего профессионального клана. Например, Ассоциация врачей может признать или не признать документ соискателя на вакансию врача и, стало быть, решить, дать или не дать ему работу» (Филиппов, 2002). Причем, такая ситуация характерна не только для Европы. Например, «существующие в мире инженерные ассоциации вообще не признают дипломы российских технических вузов, даже университета им. Баумана» (Филиппов, 2002).

Сотрудничество России с профессиональными ассоциациями за рубежом, возможно, станет решением проблемы. Однако пока эта работа ведется не очень активно.

Проблемы трудоустройства

Россияне и другие мигранты из ЦВЕ сталкиваются с проблемой трудоустройства в Португалии в соответствии с их специальностью, профессиональными навыками и опытом работы. Особые трудности возникают у высокопрофессиональных специалистов и лиц, чья работа связана с ответственностью за жизнь и здоровье людей. В частности, у российских медицинских работников и водителей практически нет возможности для трудоустройства в Португалии по профилю.

В основе этой серьезной проблемы лежат рассмотренные выше препятствия — языковой барьер и непризнание диплома и квалификации мигрантов в Португалии. Кроме того, сами работодатели предпочитают заполнять престижные вакантные места португальцами и жителями других стран ЕС, а не гражданами СНГ, даже если те свободно владеют португальским языком. Однако они с готовностью используют дешевую рабочую силу из России на малоквалифицированной и низкооплачиваемой работе.

В результате, мигранты из России сконцентрированы в определенных отраслях португальской экономики, из них: 72% — в строительстве, 14% — в общественном питании, 9% — в сельском хозяйстве и только 5% — в других секторах (Diário da República, 2002). Они в большей степени, чем коренное население, представлены в низких социально-профессиональных категориях. Согласно классификатору составленному Генеральной инспекцией по труду Португалии для всех профессий трудовых мигрантов (90 наименований), 40% россиян-мужчин являются подсобными рабочими в строительстве, а 20% женщин — уборщицами.

Принимая во внимание данные об уровне образования мигрантов и их последнем месте работе на родине, очевидна дифференциация профессионального статуса до и после миграции в Португалию. Так, почти 77% мигрантов из России в Португалии имеют среднее профессиональное, высшее профессиональное и послевузовское образование, тогда как среди португальцев специалистов соответствующего уровня — только 7,7%, т.е. в 10 раз меньше (UNESCO, 2002). Опрос показал, что на родине эти россияне занимались бизнесом, руководящей работой, преподавательской и другими видами деятельности.

Парадокс состоит в том, что в Португалии и других новых странах иммиграции ЕС, существует дефицит высококлассных специалистов: профессионалов в области информационных технологий, ученых, инженеров, врачей. Однако португальское общество вопреки объективной потребности препятствует тому, чтобы наши мигранты были задействованы на «верхних этажах» рынка труда.

Еще одним сдерживающим фактором является более низкий уровень доходов россиян в Португалии по сравнению как с коренным населением, так и мигрантами из бывших португальских колоний. Согласно исследованию, средний уровень зарплаты португальцев — 1000, а россиян — 660 евро в месяц на человека. Известны случаи, когда зарплата мигрантов ниже, чем установленный минимальный уровень в этой стране, который в 2002 г. был 350 евро в месяц (самый низкий в ЕС).

Выше обозначенные и иные барьеры приводят к тому, что в проигрыше оказываются обе стороны. Очевидно, что в целом Португалия использует труд российских специалистов неэффективно. В свою очередь, россияне, хотя и увеличивая уровень дохода за рубежом, вопреки положениям теории «человеческого капитала», не повышают свой образовательный и профессиональный уровень. Напротив, большинство из

них, занимается тяжелой несвойственной им физической работой, по 12–14 часов в сутки, и теряет тот запас знаний, навыков и здоровья, которые у них были до миграции. Имея ограниченный доступ к услугам здравоохранения в странах Южной Европы, многие вынуждены возвращаться обратно на родину больными и даже недееспособными.

Негативный эффект усиливается за счет невнимания российских официальных органов (внутри страны и за рубежом) к вопросам миграции из России. Обозначенные проблемные области не находят отражения в миграционной политике нашей страны. Таким образом, российские мигранты преодолевают многочисленные барьеры в основном самостоятельно, и в редких случаях полагаясь на правительство принимающей страны и помощь международных организаций.

Литература

1. Стокер П. (1995) Работа иностранцев: обзор международной миграции рабочей силы. М.: Протестант.
2. Филиппов В.М. (2002) Признание дипломов де-юре и де-факто // Лидеры образования. 01.12.2002. <http://www.philippov.ru/news/37/1052>.
3. Borjas G.J. (2001) Immigration Policy: a Proposal. <http://www.cis.org/articles/2001/blueprints/borjas.html>
4. Diário da República (2002) № 278, 30 de Novembro. P. 7610.
5. Siadima M. Dissertation Paper "Immigration in Greece During the 1990's: an overview. <http://www.aubg.bg/home/students/BNV000/grckaimigracija.pdf>.
6. UNESCO (2002) Institute for Statistics. Percentage Distribution of Population by Educational Attainment. http://portal.unesco.org/uis/ev.php?URL_ID=5234&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201&reload=1061184009

Международная конференция « Ответ на вызовы «мягких» угроз безопасности в XXI веке», 7-9 апреля 2003 г., г. Гармиш, Германия

С 1993 г. в самом центре Западной Европы, в г. Гармише (Бавария, Германия) существует Европейский Центр по изучению вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла, американского автора плана восстановления послевоенной Европы. Поддерживаемый правительствами США и Германии, Центр является международным учебным и научным заведением, призванным изучать вопросы международной безопасности и содействовать «созданию безопасного и конструктивного сообщества государств на пространстве от Атлантики до Евразии».

Весной 2003 г. Центр им. Джорджа К. Маршалла начал серию международных конференций, посвященных проблемам кооперативной безопасности в России, Украине, Беларуси и Прибалтийских государствах. Первой в этой серии была конференция «Ответ на вызовы «мягких» угроз безопасности в XXI веке», которая прошла 7–9 апреля 2003 г. в г. Гармише. Целью конференции было рассмотрение существующих «мягких» угроз безопасности на национальном и региональном уровнях и — что более важно — разработка возможных вариантов реагирования на те вызовы, которые возникают в связи с этими угрозами. Концепция «мягких» угроз безопасности подразумевает, что в современной Европе, где «жесткие», т.е. военные угрозы безопасности в значительной мере элиминированы, растет роль и значение «мягких» угроз, т.е. тех, ответ на которые требует не военных, а иных действий на государственном и региональном уровнях. Речь идет об угрозах, связанных с ростом нелегальной миграции, незаконной переправкой людей, наркотиков и оружия, которая является сферой деятельности организованных преступных группировок. Эти угрозы становятся особенно актуальными в связи с предстоящим расширением Европейского Союза на восток.

В конференции приняли участие более 60 экспертов из России, Украины, Беларуси, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Германии, других западноевропейских стран, Соединенных Штатов Америки.

Организационно работа конференции была решена таким образом, что помимо пленарных заседаний, на которых обсуждался весь комплекс вопросов, связанных в «мягкими» угрозами безопасности, участники были разделены на несколько секций, где с особым вниманием рассматривались отдельные аспекты этих угроз. Так, в секции по нелегальной миграции, собравшей наибольшее число участников, на основе анализа причин и последствий нелегальной миграции в отдельных странах региона были предложены конкретные формы субрегионального сотрудничества в противодействии этой форме угрозы безопасности.

Вообще вопросы, вопросы, связанные с нелегальной миграцией, занимали центральное место на конференции. Эксперты из России, Украины, Литвы в своих выступлениях проанализировали ситуацию в области нелегальной миграции в своих странах и на региональном уровне, меры, предпринимаемые правительствами для преодоления угроз, связанных с ростом неконтролируемой миграции в регионе. При этом указывалось, что ситуация в России принципиально отличается, скажем, от Украины, где основной поток нелегальной миграции — это транзитные мигранты, стремящиеся попасть на Запад. В России, которая также является транзитной страной для мигрантов, тем не менее, подавляющее большинство незаконных мигрантов — это граждане бывших республик СССР, которые стремятся в Россию в поисках заработка. То есть по сути своей это трудовые мигранты, незаконное пребывание которых на территории России во многом обусловлено несовершенством ее законодательства в миграционной сфере. В то же время кризисная демографическая ситуация в России в самом ближайшем времени неизбежно приведет к нехватке трудовых ресурсов для развития экономики, что должно заставить государство по-новому взглянуть на то, что в страну едут люди. Таким образом, нелегальная миграция в России — это многообразное явление, и «многослойность» миграционных потоков требует соответственно неоднозначной, подуманной, отвечающей также экономическим и демографическим интересам России политики российских властей.

Дискуссия в секции по нелегальной миграции была содержательной и, несмотря на различия высказывавшихся мнений, суммировалась к единому подходу к оценке причин, последствий, а также мер противодействия нелегальной миграции в восточно-европейском регионе. Участники конференции были единодушны во мнении, что международная миграция как социальный процесс является *сущностным элементом происходящей глобализации* и играет важную позитивную роль в развитии мирового хозяйства, распространении передового опыта и взаимообогащении культур.

Однако в рамках либерально-демократической традиции, претендующей сегодня на роль основной модели глобализации, пока не найдено инструментов эффективного миграционного взаимодействия стран. Это подтверждается растущими масштабами нелегальной миграции, ежегодно вовлекающей в свой оборот миллионы человек и состоящей из дешевой и бесправной рабочей силы. Нелегальная миграция неизбежно сопряжена с нарушением основных прав человека и чрезмерной эксплуатацией, превращающей мигрантов-нелегалов в современных рабов. Это с особой актуальностью ставит вопросы *безопасности личности* в контексте нелегальной миграции.

В то же время участники дискуссии сошлись во мнении, что в области целенаправленного воздействия государства на нелегальную миграцию с целью ее ограничения следует разграничивать (1) нелегальную миграцию как особую форму трудовой миграции и (2) преступную дея-

тельность организаций, специализирующихся на нелегальной торговле людьми.

Отсюда следует, что меры воздействия также должны быть разноуровневыми. В отношении миграции с целью нелегального трудоустройства альтернативой может быть взвешенная долгосрочная миграционная политика на национальном и региональном уровнях, нацеленная на расширение легального поля миграции.

К сожалению, как было констатировано, в государствах бывшего Советского Союза не проработаны не только механизм реализации миграционной политики, но и сама концепция миграционной политики остается аморфной, не учитывающей современный контекст национальной и региональной безопасности.

В то же время воздействие нелегальной миграции на национальную безопасность стран региона (при всем многообразии их конкретных условий) очевидно:

- она деформирует рынок труда и ведет к прямым экономическим потерям в результате исключения нелегальных мигрантов из сферы формальной занятости и системы налогообложения;
- она способствует ухудшению криминальной обстановки;
- она несет в себе возможность усиления этно-социальной напряженности в обществе в форме обострения национальной нетерпимости, проявлений шовинизма и мигрантофобии, и т.д.

В том же, что касается контрабанды людей, торговли людьми, наиболее циничной формой которой является торговля женщинами и детьми с целью их последующей сексуальной эксплуатации, то борьба с этим явлением должны вестись самым жестким образом сочетанием усилий правоохранительных органов: пограничных служб, полиции или милиции, миграционных служб, других государственных ведомств и неправительственных организаций.

Успех этой борьбы во многом предопределяется совместными действиями стран на региональном уровне, поскольку только посредством сотрудничества заинтересованных сторон, включая Европейский Союз и другие страны назначения мигрантов, может быть обеспечена главная цель – подрыв финансовых основ этого хорошо организованного и высокодоходного бизнеса.

С этой целью участники конференции предложили комплекс практических мер на региональном и национальном уровнях.

На региональном уровне:

- усиление международного сотрудничества между правоохранительными органами и другими государственными структурами, на которые возложена ответственность за регулирование миграционных процессов;
- создание региональных механизмов управления нелегальной миграцией и перевода ее в правовое русло;

- создание комплексной информационно-аналитической системы, обеспечивающей соответствующие правоохранительные органы информацией о фактах нелегального пересечения границы, персоналиях нарушителей, способах и каналах нелегальной переправки людей, выявленных в сопредельных государствах;
- координация деятельности таможенных, пограничных и полицейских служб стран региона;
- подписание с соответствующими государствами соглашений о реадмиссии.

На национальном уровне:

- совершенствование национальных законодательств, направленное на сокращение латентных миграционных процессов, незаконное привлечение и использование иностранной рабочей силы, пособничество в нелегальной переправке мигрантов;
- обеспечение большей координации в работе государственных учреждений и других структур, осуществляющих регулирование процессов миграции;
- широкое привлечение неправительственных правозащитных организаций, занимающихся проблемами нелегальных мигрантов;
- поиск механизмов борьбы с коррупцией на разных уровнях;
- выявление и пресечение деятельности преступных группировок, специализирующихся на нелегальной переправке мигрантов и торговле людьми. Целенаправленное использование финансовых средств, конфискованных в результате этих операций, на дальнейшее совершенствование правоохранительной деятельности;
- отслеживание транзитных мигрантов, находящихся на территории страны транзита;
- информирование общественности об угрозах, связанных с нелегальной миграцией, и ее последствиях в средствах массовой информации, через общественные организации, на государственном уровне;
- развитие социальных служб, обеспечивающих психологическую и иную поддержку жертвам торговли людьми, их реабилитацию и реинтеграцию в общество.

Участники секции по нелегальной миграции, отдавая себе отчет в том, что искоренение нелегальной миграции во всех ее проявлениях при современном миропорядке невозможно вследствие сохранения спроса на дешевые рабочие руки, услуги секс-бизнеса и т.д., тем не менее, подчеркнули, что бездеятельность в области борьбы с нелегальной миграцией и торговли людьми не может быть оправдана, а упущенное время может вызвать новые, еще более серьезные угрозы безопасности государства, общества и личности.

И. В. Ивахнюк

Международный научный семинар «Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия»

В рамках Соглашения между Москвой и Берлином от 19 февраля 1999 г. происходит тесное сотрудничество между двумя городами, в том числе и в области миграции. Важным механизмом реализации этого Соглашения является Международный московско-берлинский семинар, который стал постоянно действующим институтом и проводится два раза в году, поочередно в Москве и Берлине. С 2002 г. участие в семинарах принимают и представители Вены.

Целью семинаров является обмен опытом и выработка рекомендаций, которые позволили бы более цивилизованно регулировать миграционные потоки в интересах решения триединой задачи: выполнение международных обязательств, обеспечение национальных интересов государства и интересов личности. Опыт, накопленный в ходе работы семинаров, активно используется для определения более эффективных методов и способов совершенствования законодательства и механизмов управления миграционными процессами в крупных мегаполисах с учетом нужд мигрантов и социальной защищенности жителей столиц, а также обеспечения безопасности и противодействия незаконной миграции.

С 19 по 25 июня 2003 г. в Москве по эгидой Правительства Москвы был проведен очередной IX Международный семинар на тему «Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия». Особенностью обсуждаемых вопросов на данном семинаре явилось исследование проблем взаимодействия миграции и безопасности с позиций органов власти, неправительственных, международных и правозащитных организаций, научных центров.

Семинар показал большое значение совместного изучения вопросов интеграции в общество законных мигрантов, которые несут свою культуру, уклад жизни, религию, языковую среду, а также проблем совершенствования механизмов их адаптации.

В докладах и в ходе дискуссий широкое освещение получили вопросы реализации права на свободу передвижения, выбора места жительства и необходимости регистрации. Впервые с трехсторонних позиций (представителей органов власти, работодателей и самого работника) были комплексно рассмотрены вопросы практики привлечения и использования иностранной рабочей силы, квотирования, обсуждены причины расширения масштабов нелегальной занятости. В рамках семинара обсуждался вопрос о легализации незаконных мигрантов, так называемой «миграционной амнистии».

В семинаре приняли участие ответственные сотрудники Правительства Москвы, федеральных и городских органов исполнительной власти, Аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе, ведущие эксперты общественных, правозащитных и международных организаций по оказа-

нию помощи беженцам и вынужденным переселенцам, Координационного совета объединений работодателей России, ведущие представители науки в области миграции, специалисты в сфере миграции из Берлина и Вены. Широкий круг участников семинара позволил всесторонне осветить аспекты взаимодействия миграции и внутренней безопасности, а также обменяться мнениями и практическими предложениями по решению рассмотренных проблем с учетом специфики крупнейших европейских центров миграционного притяжения.

В ходе обсуждения было высказано мнение, что, несмотря на различные договоры о сотрудничестве, принимающие и посылающие мигрантов страны скорее находятся в состоянии противостояния, нежели сотрудничества. И именно отсутствие такого конструктивного взаимопонимания и неэффективность модели миграционного взаимодействия обусловили громадные масштабы нелегального перемещения, особенно рабочей силы.

Поэтому в ходе дискуссий участники семинара пришли к выводу о том, что в эпоху глобализации и связанного с ней всплеска международной миграции в одиночку государства не в состоянии справиться с миграционными проблемами и в полной мере снизить ее негативное влияние на внутреннюю безопасность. Результаты семинара показали, что имеются перспективы не только дальнейшей гармонизации, но и создания базы как для интеграции систем, регулирующих миграцию, так и образования единого правового пространства в Европе в сфере миграции.

Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия. Сборник материалов IX Международного семинара по актуальным проблемам миграции. Москва, 2003. Введение

Европейская конференция по народонаселению ЕРС-2003

Традиционная встреча европейских демографов, которые регулярно, раз в два года собираются на общеевропейскую конференцию по народонаселению для того, чтобы обменяться мнениями, подвести итоги исследований, обсудить актуальные теоретические и практические проблемы демографической науки и связанных с нею дисциплин, прошла в 26–30 августа 2003 г. в Варшаве. Конференция была организована Европейской Ассоциацией по изучению народонаселения (EAPS) совместно с Институтом статистики и демографии Варшавской школы экономики (SGH).

Тема миграции всегда занимает важное место на европейских конференциях по народонаселению. Растущий интерес к теме миграции в последние годы со стороны политиков и общественного мнения тем более призывает ученых обратить внимание как на возрастающий масштаб потоков международной и внутренней миграции на континенте, так и на изменение их структуры, в частности, неуклонный рост незаконной миграции, и связанные с этим проблемы.

В рамках одной только темы по международной миграции на конференции работали 5 секций, на которых было заявлено в общей сложности 23 доклада. Сами названия секций четко выявляют те аспекты миграционной проблематики, которые привлекают наибольшее внимание европейских ученых: F-1: *Международная миграция и европейская интеграция*; F-2: *Экономические причины и последствия миграции*; F-3: *Гендер, международная миграция и интеграция*; F-4: *Этнические особенности поведения иммигрантов*; F-5: *Метаморфозы статуса мигрантов*. Кроме того, еще 14 докладов по миграции были представлены на постер-секциях – формате, впервые использованном на европейских конференциях по народонаселению. (Однако, несмотря на интересные и актуальные темы докладов, представленных в виде постеров, этот формат вызвал явно меньший интерес участников конференции по сравнению с устной формой презентаций.)

Видимо, не будет преувеличением сказать, что миграционная ситуация в странах, переживающих переходный период, и особенно в восточноевропейских государствах, готовящихся к вступлению в Европейский Союз, была в центре внимания участников конференции. Это объясняется прежде всего интересом к объективному знанию того, что происходит в пост-социалистических странах, со стороны ЕС, а также международных и организаций и фондов, которые финансово поддерживают внутривосточные и региональные миграционные исследования в Восточной Европе.

В общей сложности российскими участниками конференции было заявлено 22 доклада, из них 7 — по миграционной тематике. К чести кафедры народонаселения экономического факультета МГУ следует заметить, что ее представители составляли большинство среди специалистов по миграции от России: И.Ивахнюк, В. Ионцев — *Россия — ЕС: миграционные реалии и перспективы*; А. Калицев — *Нелегальная миграция как фактор экономического роста*; Я. Трухина — *Экономическое сходство как фактор трудовой миграции в страны ЕС*; О. Чудиновских — *Миграционные намерения выпускников высшей школы в России*; И. Ивахнюк — *Калининградская область: российский анклав в центре Европы. Новый вызов миграционной политике*; А. Каменский — *Международная трудовая миграция в России после 01.11.2002*.

Проведение следующей европейской конференции по народонаселению намечено на лето 2005 г. во Франции.

И.В. Ивахнюк

**4-я региональная конференция Совета Европы
«Миграционная политика накануне расширения ЕС:
вызовы будущему сотрудничеству в восточноевропейском регионе»**

Расширение Европейского Союза и предстоящее включение в «европейскую семью» государств Восточной Европы вызывает множество вопросов и проблем — политических, экономических, социальных и других.

Одним из актуальных вопросов является то, как будет строиться миграционное взаимодействие между теми государствами, которые окажутся в границах Объединенной Европы, и теми, которые останутся вне этих границ.

В контексте миграции расширение ЕС на восток означает новое изменение европейского миграционного пространства: Европейский Союз с его относительно открытыми внутри-региональными границами становится непосредственным соседом территории стран СНГ, где границы между странами также остаются в той или иной мере транспарантными. В этом кроется причина пристального интереса ЕС к своим восточным соседям. Естественно, если ваш сосед спокоен, доброжелателен и успешен, вы можете чувствовать себя в безопасности. Если же ваш сосед настроен враждебно, ведет себя замкнуто, а его дом полон странных, подозрительных гостей, — в таком случае есть причины для беспокойства.

В то же время Россия и другие европейские постсоветские государства — Украина, Беларусь, Молдова — внимательно наблюдают за интеграционными процессами, происходящими в связи с расширением ЕС, имея в виду свое собственное возможное присоединение в отдаленном будущем к Единой Европе.

В этом заключается основа для взаимного интереса и конструктивного диалога. Регулирование миграционных потоков между ЕС и его восточными соседями могло бы быть «опытным полем» для выработки общих подходов в решении практических вопросов дальнейшего взаимодействия в более общем плане. Однако эффективная миграционная политика должна основываться на знании масштабов, тенденций и перспектив миграции населения в контексте экономического, социального и политического развития. По этой причине в центре внимания 4-й региональной конференции Совета Европы, прошедшей 9–10 октября 2003 г. в Киеве и посвященной возможному сотрудничеству в миграционной сфере в восточноевропейском регионе накануне и после расширения ЕС, были вопросы, связанные с анализом конкретной ситуации в области международной миграции в странах, непосредственно граничащих со странами-кандидатами в ЕС, а именно, в России, Украине и Беларуси.

При этом среди участников конференции были не только эксперты из этих государств и других заинтересованных стран Европы, которые, как правило, выступают странами назначения для мигрантов, но также представители стран происхождения мигрантов — Китая, Вьетнама, Бангладеш, Пакистана. В целом конференция собрала представителей 38 стран Европы и Азии, а также международных организаций — МОМ, МОТ, ОБСЕ, УВКБ ООН, Исполком СНГ — и неправительственных организаций.

Работа конференции проходила в рамках трех секций, на которых обсуждались следующие темы:

1. *Миграционное движение через восточные границы Европы* (региональный обзор миграционных потоков; экономические, социальные,

демографические и политические условия и последствия миграции в регионе; противодействие незаконной миграции; роль организованной преступности и т.д.).

2. *Расширение ЕС и международная миграция извне и внутри региона* (воздействие геополитических изменений на страны выезда и страны въезда; свобода передвижения и ограничения миграции; социальные и экономические последствия для «приграничных» стран; управление миграцией через региональное сотрудничество; интеграция иммигрантов и т.д.).
3. *Стратегия управления миграцией Совета Европы – проблемы осуществления* (стратегия управления миграцией как надежная основа для обеспечения достижения политических, гуманитарных, экономических и социальных целей; укрепление сотрудничества в регионе между странами происхождения и странами назначения на основе принципа «разделенной ответственности»; управление миграцией и сотрудничество на уровне местных и региональных властей и т.д.).

Конференция в Киеве явилась важным шагом на пути сближения позиций стран Восточной Европы и ЕС в плане разработки взаимоприемлемых путей и методов регулирования миграционных процессов, совершенствования форм сотрудничества между странами региона в противодействии незаконной миграции и борьбы с криминальными организациями, специализирующимися на содействии незаконным и нелегальным формам миграции.

Разработанная Советом Европы стратегия управления миграцией может стать хорошей основой для постоянного диалога между странами происхождения, странами назначения и странами транзита в целях обеспечения прав мигрантов и противодействия незаконной миграции. Основанная на четырех основных принципах — организованность, защита, интеграция и сотрудничество, — стратегия управления миграцией предусматривает ряд условий, которые должны выполнить правительства отдельных стран для того, чтобы она стала реальным инструментом совместного управления процессами международной миграции:

- (1) все страны должны разработать комплексную миграционную политику;
- (2) политика должна быть скоординирована внутри самих стран;
- (3) стратегический подход к вопросам миграции требует вклада со стороны всех участников регулирования миграционных процессов, включая широкий спектр неправительственных организаций;
- (4) миграционная политика должна быть прозрачной;
- (5) политика стран должна координироваться на международном уровне.

Следующая, 5-я региональная конференция Совета Европы по миграции состоится летом 2004 г. в Москве.

И.В. Ивахнюк

Международный семинар

«Экономическая миграция в России – правовая защита мигрантов»

18–19 декабря 2003 г. по инициативе Совета Европы на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова состоялся международный семинар «Экономическая миграция в России – правовая защита мигрантов». Со-организаторами семинара выступили Департамент по миграции Совета Европы и кафедра народонаселения экономического факультета МГУ.

В семинаре приняли участие представители и эксперты Совета Европы во главе с заместителем руководителя Департамента по миграции Совета Европы Петром Вальчаком; представители департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ; Федеральной миграционной службы МВД РФ; Министерства труда и социального развития РФ; Правительства Москвы, а также ведущие специалисты российских научных организаций, занимающихся проблемами международной миграции, в том числе из регионов России (Новосибирска, Краснодара, Саратова).

Работа семинара проходила в рамках трех секций:

- Современные тенденции международной экономической миграции в России;
- Перспективы сотрудничества между Россией и ЕС в развитии законных форм трудовой миграции;
- Незаконная миграция: тенденции развития и проблемы регулирования.

Центральным вопросом обсуждения участников семинара была возможность присоединения России к Европейской Конвенции о правовом статусе трудовых мигрантов и перспективы переориентирования нелегальных потоков экономической миграции (как направленных на Россию из государств ближнего и дальнего зарубежья, так и направляющихся из России в другие страны мира, в том числе в страны ЕС) в легальные и обеспечение таким образом основных прав мигрантов.

Участники семинара внесли ряд конкретных предложений и рекомендаций, которые могут быть использованы заинтересованными российскими государственными структурами, негосударственными организациями, а также Советом Европы.

- Создать в России при участии Совета Европы информационно-аналитический центр для позитивной пропаганды Европейской Конвенции о правовом статусе трудовых мигрантов, подготовки соответствующих рекомендаций в области совершенствования государственной концепции миграционной политики и развития национального законодательства, имея в виду присоединение в будущем Российской Федерации к Европейской Конвенции, что могло бы приблизить ее к членству в Европейском Союзе.
- Поддерживать и активно использовать в противодействии незаконным формам международной миграции неправительственные орга-

низации, профессионально занимающиеся развитием законной временной трудовой миграции как российских граждан за рубеж, так и иностранных рабочих в Россию (частные агентства по трудоустройству, международные ассоциации в области международного трудового обмена).

- Разработать при участии Совета Европы систему подготовки и переподготовки специалистов в области миграции для повышения общего уровня компетентности и квалификации кадров, занятых в государственных службах, занимающихся вопросами как концептуальной разработки миграционной политики, так и практическим ее осуществлением. Формой такого обучения могут быть интенсивные краткосрочные курсы. Базовой учебной организацией может быть экономический факультет МГУ.

В целом семинар выявил совпадение положительных мнений российских и международных экспертов в отношении возможности подключения России к Европейской Конвенции о правовом статусе трудовых мигрантов, что могло бы улучшить положение в области правовой защиты мигрантов (как российских граждан, работающих за рубежом, так и различных категорий экономических мигрантов, пребывающих в России) и послужило бы совершенствованию миграционной политики России в целом.

И.В. Ивахнюк

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Ионцев — профессор, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия

Леонид Рыбаковский — профессор, доктор экономических наук, председатель Докторского Диссертационного Совета Института социально-политических исследований РАН, Россия

Ирина Ивахнюк — заместитель заведующего кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия

Рамазан Дауров — заместитель директора Международного центра стратегических и политических исследований (Москва); эксперт Совета безопасности РФ

Грэм П. Херд — профессор Европейского Центра по изучению вопросов безопасности им. Джорджа К. Маршалла, Германия

Розариа Пуглиси — почетный исследователь Института политики и международных исследований Университета Лидса; эксперт по политическим вопросам Делегации Европейской Комиссии в Украине, Молдове и Беларуси, Великобритания

Далхат Эдиев — доцент Карачаево-Черкесской государственной технологической академии, Черкесск, Россия

Александр Хомра — доктор географических наук, заведующий отделом региональных связей Национального института украинско-российских отношений, Украина

Светлана Соболева — профессор Института экономики Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

Ольга Чудаева — младший научный сотрудник Института экономики Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

Иван Алешковский — студент экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, стажер университет г. Кайзерслаутерна (Германия), Россия

Яна Трухина — аспирантка кафедры народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия

NOTES ON THE AUTHORS

Vladimir Iontsev — Professor, Head of Population Department, Faculty of Economics, Moscow State ‘Lomonosov’ University, Russia

Leonid Rybakovskiy — Professor, Head of the Doctor Degree Dissertation Council at the Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

Irina Ivakhniouk — Deputy Director of the Department of Population at the Faculty of Economics, Moscow State ‘Lomonosov’ University, Russia

Ramazan Dayrov — Deputy Director of the International Center for Strategic & Political Studies (Moscow); expert in the Security Council of Russia

Graeme P. Herd — Professor of Civil-Military Relations at the George C. Marshall European Center for Security Studies, Germany

Rosaria Puglisi — Honorary Research Fellow in the Institute of Politics and International Studies of the University of Leeds; Political Affairs Officer in the Delegation of the European Commission to Ukraine, Moldova and Belarus, United Kingdom

Davkhat Ediev — Associate Professor at the Karachay-Cherkes State Technological Academy, Cherkessk, Russia

Alexander Khomra — Chief of Department of Regional Relations of the National Institute for Studies of Relations between Ukraine and Russia, Ukraine

Svetlana Soboleva — Professor at the Institute for Economic Research of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Olga Tchudaeva — Researcher at the Institute for Economic Research of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Ivan Aleshkovskiy — Bachelor student at the Faculty of Economics, Moscow State ‘Lomonosov’ University, trainee at the University of Kaiserslautern (Germany), Russia

Yana Troukhina — Post-graduate student at the Department of Population at the Faculty of Economics, Moscow State ‘Lomonosov’ University, Russia

SUMMARY OF THE ARTICLES

Leonid Rybakovskiy **Demographic Security: Geopolitical aspects and Migration**

A theoretical essay on demographic security is analyzing the phenomenon in internal and external dimensions, in terms of geopolitical status, military strategic potential and territorial integrity, as well as in historical perspective. By means of comprehensive statistical analysis the author proves that Russia's numerous population losses can become an obstacle for economic progress and even a threat to its political sovereignty. The loss of territories can be a result of both outflow of indigenous population and demographic expansion (e.g. of Chinese population). Migration management can become an important instrument in counteracting security threats along with "traditional" measures to strengthen national security (like military development, borders control improvement, combat against criminal, etc.).

Irina Ivakhniouk, Ramazan Daurov **Irregular Migration and Security in Russia: Threats, Challenges, Risks**

The authors are examining irregular migration in Russia within the frames of a variety of security aspects: political, economic, criminal, social. Heterogeneous nature of irregular migration in Russia is highlighted with special emphasis on the fact that the major part of irregular migrants in the country are citizens of the former Soviet states, and they are labor migrants by nature. Sure, they can be regarded as a threat to Russia's national security as they are out of official employment and tax system, and they are a reason for ethnic and social tension in certain regions. However, they are to be managed in a different way than irregular migrants from non-former Soviet countries and illegal transit migrants who are "organized" by criminal structures specializing in smuggling and trafficking business. Understanding of diverse multiply structure of irregular migration in the context of economic and demographic interests can give the only proper way to complex multi-level approach to manage its challenges and threats. Thus, the authors urge to the search for reasonable well-grounded long-term migration policy that would be in line with national security concept and political, economic and demographic interests of Russia.

Graeme P. Herd, Rosaria Puglisi **National Security and Migration Policy in Putin's Russia: a Foreign Perspective**

This article explores the relationship between migration and national security thinking in Russia. It evaluates the effectiveness of migration policies that have been introduced in response to population decline and attempts to assess

their likely effectiveness, viability and sustainability. It concludes by arguing that Russia has to formulate a coherent population policy. This policy must untangle the dilemmas associated with promoting economic growth whilst maintaining political stability and societal security. It should also incorporate an understanding of national security concerns and strategic threats to Russia, in order to forge a consensus at elite and expert levels on the necessity of funding natural population growth and less restrictive immigration. This consensus should allow the elite to overcome forces that oppose immigration. The short-term erosion of President Putin's popularity and the political instability that such a project entails, are easily offset by the longer-term gains made through the sustainability of the Federation.

***Dalkhat Ediev* International Migration as a Way to Overcome
Depopulation Trends in Russia**

Analysis of the scale and variety of migration flows that could solve the depopulation trend in Russia is presented in the article. By means of methods of mathematic modeling optimal migration flows within the scenario of complete compensation of population losses at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries are estimated, as well as two scenarios of part compensation of population losses. The author concludes that in order to overcome depopulation trends in Russia by the middle of the 21st century, extremely numerous migration inflow (over 1 million persons a year in the nearest decades) is needed. It looks unrealistic. However, in case of the delay of active immigration policy the expenses related to encouraging of immigration inflows will be increasing.

***Alexander Khomra* Migration of Population in Ukraine in
1989-2001: Input to Population Dynamics and Ethnic Structure**

The author argues that the Ukrainian government policy and legislation in the field of national security underestimates demographic (including migration) security threats. The 2003 Law on National Security in Ukraine pays minor attention to population decline and migration outflow challenges. The scale of the threats can be estimated on the basis of reliable data on population dynamics and migration trends. However, the results of the latest population census in Ukraine in 2001 seem dubious, in particular in ethnic structure dynamics. The sharp decline in the number of Russians in comparison with 1989 census can be the result of both migration outflow and self-identification tricks under specific political situation. Meanwhile, the European Union enlargement and strengthening of its eastern common border can be fraught with the growth of conflict ethnic potential in Ukraine: being a "tank" of illegal migrants from Asian and African countries Ukraine loses Slavic (Ukrainian and Russian) population for temporary employment and permanent residence.

Under the circumstances of demographic crisis in Russia migration inflow has become the major source of labor market replenishment. Taking the sample of Siberia, the authors analyze how local labor markets are becoming segmented by employment of migrant workers, to what extent social and cultural tension in the region is resulting from migration inflow of alien ethnic groups. The paper is based on the materials of the survey "Migration and Ethno-cultural Situation in the Eastern regions of Russia in the Context of Ethno-political Stability in Eurasia" conducted by the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences in 2002. Inevitable growth of the number of labor migrants to Russia in the nearest decades is to be managed by means of reasonable long-term government policy accompanied by practical mechanism of migrants' employment, control, and legal protection.

ИНФОРМАЦИЯ О СЕРИИ

Научная серия «**Международная миграция населения: Россия и современный мир**» была основана в 1998 г. на кафедре народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Идея создания серии была связана с резко возросшим масштабом и значением международной миграции в современной России, активизацией теоретических и прикладных исследований российских демографов и экономистов в этой области, в то время как в стране не существовало ни одного периодического издания по международной миграции. Главный редактор серии — В.А. Ионцев, профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ. Ответственный секретарь — старший научный сотрудник кафедры народонаселения, к.э.н. И.В. Ивахнюк.

Выпуски серии выходят два раза в год; они представляют собой как сборники статей, так и индивидуальные монографии. Фактически на страницах серии происходит активный обмен мнениями российских и зарубежных ученых по различным теоретическим и прикладным аспектам участия России в международной миграции населения, его причин и последствий.

Первый выпуск (1998 г.) был составлен преимущественно на основе докладов, представленных российскими учеными на Генеральной Конференции IUSSP в Пекине, Китай, в октябре 1997 г. (Подробная информация о Конференции представлена в данном выпуске.) Это статья *В.А. Ионцева и А.Н. Каменского — Россия и международная миграция населения*, раскрывающая проблемы, связанные с участием России в мировых миграционных процессах на новом этапе своего развития. Статья *А. Островского — Миграция рабочей силы из Китая на российский Дальний Восток: возможности иммиграции сегодня и в будущем*, касается превращения трудовой миграции в постоянную иммиграцию в конкретном российском регионе.

Другие статьи первого выпуска посвящены исключительно актуальному для России аспекту международной миграции — «утечке умов»: *И.Г. Ушкалов — Интеллектуальная эмиграция из России: факторы, масштабы, последствия, возможности регулирования*; *И.А. Малаха — «Утечка умов» в странах Центральной и Восточной Европы: состояние, политика регулирования*. Кроме того, первый выпуск серии включает рецензию на знаменитую книгу Джулиана Саймона «Экономические последствия иммиграции». Рецензии на заметные публикации российских и иностранных специалистов по международной миграции являются обязательным разделом каждого из выпусков серии.

Второй выпуск (1999 г.) представлен широким диапазоном тем, связанных с международной миграцией населения в России и в мире: *В.А. Ионцев, А.Г. Магомедова — «Внешняя» миграция между Россией и*

странами ближнего зарубежья (*Исторический обзор*); И.В. Ивахнюк — *Опыт государственного регулирования международной трудовой миграции (на примере Турции)*; А.Н. Каменский — *Экспорт рабочей силы и влияние переводов трудящихся мигрантов на платежные балансы стран выезда*; И.Г. Ушкалов — *Эмиграция и иммиграция: российский феномен*. Помимо статей российских ученых, в сборник включена работа профессора Янеша Малачича (Университет Любляны, Словения) — *Ситуация на рынке труда и в сфере международной миграции в центрально-европейских странах с переходной экономикой*. Начиная с этого выпуска, приглашение зарубежных коллег, работы которых нечасто можно прочесть на русском языке, стало традицией серии: каждый выпуск серии включает, по крайней мере, одну статью иностранного ученого, специализирующегося по проблемам международной миграции.

Третий выпуск (1999 г.) представлен монографией В.А. Ионцева — *Международная миграция населения: теория и история изучения*. В книге рассмотрены современные теоретические направления в объяснении международной миграции населения, дана классификация основных научных подходов в ее изучении. Работа содержит подробный анализ участия России в международных миграционных потоках, начиная с XVIII века до современного этапа развития, а также прогноз развития миграционной ситуации в стране и регионе. Монография дополнена кратким терминологическим словарем по миграции. Заслуживает внимания также обширная библиография, включающая более 1200 названий работ российских и зарубежных авторов по миграционной тематике.

Четвертый выпуск (2000 г.) включает статьи российских и зарубежных ученых, отображающих как современные глобальные тенденции в международной миграции населения, так и специфику миграционных потоков в Россию и из нее. Статья профессора Семьи Эрдер (Университет Мармара, Турция) — *Новые тенденции международной миграции и опыт Турции* представляет точку зрения автора на миграционную картину в современной Европе и меняющееся место в ней Турции. Появление нового миграционного пространства в Восточной Европе привело к появлению качественно новых миграционных потоков в регионе. Это стало объектом двух других статей выпуска: И.В. Ивахнюк — *Взаимодействие России и Турции в области международной трудовой миграции*; Е.С. Красинец, Е.В. Тюрюканова — *Миграция Россия — Италия как модель этнонейтральной экономической миграции*. Этнический аспект международной миграции представлен в статье израильского демографа Марка Тольца (Иерусалимский Университет) — *Миграция российских евреев в 90-е гг.*

Среди рецензий, помещенных в четвертом выпуске, одна заслуживает особого внимания. Это последняя книга И.Г. Ушкалова и И.А. Малахи — *«Утечка умов»: масштаб, причины, последствия*. Это не просто хорошая книга, но последняя прижизненная публикация Игоря Георгиевича Ушкалова, безвременно ушедшего из жизни в ноябре 1999 г. Он

безусловно был одним из лучших специалистов по международной интеллектуальной миграции.

Пятый выпуск (2000 г.) объединен одной общей темой — влияние международной миграции населения на демографическое развитие. Ситуация в трех бывших республиках СССР — России, Украине и Армении — анализируется в статьях демографов из соответствующих стран: *В.А. Ионцев — Международная миграция населения и демографическое развитие России; А.У. Хомра — Международная миграция и демографическое развитие Украины; Р.С. Еганян — Демографические реалии и перспективы Республики Армения на пороге XXI века.* Показательно сравнение опыта этих трех стран, в которых международная миграция играет прямо противоположную роль на протяжении последнего десятилетия. Статья *М.Б. Денисенко — Замещающая миграция* представляет собой анализ Отчета по Научному Проекту ООН по замещающей миграции, участником которого был автор. В статье делается попытка дать ответ на вопрос, может ли замещающая миграция решить проблему старения и сокращения населения в развитых странах. Статья профессора Лувэнского католического университета (Бельгия) *Мишеля Пулэна — Источники данных для измерения международной миграции в странах Центральной Европы* является серьезным вкладом в разработку единой методологии исследований международной миграции населения.

Шестой выпуск (2001 г.) полностью посвящен вынужденной миграции населения и приурочен к 50-летию юбилею деятельности Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и принятия Конвенции 1951 г., касающейся статуса беженцев. Региональное представительство УВКБ ООН в РФ поддержало издание этого выпуска, и обзорная информация о его деятельности в России за последние пять лет представлена на страницах книги. Естественно, все статьи шестого выпуска посвящены вынужденной миграции населения: *В.И. Мукомель — Вынужденная миграция в контексте миграционных процессов и миграционной политики стран СНГ: этапы развития; Марек Окодьски (Польша) — Миграционное давление на Европу; С.В. Рязанцев — Вынужденная миграция в Европе: современные тенденции и проблемы управления; Филипп Ваннер (Швейцария) — Ищущие убежища в Швейцарии: социально-демографические характеристики; М.Н. Куница — Вынужденная миграция населения в региональном развитии: особенности и проблемы в Брянской области; С.А. Ганнушкина — Право и политика России в области миграции; Я. Нисанов — Тоталитарные традиции и свободное предпринимательство в России: коллизии права, вынуждающие мигрировать.*

Седьмой выпуск (2002 г.) несколько нарушил хронологию серии, поскольку приурочен к юбилею Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в структуру которого входит кафедра народонаселения. Он представляет собой аннотированную библиографию трудов по миграции сотрудников

Центра за все годы его существования и называется *Миграция населения: 35 лет исследований в Центре по изучению проблем народонаселения (1967–2002 гг.)*. (Составитель — *И.В. Ивахнюк*). Библиография дает представление о масштабе и традициях миграционных исследований, создавших хорошую теоретическую основу для формирования современного подхода к изучению нынешнего, качественно нового этапа в миграционной истории России

Восьмой выпуск (2001 г.) посвящен вопросам статистики и учета международной миграции населения, имеющих своеобразные национальные особенности и значительные разночтения, что зачастую затрудняет глубокий сравнительный анализ мировых миграционных потоков. Статья *О.С. Чудиновских* — *Состояние и перспективы текущего учета миграции в России* анализирует недостатки существующей в настоящее время в России системы первичной регистрации мигрантов, которые выступают препятствием для получения достоверных статистических данных по миграции и научного исследования миграционных процессов в стране. Статья *М.Б. Денисенко* — *Эмиграция из России по данным зарубежной статистики* представляет национальную иммиграционную статистику иностранных государств как альтернативный, более точный источник оценки эмиграционных потоков из России. Небольшая статья *Жоржа Таиноса* — *Международная миграция населения как фактор экономического развития* содержит некоторые ценные методологические замечания и ориентиры, весьма актуальные для нынешней миграционной ситуации в России и других государствах бывшего СССР. Статья *А.Е. Слуки* — *Международная миграция населения и демографические проблемы Западной Европы* продолжает важную для нас тему — о роли международной миграции в демографическом развитии, — заявленную в третьем и пятом выпусках.

Девятый выпуск (2002 г.) также имеет единую тему, исключительно актуальную и для России, и для многих других стран мира, — нелегальная, незаконная миграция. Анализ незаконной миграции представлен в широком географическом и тематическом разрезе. В ряде статей рассмотрена ситуация с незаконной миграцией в России: *Г.С. Витковская* — *Незаконная миграция в России: ситуация и политика противодействия*; *Е.С. Красинец* — *Незаконная иммиграция и латентная занятость в приграничных территориях Российской Федерации*; *Т.И. Куценко* — *Нелегальная миграция и незаконная занятость иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ*. Другие статьи посвящены анализу аналогичных проблем в других странах СНГ: *Е.Ю. Садовская* — *Предупреждение незаконной миграции в Республике Казахстан*; *Л.П. Шахотько (Беларусь)* — *Нелегальная миграция: факторы роста и пути решения*. Специфика геополитического положения государств бывшего СССР и относительная «прозрачность» границ между нами привела к формированию особого евро-азиатского миграционного пространства, используемого как транзитный коридор для пере-

правки нелегальных мигрантов из Азии в Европу. Авторы указывают на неразрывность проблем нелегальной миграции и незаконной занятости и на значимость мер государственного контроля за незаконным использованием иностранной рабочей силы в контексте борьбы с незаконной международной миграцией.

Десятый, юбилейный выпуск (2002 г.) составлен из статей признанных специалистов в области международной миграции из разных стран мира. В них представлены как теоретические аспекты изучения миграции населения, так и анализ тенденций развития миграционной ситуации в отдельных странах и регионах. В статье *Дугласа Массея* (США) *Синтетическая теория международной миграции* делается попытка сформулировать универсальную, обобщающую теорию миграции на основе существующих концепций. *Дирк ван де Каа* (Нидерланды) в статье *О международной миграции и концепции второго демографического перехода* убедительно доказывает важность включения миграции населения в анализ демографического развития, делая значительный теоретический шаг в понимании классической теории демографического перехода. По разному, но одинаково интересно предлагают взглянуть на проблемы миграции высококвалифицированных кадров в современном мире *Реджинальд Эпплеярд* (Австралия) — *Миграция квалифицированных кадров в глобализированном мире* и *Ирина Малаха* (Россия) — *К вопросу об «утечке умов» в России во второй половине 1990-х гг.* Новый теоретический подход к пониманию современных тенденций международных миграционных потоков предлагает *Мэри Критц* (США) в статье *Международная миграция: развитые страны как «экспортеры» населения*. Особого интереса заслуживает статья *Марека Окольского* (Польша) — *Наступающие цивилизации, уходящие цивилизации на закате XX века. Взгляд с точки зрения демографии*, где автор показывает роль демографических процессов и, прежде всего, миграции в смене человеческих цивилизаций, в частности, в грядущей смене европейской цивилизации (при условии сохранения современных демографических тенденций в Европе) азиатской цивилизацией, что, по существу, уже происходит в результате китайской иммиграции. Статья *Вили Гельбраса* (Россия) *Китайская миграция и китайские землячества в России* удачно развивает и конкретизирует эту тему. Изменения в миграционных тенденциях в странах восточноевропейского региона и бывшего СССР находятся в центре внимания целого ряда статей: *Янеш Малачич* (Словения) *Тенденции международной миграции в Центральной и Восточной Европе в конце 1990-х гг. и начале XXI века*; *Марк Тольц* (Израиль) — *Статистический анализ алии и эмиграции евреев из России*; *Андрей Каменский* (Россия) — *Современное участие России в международной трудовой миграции*; *Владимир Ионцев, Ирина Ивахнюк* (Россия) — *Россия в мировых миграционных потоках: особенности и тенденции последнего десятилетия (1992-2001 гг.)*.

Более подробную информацию о научной серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир», о тематике планируе-

мых выпусков, об условиях участия в выпусках серии, а также об их приобретении можно узнать по адресу:

Москва, 119992, Ленинские горы, ГСП-2, кафедра народонаселения экономического факультета, к. 442 и 458. Тел: (7 095) 939 29 28. Факс: (7 095) 939 08 77. E-mail: iontsev@econ.msu.ru, ivakhniouk@econ.msu.ru.

Учитывая, что выпуски серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» выходят небольшими тиражами и редакция не может удовлетворить спрос всех желающих в их приобретении, выпуски серии размещаются на сайте кафедры народонаселения www.demostudy.ru и доступны для ознакомления.

INFORMATION FOR FOREIGN READERS AND CONTRIBUTORS

The book series “International Migration of Population: Russia and the Contemporary World” was founded in 1998 in view of the fact that there was not a single scientific periodical in Russia dealing with international migration of population. Due to this reason the Department of Population at the Faculty of Economics of the Moscow State ‘Lomonosov’ University made a decision to establish a book series aiming to raise both theoretical and applied aspects of contemporary trends of international migration of population as well as its determinants and consequences. The Editor-in-Chief is Professor Vladimir Iontsev, the Head of the Department of Population at the Faculty of Economics. The Executive Secretary of the series is Irina Ivakhniouk, Senior Researcher at the Department of Population.

The volumes of the series are published biannually. They can be either edited volumes or monographs. The series is in fact an active discussion on various dimensions of international migration in the world and in Russia in particular.

The **first volume** (1998) mainly consist of the papers of Russian scholars presented at the IUSSP General Population Conference at Beijing, China in October 1997. (Detailed information about the Conference is also presented.) These are the articles by Vladimir Iontsev and Andrey Kamensky «*Russia and the International Migration of Population*» dealing with the entrance of Russia into the international community by means of migration and the allied problems — both for Russia and the world; and the article by Andrey Ostrovsky «*Labor Migration from China to Russia’s Far East: Possibilities of Immigration Today and in Future*» concerning the turn of labor migration into permanent immigration at the certain region.

The other articles of the first volume are devoted to a very topical for Russia aspect of international migration — “brain drain”: Igor Ushkalov — «*Intellectual Emigration from Russia: the Factors, Scale, Consequences, Ways of Regulation*», Irina Malakha — «*“Brain Drain” in the Central and Eastern Europe*». Besides, the issue included the digest of the well-known book by Julian L. Simon — «*Economic Consequences of Immigration*» (N.Y.: Blackwell, 1989). Reviews of noticeable publications of Russian and foreign specialists on international migration is an integral part of every issue of the series. Another important section of every volume is “Young Scholars’ Viewpoints”, where students and post-graduate students from the MSU and other universities are granted an opportunity to publish the results of their research in international migration.

The **second volume** (1999) included articles on a broad variety of themes related to international migration in Russia and in the world: Vladimir Iontsev, Aminat Magomedova — «*Migration between Russia and other Former Soviet states (Historical Review)*»; Irina Ivakhniouk — «*The Experience of State Regulation of Labor Force Emigration (Case of Turkey)*»; Andrey Kamensky — «*Labor Force Export and the Impact of Migrant Workers’ Re-*

mittances on Balance of Payment of a Sending Country»; Igor Ushkalov — «*Emigration and Immigration: Russian Phenomenon*». Apart from the Russian scientists' articles the volume also includes contribution of Prof. Janez Malačič, (the University of Ljubljana, Slovenia) — «*Labor Market and International Migration Situation in Central European Transitional Economies*». Starting from the second volume it has become a good tradition of the series to invite foreign colleagues to contribute because their papers can be hardly available in Russian.

The **third volume** (1999) presents the monograph of Vladimir Iontsev «*International Migration of Population: Theory and History of Studying*» dealing with the classification of main scientific approaches for the studying of migration. The analysis of principal concepts in the field of international migration that exist presently both in Russia and the world demographic science are presented. There is also a detailed analysis of international migration affecting Russia since the eighteenth century up to the present day, as well as a projection of possible future migration trends. The work includes a glossary of terms used in Russian-language demographic studies on migration. It is worth mentioning that this monograph contains a numerous bibliography of publications on international migration of population (1200 titles).

The **forth volume** (2000) presents a number of articles depicting both global trends in international migration of population and specific migration flows to and from Russia. The article by Prof. Sema Erder (The Marmara University, Turkey) «*New Trends in International Migration and the Case of Turkey*» presents the author's view on migration picture of contemporary Europe and the changing place of Turkey within this picture. The appearance of new migration space in the Eastern Europe has encouraged new migration flows in the region. That is the subject of two other articles — by Irina Ivakhniouk — «*International Labor Migration between Russia and Turkey*» and by Evgeny Krasinets and Elena Tiuriukanova — «*From-Russia-to-Italy Migration as a Model of Ethnically Neutral Economic Migration*». Ethnic aspect of international migration is presented by the article of Israeli demographer Mark Tolts (the Hebrew University of Jerusalem) — «*Migration of Russian Jews in the 1990's*».

Among the book reviews presented in the forth volume one is worth to be stressed. That is the digest of the last publication of Igor Ushkalov — «*“Brain Drain”: Scale, Reasons, Consequences*» (Moscow, 1999) which has gained special emphasis because of the untimely decease of the author in November 1999. Igor Ushkalov was undoubtedly among the best specialists on international intellectual migration.

The **fifth volume** (2000) has one common theme that penetrates all the articles — the impact of international migration on demographic development. The situation in three former Soviet Union states — Russia, Ukraine and Armenia — is presented in the articles of scholars from the corresponding countries: Vladimir Iontsev — «*International Migration of Population and Demographic Development in Russia*»; Alexander Khomra — «*International Migration and Demographic Development of Ukraine*»; Ruben Yeganian —

«*Demographic Realities and Perspectives of Armenia on the Eve of the 21st century*». The article by Mikhail Denissenko — «*Replacement Migration*» is analyzing the Report of the UN Scientific Project on Replacement Migration, in which the author had taken part. The article is trying to answer the question if the replacement migration could be a solution to declining and ageing populations. Besides, the paper by Michel Poulain, professor of the Louvain Catholic University (Belgium) — «*The Comparison of the Sources of Measurement of International Migration in the Central European Countries*» — can be evaluated as a contribution for promoting some common methodology in international migration studies.

The **sixth volume** (2001) is fully devoted to forced migration taking this chance to celebrate the 50th anniversary of the activities of the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). The Regional Office of UNHCR in Moscow has supported this publication. Naturally, all the articles of the sixth volume deal with forced migration: Vladimir Mukomel — «*Forced Migration in the Context of Migration Processes and Migration Policy in the CIS: Stages of Development*»; Marek Okolski (Poland) — «*Migration Pressures on Europe*»; Sergei Ryazantsev — «*Forced Migration in Europe: Current Tendencies and Problems of Regulation*»; Philippe Wanner (Switzerland) — «*Asylum-Seekers in Switzerland: Principal Socio-Demographic Aspects*»; Marina Kunitsa — «*Forced Migration of Population in Regional Development: Specific Problems in the Bryansk Region, Russia*»; Svetlana Gannushkina — «*Russia's Migration Legislation and Policy*»; Yakhya Nisanov — «*Totalitarian Traditions and Business in Russia: Law's Clashes Force to Migrate*».

The **seventh volume** (2002) is breaking up the chronology of the series due to the fact that it is timed to coincide with the jubilee of the Center for Population Studies at the Faculty of Economics of the Moscow State 'Lomonosov' University which includes the Department of Population as well. This volume is different from the others as it is presented by the annotated bibliography of publications on migration at the Center. It is titled *Migration of Population: 35 years of Research at the Center for Population Studies of the Moscow State 'Lomonosov' University (1967–2002)*. (The author — Irina Ivakhniouk). This bibliography represents the scale and traditions of migration studies which have formed the theoretical background for developing the modern approach to investigation of the contemporary stage of Russia's migration history.

The **eighth volume** (2001) deals with the problems of international migration statistics and registration, which have national peculiarities in every country, and this fact seriously impedes the comparative analysis of the world migration flows. The article by Olga Tchoudinovskikh «*Present State and Perspectives of Current Migration Registration in Russia*» analyzes the shortages of the Russian system of migrants' primary registration that perform as an obstacle for reliable migration estimates and studies. The article by Mikhail Denissenko «*Emigration from Russia According to Foreign States Statistical Data*» represents foreign states immigration statistics as an alternative, more exact

source of estimation of emigration flows from Russia. A short contribution of George Tapinos «*International Migration of Population as the Factor of Economic Development*» contains valuable comments, very topical for contemporary migration situation in Russia and other former Soviet states. The article by Alexander Slouka «*International Migration of Population and Demographic Development of the Western Europe*» continues the theme which is meaningful for the editors — about the role of international migration in demographic development — started in the third and the fifth volumes.

The theme of the **ninth volume** (2002) is highly topical for Russia and the neighboring countries as well as for many other regions of the world — illegal immigration. The contributors to the volume are researchers and practical workers from Russia and other former Soviet Union states: Galina Vitkovskaya — «*Irregular Migration in Russia: Situation and Policy of Counteraction*»; Eugeny Krasinets — «*Irregular Migration and Latent Employment in the Border Territories of the Russian Federation*»; Elena Sadvovskaya — «*Prevention of Irregular Migration in Kazakhstan*»; Lyudmila Shakhotko — «*Illegal Migration: Factors of Growth and Methods of Solution*»; Tatyana Kutsenko — «*Illegal Migration and Irregular Employment of Foreign Citizens and Apatriots in the Russian Federation*». Geopolitical position of the former USSR states and transparent borders between them have turned this vast territory into the corridor for transit migrants from Asia heading to Europe. All the authors stress on indissoluble relation between illegal immigration and irregular employment and on the importance of government control over illegal hiring of foreign labor force in the context of struggle against irregular international migration.

The **tenth, jubilee volume** (2002) is a collection of articles by distinguished experts in international migration from many countries. The papers deal both with theoretical issues of migration studies and migration overviews for certain countries and regions. The article of Douglas Massey (USA) «*A Synthetic Theory of International Migration*» is in fact an attempt to summarize existing migration concepts into a universal, general theory. Dirk van de Kaa (the Netherlands) in the article «*On International Migration and the second Demographic Transition*» emphasizes the role of migration in the analysis of demographic development and makes a serious theoretical step towards better understanding of the classical demographic transition theory. Different, but equally interesting views on contemporary skilled migration are presented in the papers of Reginald Appleyard (Australia) — «*Skilled Migration in the Globalized World*» and Irina Malakha (Russia) — «*On “brain drain” in Russia during the second half of the 1990’s*». A new theoretical approach to understanding of the latest trends in international migration flows is presented by Mary Kritz (USA) in the paper «*International Migration to Multiple Destinations*» where she argues that not only developing countries but also developed ones are to be considered as both labor force importers and exporters. The contribution of Marek Okolski (Poland) — «*The Incoming Civilisations, the Outgoing Civilisations on the Turn of the 20th Century. Reflection from the Perspective of Demography*» is especially engaging by

depicting the role of demographic processes, and migration in particular, in evolution of human civilizations, e.g. in the forthcoming replacement of the present European civilization (if current demographic trends in Europe last) by Asian civilization. The replacement is already taking place as a result of Chinese immigration. This theme is developed and detailed in the paper of *Vilia Gelbras* (Russia) — «*Chinese Migration and Chinese Ethnic Communities in Russia*». Shifts in international migration trends in the Eastern Europe and former Soviet space are the focus of a number of articles: *Janez Malacic* (Slovenia) — «*International Migration Trends in Central and Eastern Europe during the 1990's and ant the Beginning of the 21st Century*»; *Mark Tolts* (Israel) — «*Statistical Analysis of Aliyah and Jewish Emigration from Russia*»; *Andrey Kamenskiy* (Russia) — «*Contemporary Russia in International Labor Migration*»; *Vladimir Iontsev, Irina Ivakhniouk* (Russia) — «*Russia in the World Migration Flows: Trends of the Last Decade (1992-2001)*».

You can get more detailed information on the scientific series “International Migration of Population: Russia and the Contemporary World”, the themes of the forthcoming volumes, the terms of contribution to the series, etc. from the Editorial Board:

Population Department (room 458)

Faculty of Economics

Moscow State ‘Lomonosov’ University

Leninskiye Gory, GSP-2

119992 Moscow RUSSIA

Tel: (7 095) 939 29 93; 939 29 28;

Fax: (7 095) 939 08 77

E-mail: iontsev@econ.msu.ru; ivakhniouk@econ.msu.ru.

As number of copies of the volumes is not enough to meet the demand all the articles are placed at the web-site of the Department of Population www.demostudy.ru (in Russian).